Ивановское областное краеведческое общество
Приход Смоленской иконы Божией Матери в с. Старая Южа
Шуйской епархии Русской Православной церкви

ПОЖАРСКИЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ

альманах

Выпуск № 9

**К 20-летию открытия
Смоленского прихода в Старой Юже**

Южа
2020
ЛАРГО

УДК 947.031.5
ББК 63.3(2Р–4)
П 463

П 463 Пожарский юбилейный альманах: Вып. 9 // К 20-летию возрождения приходской жизни в церкви Смоленской иконы Божией Матери в с. Юже Ивановской области / Ред.-сост. А.Е. Лихачёв. – М.: ЛАРГО, 2020. – 96 с., 4 с. : ил.
ISBN 978-5-6045139-2-7

19 декабря 2020 г. исполняется 20 лет со дня возобновления приходской жизни при храме Смоленской иконы Божией Матери в с. Старая Южа. По инициативе Свято-Смоленского прихода в 2006 г. начался выпуск данного издания. Юбилею прихода мы посвящаем данный 9-й выпуск нашего альманаха, главным «юбилейным» материалом которого является публикация рукописи, хранящейся в архивном отделе Администрации Южского муниципального района – Церковно-приходской летописи села Южи Смоленской церкви, начатой в 1876 г. иереем Андреем Миртовым. В разделе «Духовная жизнь южской земли» ей предпосылается статья с её оценкой как источника по локальной истории Южи.

В связи с расширением в Юже краеведческой работы в сборнике появляется новый раздел: «Семейный фотоархив», в котором публикуются интересные фотоколлекции тех семей и родов, чья жизнь тесно переплетается с историческими обстоятельствами нашей земли.

Ещё одна юбилейная дата уходящего года – 320 лет со дня рождения нашего земляка, великого подвижника Мефодия, епископа Астраханского. О нём, в разделе «Персоналии, значимые для южской земли», даётся историческая справка.

Остальные разделы, традиционные для Пожарского юбилейного альманаха, в настоящем выпуске сохраняются. Разделы «Род князя Д.М. Пожарского» и «История Смутного времени» соединены в общий.

УДК 947.031.5
ББК 63.3(2Р–4)

В сборнике могут встречаться следующие сокращения:

ВГВ – Владимирские губернские ведомости
ВГСК – Владимирский губернский статистический комитет
ВЕВ – Владимирские епархиальные ведомости
ВСМЗ – Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ВУАК – Владимирская учёная архивная комиссия
ГАВО – Государственный архив Владимирской области
ГАИО – Государственный архив Ивановской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ГРМ – Государственный Русский музей
МОИДР – Московское общество истории и древностей Российских
ОИДР – Общество истории и древностей Российских
ОР ГТГ – отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
ЯГВ – Ярославские губернские ведомости.

ISBN 978-5-6045139-2-7

© Текст авторского коллектива, 2020
© Составление и оформление А.Е. Лихачёв, 2020

Раздел I

Род князя Д.М.Пожарского и другие вопросы историографии Смуты

Н.В. Фролов

Из жизни древнейших землевладельцев на землях Южского района князей Ряполовских

В отечественной истории драматические события теперь уже очень далёкого 1446 года сегодня забыты. Между тем 575 лет назад Северо-Восточная Русь, тогда ещё великое княжество Владимирское, переживая разорительную и кровавую междоусобицу, окончательно определилась с правящей династией. И решающую роль тогда сыграли наши земляки братья князья Иван, Дмитрий и Семён Ряполовские-Стародубские, которые, взяв на себя тяжкий груз ответственности и рискуя жизнью, спасли малолетних сыновей своего государя. Однако главный из спасённых, наследник российского престола, позже отплатил Ряполовским чёрной неблагодарностью. И если бы великий Шекспир ознакомился с нашими историческими хрониками, то, глядишь, создал бы такие шедевры, для которых в средневековой Англии сюжетов попросту не нашлось…

В 1445 году правивший в великом княжестве Владимирском, фактическим столицей которого являлась Москва, Василий II Васильевич – внук знаменитого Дмитрия Донского, был разбит войском ордынского хана Улу-Мухаммеда и попал в плен. Вскоре его освободили под обещание огромного выкупа, но сложной ситуацией воспользовался давний недруг великого князя его двоюродный брат Дмитрий Юрьевич Шемяка. В феврале 1446 года его сторонники захватили Василия II в Троице-Сергиевой лавре. Так как ранее последний приказал ослепить старшего брата Шемяки князя Василия Косого, то теперь ослеплению подвергся уже сам Василий II, получивший после этого прозвание Тёмный. Однако

похитители великого князя совершили ошибку, забыв о находившихся в лавре его малолетних сыновьях 6-летнем Иване и 4-летнем Юрии. Воспользовавшись суматохой, несколько верных слуг вывезли княжичей из ставшей ловушкой обители и отправились в Юрьев-Польской уезд, где в селе Боярово в своей вотчине в ту пору находился боярин князь Иван Иванович Ряполовский.

Братья Иван, Семён и Дмитрий Ивановичи Ряполовские приходились внуками нашему земляку князю Андрею Фёдоровичу Стародубскому – герою Куликовской битвы, где он храбро командовал полком правой руки. Столицей Стародубского княжества был город Стародуб на Клязьме – теперь это село Клязьминский городок Ковровского района Владимирской области. Третий сын Андрея Иван Андреевич по прозвищу Нагавица получил удел в Стародубском княжестве с центром в большом селе Ряполово (ныне оно находится в нашем Южском районе Ивановской области), по которому получил прозвание Ряполовский-Стародубский, а потом и его потомки стали писаться князьями Ряполовскими. Увидев нежданных гостей, опытный политик и воевода князь Иван Иванович, которому тогда уже было за 50, не растерялся. Собрав свою дружину и срочно вызвав младших братьев Семёна Хрипуна и Дмитрия, он во главе целого отряда ратных людей препроводил княжичей Ивана и Юрия сначала в Борисоглебский монастырь на реке Ушне (ныне село Борисоглеб Муромского района), а оттуда – в город Муром, где и «затворился» в муромской крепости.

Муромское княжество было присоединено к владениям великих князей Московских лишь в 1392 году Василием I Дмитриевичем, отцом Василия II. Очевидно, муромляне оказали поддержку боярам свергнутого Василия Тёмного и согласились защитить его сыновей и наследников. Действуя подобным образом, Ряполовские, прежде всего, старший из братьев князь Иван Иванович, сильно рисковали. В случае, если бы Дмитрий Шемяка утвердился на московском

престоле, строптивому князю Ряполовскому грозила не просто опала и ссылка, а казнь. Примеров подобных расправ над неугодными в ту пору было предостаточно. Тем не менее, Ряполовские, не колеблясь, сделали свой выбор.

Узнав о бегстве княжичей в Муром, захвативший Москву Дмитрий Шемяка крепко задумался. При его непрочном положении вести рать на Муром и брать хорошо укреплённый город штурмом он не хотел. Осада могла бы затянуться, да и позитивного отношения новому правителю поход против детей никак бы не прибавил. Поэтому Шемяка вынужденно прибег к помощи церкви. По его просьбе посредником на переговорах с князьями Ряполовскими выступил епископ Муромский и Рязанский Иона – один из главных кандидатов в митрополиты Киевские и всея Руси, так как после смерти митрополита Фотия первенствующая в ту пору на Руси киевская кафедра оставалась вакантной. Владыка Иона поручился в том, что с княжичами ничего не случится. Так как ратников в Муроме для длительного сопротивления было недостаточно, Ряполовские вынужденно согласились передать княжичей епископу. Впрочем, главное потомки князей Стародубских сделали: они спасли сыновей великого князя от возможного тайного убиения или увечья по горячим следам после ослепления Василия Тёмного. А после публичного поручительства «без пяти минут митрополита» на покушение против жизни и здоровья малолетних княжичей вряд ли отважился бы и сам Шемяка.

В муромском соборе Рождества Пресвятой Богородицы епископ Иона покрыл Ивана и Юрия Васильевичей своей епитрахилью, тем самым символически подчёркивая, что княжичи отныне находятся под покровительством Русской православной церкви. Вскоре после краткого свидания с Дмитрием Шемякой епископ Иона препроводил сыновей к отцу Василию Тёмному, который был сослан

в Углич. А князья Ряполовские, не желая полагаться на милость Шемяки, решили не складывать оружия. Они стали душой военного предприятия, целью которого было освобождение Василия Тёмного из Углича.

На Петров день в июле 1446 года был назначен сбор их отрядов под Угличем. Однако Дмитрию Шемяке донесли о данном плане. Он отправил в погоню за Ряполовскими и их единомышленниками два больших отряда ратников. Однако первый из них братья Ряполовские разбили на речке Мологе, а второй отряд преследователей поспешил отступить. Тем не менее, неожиданное нападение на Углич сорвалось. Ряполовские отправились искать союзников в Великое княжество Литовское. Там они убедили князя Василия Ярославича, внука героя Куликовской битвы Владимира Андреевича Храброго, покинувшего Русь из-за разногласий с Шемякой и имевшего богатые владения, пожалованные ему польским королём Казимиром IV, выступить в поддержку его тёзки и четвероюродного брата Василия Тёмного. Выступление Василия Ярославича во многом оказалось решающим для победы дела Василия II. Дмитрий Шемяка вскоре потерял Москву, и инициатива перешла к прежнему великому князю. Известно, что Василий Ярославич был щедро награждён за помощь, в частности, Василий II передал ему во владение город Дмитров. Как отблагодарил Василий Тёмный князей Ряполовских, точно неизвестно. Во всяком случае, они занимали высокие посты в его боярской думе. Князь Иван Иванович Ряполовский в последний раз упоминается в источниках в 1459 году, его бездетный младший брат Дмитрий – в 1462-1463 гг. И лишь средний из братьев Семён Хрипун прожил очень долгую жизнь и скончался в 1503 году. Его род по линии князей Хилковых продолжается до сих пор.

А вот единственный сын Ивана Ивановича, князь Семён Иванович Молодой Ряполовский, боярин и воевода при сыне Василия Тёмного великом князе Иване III, в январе 1499 года неожиданно попал в опалу и был обезглавлен. Для конца XV столетия это был поистине беспрецедентный случай. Так Иван III отплатил сыну человека, который спас его самого в детстве от весьма вероятной смерти.

Д.М. Володихин

Патриарх Гермоген как политик-консерватор

(К вопросу о роли посланий Гермогена в формировании земского освободительного движения)

В отечественной специальной литературе ведётся дискуссия по вопросу о том, содействовал ли патриарх Гермоген письмами и проповедями рождению земского освободительного движения в конце 1610–1611 гг. Автор этих строк стоит на позиции, согласно которой Гермоген как минимум с середины декабря 1610 года рассылал письма и устные распоряжения, содержавшие призыв к вооружённому сопротивлению иноземным захватчикам, а также к созданию ополчения против них. Поднятая усилиями патриарха вооруженная борьба, помимо религиозного, получила также национальный, а вслед за тем ещё и политический оттенок. Она превратилась из одного только православного дела ещё и в русское национально-освободительное, по сути своей консервативное движение.

Не напрасно дореволюционные консервативные публицисты пытались соединить в его пастырском служении понятия «русское» и «православное», хотя для Гермогена второе всегда занимало самостоятельное, притом иерархически более высокое место и не нуждалось ни в каком слиянии с первым. А.Н. Эшенбах, например, писал: «После смерти Тушинского вора… и распадения великого Московского посольства, отправленного под Смоленск… патриарх решил выступить открыто на борьбу с поляками, рассылая по городам и областям свои знаменитые грамоты, призывая сплотиться против общего врага – поляков, указывая на коварство короля, его тайные замыслы – присоединить к Польше, ополячить и облатинить искони православную русскую землю, и разрешая русских людей от присяги, данной королевичу Владиславу» [1. С. 9–10]. Публицист В. Шукин высказался ещё прямее: «Вложив свою основную черту [общительность] и, так сказать, всю свою национальную душу в православное христианство, русский народ самое это православное христианство превратил в свою душу, в свою русскую природу, в мерило русской национальности… Вот за такое-то русское православие, а в лице его и за главную основу всей русской национальности и подвизался и умер мученически приснопамятный… патриарх Гермоген… Личная жизнь патриарха Гермогена тесно была связана с такими чрезвычайными религиозными фактами, в которых разительнее всего осуществлялась… религиозно-национальная идея Руси как земного Царствия Божия, обильного проявлениями чудодейственной Божией благодати» [2. С. 10].

Борьба с поляками у Эшенбаха показана как нечто нераздельное с борьбой против «облатинивания». Между тем, для святителя вооруженное давление на «польских и литовских людей» являлось всего-то инструментом для защиты православия. Гермоген не имел ничего против иноземцев самих по себе, в этническом смысле, он ополчался на урон, наносимый ими восточному христианству. Так же и само восточное христианство в глазах миссионера, много лет потратив-

шего на укрепление Креста среди татар, вряд ли могло выглядеть «душой» одного только русского народа. Просто главной силой православия в отстаивании себя от посягательств извне на тот момент служила русская рать, и ничто иное.

В земском движении, помимо национальной, ярко выражена ещё одна производная от его православной сути. Её можно назвать политической, или, точнее, – государственнической. Прекрасно уловил её знаменитый духовный писатель Евгений Поселянин. По его словам, значение Гермогена – «не местное и не временное». Поселянин дает Гермогену иной масштаб: «Он удержал Россию, готовую сорваться с исторических путей своих. Он подхватил готовую ринуться в бездну колесницу русской государственности и, сам задавленный, спас свою Родину». Патриарха, как полагает Поселянин, Ермогена вдохновляла идея, за которую он «положил свою душу», имя же этой идеи: «Свободная самобытная Россия!» [3. С. 319–321]

И вот на этом стоит остановиться особо.

На протяжении примерно полугода – с августа 1610 до марта 1611-го – Московская Русь имела чрезвычайно странное, можно сказать, аварийное устройство высшего государственного управления. Пока на троне сидел Василий IV, Московское государство сохраняло традиционный государственный строй – каким он был, скажем, при Иване IV или Фёдоре I. При слабом монархе, усилении роли Боярской думы, да ещё с рядом законодательных уступок, сделанных царем в самом начале правления, но всё же – именно традиционный государственный строй. Русский государь из рода Рюриковичей, Боярская дума как аристократический консультативный совет при нём, приказное устройство административного аппарата, местнические преимущества знати, безраздельное главенство Русской православной церкви в духовной жизни народа. С марта 1611 года (разгром Страстного восстания) и до освобождения Москвы высшая государственная власть осуществлялась польским гарнизоном и пропольской администрацией. Притом последняя выглядела для всей страны как сборище подручников при иноземных офицерах, не более того. Территория, где эта власть сохраняла действительную силу, ограничивалась несколькими районами Москвы. Патриарх утратил административную власть и оказался под стражей. Боярская дума утратила власть и выполняла чисто декоративные функции, местнический порядок разрушился. Государя не было. Действительный контроль за жизнью страны постепенно переходил к вождям земского движения. Иными словами, можно констатировать полное разрушение государственности. Наступило время «полевых командиров». Политические институты в России перестали работать, их нельзя назвать ни традиционными, ни реформирующимися, ни модернизационными, поскольку они просто на время пришли в состояние хаоса. Но как управлялась Русь между падением царя Василия Ивановича и Страстным восстанием? Ответ на этот вопрос чрезвычайно поучителен.

Полгода три силы так или иначе пытались заполнить собой пустоту, возникшую после пленения государя. Это, прежде всего, боярское правительство во главе с первенствующим аристократом – князем Ф.И. Мстиславским, затем – поляки, представленные воинским командованием и группой русских администраторов, назначенных по воле Сигизмунда III, и, наконец, священноначалие Русской церкви, возглавленное Гермогеном.

Польская политическая элита преследовала две цели: инкорпорировать Московское государство в Речь Посполитую, а также открыть новую территорию для миссионерской деятельности католицизма. При этом благом представлялось по минимуму соблюдать договорённости с национальной политической элитой России. Сам руководящий класс Речи Посполитой не имел единства по вопросу о генеральном политическом курсе на Руси. Задолго до начала Смуты в политике Речи Посполитой наметились две политические линии по отношению к России. Первой из них придерживались прежде всего Сигизмунд III и его ближайшее окружение. Она предполагала «…завоевание России и её военную колонизацию укреплёнными поселениями шляхты по образцу деятельности конкистадоров в Новом Свете». Представителем второй являлся, например, коронный гетман Жолкевский. Суть её – несколько мягче: военное вмешательство в дела Московского царства, по мнению её сторонников сочетать с мерами, направленными к соглашению с русским дворянством. Разумеется, такое соглашение мыслилось в виде «неравноправной унии», когда в обмен на предоставление шляхетских «свобод» и «вольностей» русское дворянство одобрило бы «превращение Русского государства в политический придаток Речи Посполитой» [4. С. 32–33]. Летом 1610 года Жолкевский, следуя этой второй линии, заключил договорённости с московской знатью и московским дворянством. Но потом… коса нашла на камень. Во время переговоров под Смоленском позиция представителей Москвы показала неосновательность расчётов на то, что государственное устройство Речи Посполитой покажется русскому дворянству привлекательным: «Составители инструкций для “великого посольства” не проявили никакого стремления к рецепции польско-литовских государственных институтов» [4. С. 33]. Проект соглашения, предложенный ими, представлял собой лишь договор о обычном военно-политическом союзе между государствами… Православная Церковь, значительная часть русского дворянства и горожан относились враждебно ко всякой идее соглашения с Речью Посполитой. В России мало кто изъявил готовность пойти на подчинение Речи Посполитой ради получения шляхетских “свобод” и “вольностей”. Разве что небольшой слой высшей аристократии. Сигизмунд рассматривал русское общество как послушную массу, повинующуюся командам сверху; исходя из этой, мягко говоря, бесхитростной посылки, он пошёл по пути силового захвата власти в Москве, полного подчинения боярского правительства, прямого назначения послушных администраторов. В итоге его русские союзники потеряли всякий авторитет, появились настроения недовольства, которые подготовили почву для грандиозного земского движения против иноземной власти [5. С. 270–285].

Итак, фантастическая самонадеянность короля помешала польским управленцам в России занять вакуум пустоты, появившийся на верхнем этаже власти после падения Василия IV.

Политическое направление большинства членов «Семибоярщины» вполне ясно: помимо князей Голицыных, Воротынских и Одоевских, они стремятся к модернизации политического строя. Они готовы принять царя-иноверца, если законодательные и управленческие прерогативы Боярской думы расширятся. Это значит: роль самого монарха уменьшится, его права и возможности сдвинутся от

традиционного самодержавия в сторону республики с королём-президентом во главе, как в Речи Посполитой. Мстиславский со товарищи не просто от страха сдают полякам одну позицию за другой, не просто призывают покориться Сигизмунду, они пытаются заменить сильного русского царя на слабого польского. Это не трусость, а политическая программа, направленная к усилению роли первостепенной знати в государственном строе России. В перспективе такие изменения могли открыть для верхушки нашей знати путь к превращению в русскую магнатерию.

Но глубокий сервилизм в отношениях с поляками оттолкнул от боярской верхушки всё остальное русское общество. Столь своекорыстная модернизация, притом купленная столь дорогой ценой, никого, кроме высшей знати, не устраивала.

Что же касается Церкви, то она, как ни парадоксально, перетянула на себя важные функции высшей светской власти.

Ряд историков нашего времени воспринимают роль Церкви в организации земского движения как самую значительную, возможно, решающую. Ведь во времена Первого и Второго ополчений «…представителями высшей центральной власти на местах считаются местные церковные иерархи с Освящёнными соборами, которые начинают выполнять функции глав местных правительств» [6. С. 130; 7. С. 21].

Но это, допустим, труды провинциальных архиереев. А роль первоиерарха гораздо масштабнее. Защита веры – дело чисто церковное – привела Гермогена к полностью самостоятельному политическому курсу. Этот курс пролагался независимо от поляков и, чем дальше, тем больше в пику их самовластию. А значит, он, чем дальше, тем больше расходился и с курсом боярского правительства, готового чрезвычайно далеко зайти в уступках Сигизмунду. Подобная самостоятельность и очистительная направленность сделали образ действий Гермогена весьма привлекательным для широких слоёв населения. И в их глазах патриарх частично занял место царя. Иными словами, именно он в какой-то мере заполнил пустоту на высшем этаже власти. Недаром смоленские послы митрополит Филарет и князь Василий Голицын отвергли пришедшую из Москвы, от боярского правительства грамоту, указывавшую во всём положиться на волю Сигизмунда, поскольку не нашли под нею патриаршей подписи. Разгневанным полякам они так объяснили своё решение: «Изначала у нас в Русском царстве при прежних великих государях так велось: если великие земские или государственные дела начнутся, то великие государи наши призывали к себе на собор патриархов, митрополитов и архиепископов и с ними о всяких делах советовались, без их совета ничего не приговаривали… теперь мы сделались безгосударны, и *патриарх у нас человек начальный* (Курсив мой. – *Д.В.*), без патриарха теперь о таком великом деле советовать непригоже… Как патриарховы грамоты без боярских, так боярские без патриарховых не годятся».

Грамоты Гермогена, содержавшие приказ собирать полки для похода на Москву, также исполнялись на местах с большим рвением – словно писал их не патриарх, а царствующая особа.

Почему так произошло? Почему большие слои русского общества восприняли призыв к сопротивлению, исходящий от главы Церкви как манну

небесную? Только ли дело тут в православной нравственности, предписывающей смиренно повиноваться духовному владыке? Тем более, что Смута успела изрядно пошатнуть эту самую нравственность…

Видимо, особую роль Гермогена в создании земского движения подготовили обстоятельства не только духовного, но и материального характера.

Власть поляков, государь-иноверец и, к тому же, иноземец, а также аристократическая модернизация в глазах очень многих русских людей выглядели прежде всего *страшно невыгодным, разорительным делом.* Гермоген, поставивший себя на место главного консерватора страны, хранителя давно сложившегося её государственного строя, вероисповедных устоев, политической традиции, был безоговорчно признан ими как персона, защищающая их интересы.

Сколь велик тот правящий круг московской первостепенной знати, которому противостоял патриарх и который оказался столь угоден полякам? Менее десятка крупных фигур!

Князь Ф.И. Мстиславский, боярин М.Г. Салтыков, князь Ю.Н. Трубецкой, князь И.С. Куракин – главные «начальники злу». К ним можно добавить князя А.В. Трубецкого, князя Б.М. Оболенского-Лыкова и боярина Ф.И. Шереметева, далеко не столь активных сторонников Владислава и, тем более, Сигизмунда; поведение Шереметева выдаёт колебания. Примыкал к ним боярин И.Н. Романов. Однако последний и вовсе мог вести самостоятельную игру – приходясь родным братом смоленскому послу митрополиту Филарету и дядей будущему царю Михаилу Фёдоровичу, он имел целый веер возможностей для большой политической интриги, помимо благоволения Сигизмунда.

Столь же родовитые люди – род Голицыных, князь И.М. Воротынский, князь И.Н. Одоевский избрали для себя путь сопротивления полякам. А князь Д.Т. Трубецкой вообще возглавил дворянскую часть Первого земского ополчения.

Иными словами, у проекта «аристократической модернизации», ориентированной на поляков, имелась очень узкая социальная база.

А вот против поляков и за восстановление прежнего политического устройства России выступали многие.

Прежде всего, посады крупных городов. Тамошнее торгово-ремесленное население за годы Смуты убедилось: придут поляки с литовцами – наступит разорение. Настанет бесконтрольное управление знати – опять жди разорения!

Православное духовенство ничего доброго не ждало от иноверной власти. Пример «Литовской Руси», где католицизм вёл планомерное наступление на позиции восточного христианства, был у всех на виду.

Второ- и третьестепенная аристократия (к ней относился, кстати, и род Пожарских), да и просто знатное дворянство, не попадавшее в круг аристократов, но всё же относящееся к числу «родословных людей», вовсе не горело желанием вместо одного сильного царя посадить себе на шею кучку властных магнатов. Не имея особенных земельных богатств, завися от службы, эти люди крепко держались за права, которые давало им местническая система. Благодаря ей, они могли претендовать на высокие служебные посты. Как-то с нею обойдутся поляки и свои доморощенные «магнаты»? Уж верно, периоды «боярского правления», время от времени случавшиеся в русской истории, настраивали

на скептический лад по поводу такой перспективы. Один «природный» русский самодержец виделся им более выгодным вариантом, чем целая свора бояр с иноземцем во главе.

Наконец, в Московском государстве существовала большая прослойка «служилых людей по прибору» – стрельцов, воротников, затинщиков и т.п. Поляки опасались их, как организованной военной силы, и постарались разослать в дальние города, оторвав от семей и от хозяйства. Разумеется, тем самым они вооружили против себя тысячи хороших бойцов – стрельцов в первую очередь.

Остается сделать вывод: консерватизм патриарха оказался в гораздо большей степени востребован русским обществом, нежели модернистские устремления высшей знати. Гермоген стоял против нововведений, угрожавших, прежде всего, вере; его политический курс обрел национально-консервативные черты; именно этого и хотели, помимо духовенства, посадские люди, стрельцы, тысячи дворян и даже большая группа аристократов. Как ни парадоксально, святитель *Гермоген оказался самым востребованным политическим деятелем времен Смуты.*

Глава Церкви оказался вождём земского дела и, в какой-то степени, невенчанным государем вовсе не из-за того, что сама традиция выталкивала на передний план высшую духовную власть при ослаблении высшей светской. Не было на Руси Московской такой традиции! В XIV веке митрополит Алексий возглавлял боярское правительство при малолетстве князя Дмитрия Ивановича, но это единичный факт, а не традиция. И даже не из-за того, что в годину испытаний патриарх сохранил крепость духа и поднялся до высот самопожертвования. Всё это так. Но… нельзя не замечать самого важного: огромная часть русского народа страстно желала вернуться в ту старую Россию, которую разрушила Смута; патриарх показал путь; все, кто хотел двинуться к восстановлению старого порядка, пошли по нему. Народ искал сохранения Московского царства, а не раскола его, не перехода под руку иноземного монарха и не обновления. Народ помнил, в какой стране жил при святом блаженном государе Фёдоре Ивановиче, и проявлял готовность на большие жертвы, лишь бы возвратить ту спокойную золотую эпоху.

1. Эшенбах А.Н. Великий печальник земли русской святейший патриарх Гермоген. М., 1913.
2. Щукин В. Патриарх Гермоген как представитель и поборник национальной религиозности (1612–1912 г.). Рига, 1921.
3. Поселянин Е. Святитель Ермоген // Патриарх Ермоген: Жизнеописание, творения. Исторические предания, чудеса и прославление. М., 1997.
4. Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1979. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.
5. Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978.
6. Шульц Э.Э. Русская церковь в политической борьбе первой трети XVII в. // Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2001.
7. Перевезенцев С.В. Смутное время: опыт свободы // Смута как исторический и социокультурный феномен. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2013.

Раздел II

История южской земли и сопредельных с ней

Д.Ю. Кривцов

К церковной истории окрестностей Ламенского озера

(Заметки академического историка на фоне массовых исторических представлений)

В августе 2020 года, благодаря участию в Южском крестном ходе, мне довелось побывать на берегах Ламенского озера, лежащего в Южском районе Ивановской области. Восьмого августа перед началом молебна в церкви во имя Владимирской иконы Божьей Матери, которая стоит на берегу этого озера, на окраине села Малая Ламна, от участников крестного хода, из числа жителей окрестных деревень, я услышал, что среди части прихожан Мало-Ламенской церкви бытует преставление о том, что на месте этого храма некогда находился Богоявленский монастырь, в котором двадцать лет провёл в иноческих подвигах будущий митрополит Алексий – великий русский первосвятитель второй половины XIV столетия. Поскольку никаких реально-исторических фактов в поддержку такого утверждения привести невозможно, то даже информаторы, сообщавшие мне о нём, выражали в отношении него осторожный скептицизм; а люди, обладающие достаточным уровнем научно-исторических знаний, как и следовало ожидать, вовсе не принимают этого убеждения всерьёз (например, южский священник отец Алексий Лихачев).

Однако меня данная версия «предыстории» Мало-Ламенской церкви весьма привлекла, как яркий современный образец творческого «конструирования» исторического мифа о некоем «значимом месте». Такого рода порождение мифов о политически, культурно или духовно-религиозно значимых локусах (и материальных объектах, находящихся в этих локусах) совершенно естественно и органично для массового, непрофессионального исторического сознания. И услышанный мной в Малой Ламне рассказ очень точно соответствуют основным типологическим чертам, какими характеризуется массовое историческое сознание как универсальное явление.

Для такого сознания наиболее всего важна предельная конкретизация, можно сказать, даже «материализация» исторического прошлого. Если речь идёт об исторически значимом месте, то его местоположение должно быть известно совершенно «точно», чтобы можно было реально пройти по нему или постоять на нём. Очень востребовано массовым историческим сознанием расположение на «значимом месте» какого-либо материального объекта – рукотворного или природного, но обязательно непосредственно связанного с важными историческими событиями. Применительно к занимающему нас мало-ламенскому «народному историотворчеству» таким объектом, «материализующим» славное прошлое, выступает собственно храм села Малая Ламна.

А чтобы прошлое являлось в массовом сознании в наибольшей славе, оно должно быть максимально отдалённым от сегодняшнего дня. В таком типе исторического сознания безусловно господствует принцип – чем древнее, тем славнее и ценнее. Практическим следствием из этого принципа и становятся бесчисленные попытки «удревнения» времени возникновения и существования любых исторических объектов (ну хоть тех же церквей и монастырей), исходящие от непрофессиональных «исследователей истории». При этом требование максимальной «конкретности» и «точности» относится и к хронологическим аспектам массового исторического мифа. Время значимого исторического события, например – основания храма, нужно знать с точностью, позволяющей отсчитывать юбилейные циклы, которые протекают от минувшего события до нашего дня; в идеале для массового сознания это точность – до одного года.

Ну и ещё один ключевой принцип, который определяет массовые исторические воззрения, можно было бы сформулировать следующим образом: не историческое событие (историческое место) красит человека, а великий исторический человек красит связанные с ним события и места. Отсюда проистекают навязчивые поиски крупных деятелей общегосударственного, общенационального масштаба, которые в минувшие времена тем или иным образом коснулись места (объекта) значимого для популярного исторического мифа. Митрополит Алексий, будто бы подвизавшийся на месте храма на берегах Ламенского озера, это очень наглядный и очень сильный пример работы вышеохарактеризованного принципа. Благодаря «привлечению» почитаемого святителя маленькое село (и, конечно же, сельский храм) в глухом болотно-лесном уголке вливается в стремнину потока общерусской истории.

Абсолютное большинство конструктов массового исторического сознания совершенно не выдерживают проверки методами критической академической науки. Но в известном смысле, они в такой проверке и не нуждаются. Популярные исторические мифы – это не исторические ошибки, проистекающие от научного невежества их носителей, а особый способ освоения исторического прошлого. Способ, безусловно, не научный, но вполне допустимый в пределах своих общественных и культурных границ. Этим способом изыскивается не точность исторических фактов, но духовная ценность событий прошлого и нравственная состоятельность (или несостоятельность) исторических личностей.

Бороться с популярной исторической мифологией столь же бессмысленно, как и отмахиваться от неё, пытаться её не замечать. Массовое историческое сознание вполне достойно того, чтобы профессиональные историки его видели, знали и понимали; понимали механизмы формирования и функционирования популярных исторических мифов, чтобы через их изучение лучше постигать народное сознание как таковое. Но вот что совершенно недопустимо в отношениях между академической исторической наукой и массовым историческим сознанием, так это их смешение, подмена одного другим. Профессиональный историк не имеет права брать на свою потребу исторический миф, какими бы благими намерениями это не оправдывалось. Впрочем, дело профессиональной чести учёного исследователя прошлого состоит и в том, чтобы не допускать проникновения и укоренения в массовом сознании ошибок из работ своих собственных и своих коллег.

Возвращаясь от общих философско-методологических построений к конкретным вопросам церковной и монастырской старины на берегах Ламенского озера, приходится констатировать, что старина эта не особо удостаивалась внимания в нашей историографии, отчего и оказалась в значительной степени подвержена исторической мифологизации. Но это и позволяет нам подступиться к решению двоякой исследовательской задачи: рассмотреть, хотя бы в первом приближении, структуру массовых представлений относительно истории церковных объектов в окрестностях озеро Ламно; и попробовать указать на критически выверенный (хотелось бы в это верить) подход к некоторым аспектам этой истории.

Очевидно, самым значимым для популярного исторического сознания и самым мифологизированным церковным объектом в районе Ламенского озера является монастырь, некогда существовавший там. Услышанная нами в августе 2020 г. версия исторического прошлого этого монастыря, как уже говорилось, максимально полно соответствует топике популярно-исторических мифологем. История обители погружена максимально глубоко по времени её «существования» – двадцать лет монашеских подвигов святого Алексия должны (по логике) приходиться на 30–40-е гг. XIV в., предшествовавшие его епископской хиротонии в 1352 г. Оказалось, что такая хронологическая приуроченность не только самая «древняя», но и самая «точная» из всех встреченных нами впоследствии вариантов ламенской «монастырской истории»; в других версиях хронологические выкладки достаточно далеко отстоят от масштаба в два десятилетия. И локализация обители также предельно точна и конкретна –

на месте современной церкви в селе Малая Ламна. Наконец, историческую значимость древней обители придаёт фигура первосвятителя, по праву занимающего место в первых рядах устроителей Русской Церкви, Государства и Нации. Слабым местом этой конструкции остается лишь невозможность мало-мальски подтвердить её сведения общеизвестных исторических источников. Такова неизбежная плата за радикальный характер исторического конструирования.

Поэтому большее распространение получили иные – не столь «радикальные», а оттого выглядящие более «достоверными», варианты «ранней церковной истории» Малой Ламны, широко разошедшиеся по интернет-сетям и попавшие в краеведческую и отчасти даже в академическую историческую литературу. Например, на персональной странице ВКонтакте настоятеля Петропавловского храма в посёлке Верхний Ландех игумена Антония (Мазурина) размещён фотоальбом «Богоявленское озеро, Южский район Ивановской области», посвящённый Ламенскому озеру, которое традиционно именуется ещё и Богоявленским. Фотографии озера предваряет замечание отца Антония: «С древних времён Богоявленское озеро было в центре монашеского православного делания. Сохранились документальные свидетельства о том, что до 16 века на берегу озера находился Богоявленский монастырь. Позднее, до небезызвестных тридцатых годов 20 века, на противоположных берегах озера существовали два прихода – Малая Ламна (Владимирский храм) и Большая Ламна (Сретенский храм).»[1] Здесь нижняя временная грань существования приозёрного Богоявленского монастыря исчезает в неких неопределённых «древних временах», но верхняя грань – «до 16 века», позволяет относить его, как минимум, к XV столетию, не исключая при этом и более ранней «датировки». Неопределённой остается и локализация обители – на северо-западном берегу Ламенского (Богоявленского) озера в Большой Ламне или в Малой Ламне на южном берегу озера? Впрочем, ни статус самого отца Антония, – церковно-священнослужителя, а не профессионального историка, – ни характер информационного ресурса, который он использует, – массовая социальная сеть, а не научно-академическое издание, – и не требуют непременного научно-квалифицированного ответа на эти вопросы.

Другое дело, когда мы встречаем мнение известного ковровского краеведа Н.В. Фролова, который в статье, размещённой 20 июня 2008 г. на сайте газеты «Призыв», писал: «Берега Ламненского озера с давних пор привлекали монахов-отшельников. В незапамятные времена, ещё при царе Иване Грозном, на возвышенной береговой круче возник Богоявленский мужской монастырь, входивший в состав Суздальской епархии. Сегодня о его существовании напоминают лишь второе название озера – Богоявленское, да каменная церковь в честь Владимирской иконы Божией Матери с архаичной шатровой колокольней.»[2] От человека, непосредственно связанного с профессиональными историческими изысканиями, мы уже вправе ожидать не только утверждений, но их научного обоснования. Можно ли при этом документально обосновать утверждение, что Богоявленский монастырь на Ламском озере «возник», то есть был впервые основан, «при царе Иване Грозном», следовательно – в XVI

столетии? Едва ли. Хотя от эпохи Ивана Грозного до нас дошло несравнимо больше исторических источников, чем от времён митрополита Алексея, ни в каких документах XVI в. упоминаний о Богоявленском монастыре на Ламне мы не находим.

Документы, действительно содержащие сведения о таком монастыре, относятся к исторически очень короткому хронологическому отрезку – конца 20-х – середины 40-х гг. XVII в. И присловие «раз, два и обчёлся» с буквальной точностью подходит к количеству этих документов. Самым ранним и самым репрезентативным из них является Писцовая книга поместных и вотчинных земель Суздальского уезда Стародуб-Ряполовского стана письма и меры Михаила Трусова и дьяка Фёдора Витовтова, составленная в 7136–7138 (1627/28–1629/30) гг.[3] Но она содержит лишь самые краткие указание относительно местоположения обители, внешнего вида её храма, сообщает имя монастырского ктитора и число монашеской братии: «Да к селу ж Мугрееву и к приселку Могучему на Богоявленском озере монастырь, а в нем церковь Стретения Пречистые Богородицы иконы Владимерския да предел Иванна Богослова да Петра митрополита Московского чюдотворца древяна клетцки. А в церкве образы и свечи, и книги, и ризы, и всякое церковное строенье боярина князя Дмитрея Михайловича Пожарсково. А у церкви на монастыре в келье черной поп да брати четырнатцать старцов питаютца от церкви божии. Пашни под монастырем нет. Да к тому ж монастырю на питанье брате ис порозжих земель отхожие пустоши.» И далее следует перечисление и хозяйственная характеристика приписанных к монастырю пустошей.[4]

Писцы Михаил Трусов и дьяк Фёдор Витовтов застали Сретенский монастырь в вотчине кн. Д.М. Пожарского уже существующим. А насколько ранее 1627/28–1629/30 гг. он мог быть основан? Прямого ответа на этот вопрос дошедшие до нас источники не содержат, но на основании комплексного анализа их содержания всё-таки возможно определить примерное время возникновения обители, с точностью до полутора десятилетий. Прежде всего, здесь следует обратить внимание на недвусмысленное сообщение Писцовой книги о том, что в монастыре «всякое церковное строенье боярина князя Дмитрея Михайловича Пожарсково». Значит, до Д.М. Пожарского этого «строенья» вообще не существовало, либо существовало оно столь давно, что к рубежу 20–30-х гг. XVII в. память о нём уже совершенно «истерялась».

Другой момент, привлекающий наше внимание, заключается в территориальной связи монастыря с той частью обширной Мугреевской вотчины, которая относилась к присёлку Могучему на Богоявленском озере. Тут для продолжения анализа нам понадобится привлечь ещё один источник – запись в Переписной книге 1646 г., обнаруженную и опубликованную Г.Р. и М.М. Якушкиной. В этой записи пустошь Богоявленского монастыря (к 1646 г. уже не сам монастырь, а только его пустошь) тоже упоминается в числе деревень, относящихся к сельцу Могучему: «да к тому ж сельцу деревень: деревня Нестерово, деревня Поткино, деревня Фомина, деревня Кропивное, деревня Быково, деревня Погорелка, деревня Косино, деревня Столбово, пустошь монастырь Богоявленской с пустошьми».[5]

Подпись к карте: План Генерального межевания Вязниковского уезда Владимирской губернии. 90-е гг. XVIII в. (Фрагмент.)

Село (сельцо, а временами всего лишь пустошь) Могучее (Могучево) с устойчивым комплексом «тянувших» к нему деревень и иных хозяйственных угодий являлось самостоятельной землевладельческой единицей – небольшой вотчиной. Могучевская вотчина имела длинную, и при этом сравнительно хорошо документированную, историю переходов из рук одних землевладельцев к другим. На протяжении примерно полувека мы неоднократно встречаем в сохранившихся источниках почти неизменный перечень поселений, связанных с Могучим, как вотчинным центром, но до времён кн. Д.М. Пожарским и его сыновей никакой монастырь в пределах этой вотчины не упоминается. Это даёт нам веские основания полагать, что обитель на берегах Ламенского озера изначально была построена именно при кн. Д.М. Пожарском. И для выяснения времени этого «строенья» нужно сперва выяснить время получения кн. Д.М. Пожарским владельческих прав на Могучевскую вотчину.

В первой половине XVI в. сельцо Могучее являлось вотчиной кн. Ивана Фёдоровича Большого Пожарского, который по своей духовной грамоте (завещанию) «благословил» этим сельцом сына – кн. Ивана Ивановича Большого (Ушатого, Быка).[6] А тот, в свою очередь, в 1556/57 г. завещал Суздальскому Спасо-Ефимьеву монастырю Могучее с тянувшим к нему комплексом угодий, включавшим 13 деревень: Вознесеньево, Крюково, Перетрухино, Родионово, Кропивное, Брыковскую, Фомину, Поткино, Нестерово, Косино, Столбово, Высокое, Быково.[7] Но при этом кн. Иван Иванович сделал оговорку: «А захотят братья моя и племянники мои ту мою отчину сельцо Могучее з деревнями у архимандрита з братьею выкупити, и они дадут за ту отчину архимандриту з братьею сто рублев денег».[8] И такой возможностью не преминул воспользоваться младший брат завещателя – кн. Иван Иванович Меньшой Пожарский. Как сообщает приписка к духовной грамоте, кн. И.И. Меньшой с детьми уже через год – в 1557/58 (7066) г. выкупил Могучее с деревнями у спасского архимандрита.[9] Из Разъезжей грамоты 1566/67 г. на земли царя Ивана Васильевича и кн. Владимира Андреевича Старицкого в Стародубском уезде известно, что кн. Ивану Меньшому Пожарскому по-прежнему принадлежит «село Могучево» и деревни Крюкова, Родионова, Кропивна, Нестерова, Косина, Столбова.[10]

В связи с коллизиями государственной земельной политики в эпоху опричнины вероятно в конце 1568 – начале 1569 г. был составлен так называемый «Стародубский список вотчин», который затем попал в проект завещания царя Ивана Грозного 1572 г. И в этом списке мы находим: «село Могучее, что было князь Ивана Пожарскаго Меньшова».[11] В специальном исследовании «Стародубского списка» А.Л. Юрганов показал, что вотчины, упомянутые в нём, не были конфискованы государственной властью (как это представлялось в более ранней историографии), но лишь перешли под верховную юрисдикцию царя Ивана Васильевича, которая по завещанию 1572 г. передавалась его сыну – Ивану Ивановичу. Практическое же пользование и распоряжение этими вотчинами по-прежнему сохранялось за их старыми владельцами.[12] Так и село Могучее в какой-то момент от кн. Ивана Ивановича Меньшого Пожарского перешло к его сыну – кн. Фёдору Ивановичу. А затем ту вотчину кн. Фёдор Пожарский дал своей жене – Анастасии Ивановне (урождённой –

Хворостининой). «А ту мне вотчину село Могучее з деревнями дал князь мой княж Федор Иванович за приданое за триста рублев», – сообщала в грамоте 1585/87 г. княгиня Анастасия Ивановна.[13] По этой «данной грамоте» Могучее переходило во владение Спасо-Ефимьева монастыря вместе с комплексом традиционно тянувших к селу хозяйственных угодий. В тексте грамоты мы снова встречаем хорошо знакомые нам названия поселений, только зачастую с изменившимся (понизившимся) социально-экономическим статусом. Если Фомино и Крюково по-прежнему остаются деревнями, то Кропивная, Родионово, Поткино, Нестерово, Косино, бывший починок Перетрухин, Быково и Столбово к 1585/87 г. превратились в пустоши.[14]

В условиях разразившейся вскоре Смуты процесс хозяйственной деградации ламенской округи, очевидно, продолжался и затронул уже само Могучее. В Жалованной грамоте царя Василия Ивановича Шуйского спасскому архимандриту Герасиму от 30 июня 1606 г. мы находим в перечне монастырских владений: «в Суздале… пустошь Могучее».[15] Таким образом, с 1585/87 по 1606 г. Могучее и входившие в его вотчинный комплекс поселения и угодья несомненно находились в руках старцев Спасо-Ефимьева монастыря. А значит, никакое церковное строенье для кн. Д.М. Пожарского в границах этой монастырской вотчины не было возможно. Он мог заняться созданием собственного вотчинного монастырька на Ламенском озере лишь после того, как то «селцо Могучее з деревнями и пустошьми… взял… по свой живот на строенье».[16]

Но «взять» из монастыря эту старинную родовую вотчину Пожарскому было особенно непросто. Потому, что княгиня Анастасия Ивановна в своей данной грамоте 1585/87 г. специально оговорила запрет на право родового выкупа: «А дала есми ту свою вотчину впрок без выкупа… А нет дела до тое вотчины ни роду моему, ни племяни».[17] И всё-таки, в обход запрета, кн. Дмитрию Михайловичу удалось её вернуть. В своем завещании, составленном не позднее 20 апреля 1642 г., он указывает: «…я вотчину взял ис Спасского монастыря с[ело] Могучее дяди своего князя Федора Пожарского».[18] В Спасо-Ефимьевом монастыре на это «изъятие» их земельных владений смотрели как на дело временное, поскольку «селцо Могучее з деревнями и пустошьми … взял боярин князь Дмитрей Михайлович Пожарской по свой живот»,[19] то есть только в пожизненное пользование, а после его кончины та вотчина должна вернуться в монастырь. И в 1646 г. монастырские власти были совершенно убеждены, что Могучее это – «Спаса… Еуфимьева монастыря вотчина».[20] Однако кн. Д.М. Пожарский и его наследники смотрели на это дело иначе. Находясь на смертном одре, Дмитрий Михайлович не собирался возвращать Могучее Спасо-Евфимьеву монастырю, но завещал своим детям выплатить за него неустойку: «и з[а ту] вотчину дати детем моим в Спасской монастырь сто рублев [де]нег».[21] Нам неизвестно, получил ли монастырь этот выкуп, но сами земли села Могучева с присёлками он определённо вернуть не смог. В 1646 г. монастырские старцы сокрушались: «а ныне тою вотчиною боярина князь Дмитрея Михайловича дети стольники князь Петр да князь Иван монастырю владеть не дадут».[22] А в 1660 г. в Описной книге Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря документы («крепости») на могучевскую вотчину, – духовная грамота кн. Ивана Ивановича

Большого Пожарского (1557 г.) и данная грамота княгини Анастасии Ивановны (1587 г.), – были помещены в перечне «Государевых грамот и всяких крепостей на вотчины, которых вотчин за монастырем нет».[23]

Точное время возвращения кн. Д.М. Пожарским села Могучева из владений Спасо-Евфимьева монастыря так и остается неизвестным. Строго формально, на основании дошедших до нас источников, это событие можно отнести к периоду после 1606 г. и до начала 30-х гг. XVII в., когда на землях, «тянущих» к Могучему уже был поставлен кн. Д.М. Пожарским собственный вотчинный монастырь. Но стоит принять во внимание замечание Ю.М. Эскина относительно того, что стремление округлить родовые вотчины могло реализоваться у Пожарского уже после событий Смуты, когда тот стал более состоятельным человеком.[24] А от себя добавим: и более влиятельным в политическом плане, чтобы обойти некоторые юридические тонкости. Тогда нижняя хронологическая грань возвращения родовой Могучевской вотчины отодвигается к середине 10-х гг. XVII в. И лишь после этого – во второй половине второго десятилетия XVII в. Дмитрий Михайлович получил возможность основать новый вотчинный монастырь близ Ламенского озера. К рубежу 20–30-х гг. XVII в. такая возможность уже получила своё практическое воплощение – монастырь зафиксирован в Писцовой книге 1627/28–1629/30 гг.

Дополнительным свидетельством тому, что Сретенский монастырь был основан относительно незадолго до составления Писцовой книги 1627/28–1629/30 гг., является замечание писцов М. Трусова и дьяка Ф. Витовтова о том, что выделенные на прокормление иноков «моностырские отхожие пустошки пашенные и сеножатные в приправочных книгах не написаны. Писаны к тому монастырьку по росписи и по скаске околних людей и крестьян боярина князя Дмитрея Михайловича Пожарсково, а в сошное письмо та монастырская пустынная земля не положена.»[25] Практика земельных описаний в Московском государстве XVI–XVII вв. предполагала составление так называемых Приправочных книг, в которых кратко излагались результаты предшествующей переписи той или иной территории, чтобы в ходе нового её описания писцы имели представление о прежнем состоянии земельных владений в данной местности, и могли объективно оценить изменения, произошедшие в поземельных делах между двумя переписями. Но пустошей, приписанных к Сретенскому монастырю в своих Приправочных книгах М. Трусов и дьяк Ф. Витовтов в 1627/28–1629/30 гг. не нашли, и им пришлось самим собирать письменные («росписи») и устные («скаски») свидетельства об этих монастырских приписных угодьях. Такая ситуация могла возникнуть только оттого, что в период предшествующих описаний Суздальского уезда в конце XVI в. Сретенский монастырь на Ламенском озере ещё не существовал, иначе его земельные владения непременно фигурировали бы и в прежних Писцовых книгах, и в составленной на их основе Приправочной книге писцов Трусова и Витовтова.

Для обеспечения новоустроенного монастырька использовались земли вообще не положенные ранее в «сошное письмо» – «порозжие», которые прежде не представляли интереса с хозяйственной точки зрения, но теперь срочно были превращены в монастырские пустоши: «Да к тому ж монастырю на питанье

брате ис порожжих земель отхожие пустоши». Отсюда получилось довольно большое количество, – более двух десятков, – этих отхожих пустошей, их сравнительно небольшие размеры (судя по количеству собираемого с них сена) и широкая их разбросанность. «Подскребали» откровенные неудобья. Пахотных угодий около монастыря не нашлось: «Пашни под монастырем нет.»[26] Ктитору удалось подыскать к «тому ж пустынному безвотчинному монастырьку отхожие три пустошки Южския: пустошь Горяшинская; пустошь Ивановская; пустошь Дересовка». Общая площадь монастырской запашки получилась более чем скромной для обеспечения 14 иноков: «всего в трех пустошках пашни, перелогу и лесом поросло худые земли двенатцать чети в поле, а в дву потому ж»; а реально удавалось пахать на братию наездом всего лишь одну четь с осьминою.[27] При этом в Писцовой книге неоднократно подчеркивается низкое качество пашенной земли: «Пашни на них худыя земли.»[28] Впрочем, и сенокосные пустоши тоже оставляли желать много лучшего: «Покосы лесом поросли, а иные покосы на мокредях водою поимает».[29]

Стоит ли удивляться тому, что история Сретенского Богоявленского монастырька в вотчине кн. Д.М. Пожарского была неяркой и недолгой. Г.Р. и М.М. Якушкины уже обратили внимание на то, что в Переписной книге 1646 г. фигурирует только «пустошь монастырь Богоявленской с пустошьми», и сделали из этой записи совершенно справедливый вывод, что «монастырь прекратил своё существование после смерти кн. Д.М. Пожарского в 1642 г.».[30] Возможно, сюда же приложим и «аргумент от умолчания» – при составлении своего завещания весной 1642 г. кн. Д.М. Пожарский не упомянул Сретенский монастырь в Могучевской вотчине, в отличие от Макарьевского монастыря в Пурехе, которому боярин завещал скромный вклад: «к Макарью в Пурех пять рублев да две лошади».[31] Сретенский монастырь отчего-то не удостоился даже такой малости. А существовал ли он вообще к весне 1642 года? Но уж во всяком случае, к середине 40-х гг. XVII в. история его существования несомненно закончилась.

Совершенно естественно, что массовое историческое сознание по самому своему существу не может принять такую короткую и блёклую историю обители, какую рисуют нам минимально сохранившиеся исторические источники. Популярная историческая мифология стремится и удревнить существование монастыря (как это мы уже видели), и представить его более значимым для нашего национального прошлого. Весьма показательную попытку повысить историческое значение вотчинного монастыря в жизни кн. Д.М. Пожарского, а вместе с тем – и всей России, мы находим в сочинении ивановского краеведа В.И. Баделина. По его представлению, в трудный для себя и родины час Дмитрий Пожарский, пребывавший на излечении от ран в своей Мугреевской вотчине, искал душевного спасения и поддержки у «чёрного попа» (попа-иеромонаха), который стоял во главе братии в Ламенском монастыре. Этот игумен «лечил полководца от ран по травникам, и исцелял душу по-апостольски». Именно этот безымянный духовник Пожарского был первым человеком, благословившим полководца возглавить ополчение для освобождения Москвы.[32]

Что и говорить, в такой интерпретации история маленькой обители на Ламенском озере яркой нитью вплетается в ткань общерусской истории, приобретая едва ли не решающее, в духовном плане, значение для преодоления Смуты в начале XVII в. И сколько бы при этом ни раздавалось возражений со стороны профессионально-академической науки, полагающей, что до окончания Смуты ни богомольных ламенских иноков, ни безымянного княжеского игумена-духовника, ни самого вотчинного монастыря ещё не существовало, массовое сознание этих возражений не примет.

При этом сами непрофессиональные любители местной истории отнюдь не всегда выступают единым фронтом перед лицом академической науки. Так, среди них ведутся непримиримые споры о том, где искать остатки давно сгинувшей пустынной обители. Одни из них уверенно располагают древнюю обитель непосредственно на месте ныне существующей церкви в честь Владимирской иконы Божией Матери в современном селе Малая Ламна на южном берегу Ламенского озера. Другие же устремляют свои взоры на северный берег – в окрестности Большой Ламны.

Причём, вторая точка зрения имеет за собой очень давнюю традицию. Благодаря газетной корреспонденции священника Н.А. Добротворского, который посетил Ламенское озеро в 1883 г., мы осведомлены о том, что ещё с конца 60-х гг. XIX в. началось народное почитание трёх праведных иноков, подвизавшихся некогда в приозёрном монастыре, и массовое паломничество через Большую Ламну к их могилкам на месте уже не существовавшей обители. Место это (в полном соответствии с требованиями народной исторической памяти) не только было «точно известно» приходившим на поклонение крестьянам, но и маркировано мемориальными объектами: там стояла часовенка, а рядом находился «чудодейственный» дуб, на котором некогда висел монастырский колокол за неимением колокольни при пустыни.[33] И в наши дни есть энтузиасты, которые не оставляют надежды открыть местоположение вотчинного монастырька Пожарских именно в больше-ламенской стороне. В частности, в качестве возможной точки его локализации указывается Собинская грива, которая где-то в болоте отходит от дамбы (связывающей Быково с Большой Ламной) и тянется в сторону Груздева. По словам некоторых местных жителей, на этой гриве до сей поры сохранились ямы на тех местах, где стояли монастырские строения.[34]

Однако профессиональный историк будет вынужден дезавуировать эту точку зрения. Благодаря целому ряду дошедших до нас документов XVI–XVII в., мы хорошо знаем, где пролегала северная граница Мугреевской вотчины Пожарских – она доходила, как до естественного рубежа, только до южного берега Ламенского (Богоявленского) озера (на отрезке правее речки Вотчи) и до Богоявленского истока, впадавшего на востоке в реку Лух. Всё, что находилось севернее этого рубежа, относилось уже к Луховскому уезду и принадлежало Ламенской и Груздевской вотчинам.[35] Распоряжаться на этих территориях Пожарские никак не могли, и было бы совершенно немыслимо кн. Дмитрию Михайловичу поставить свой вотчинный монастырь на чужой земле. Монастырь этот находился в пределах его родовой Могучевской вотчины, которая располагается к югу – юго-востоку от Ламенского озера.[36]

В Переписной книге 1646 г. «пустошь монастырь Богоявленской с пустошьми» упомянута последней в списке – после деревень Быково и Косино, которые находятся в наибольшем удалении от Ламенского озера на северо-восток. Но неосторожно было бы делать из этого вывод о том, что монастырская пустошь лежит ещё дальше в том же направлении, занимая крайний северо-восточный угол Могучевской вотчины. При перечислении топонимов составители Переписной книги не придерживались какой-то строго последовательной системы и указывали их вразнобой; последовательность перечисления деревень в книжном тексте 1646 г. могла не совпадать с последовательностью их реального расположения поселений на местности. Если бы «пустошь монастырь Богоявленской» действительно лежала северо-восточнее Быково и Косино, то она находилась бы недалеко от Богоявленского истока. Но в Писцовой книге 1627/28–1629/30 гг. недвусмысленно отмечается: «на Богоявленском озере монастырь», а отнюдь не на Богоявленском истоке (писцы отчётливо различали в своих записях эти два природно-географические объекта). Ну а на берегу Богоявленского (Ламенского) озера, в пределах Могучевской вотчины, самым удобным местом для основания обители является район современного села Малая Ламна. И именно туда относят местоположение Сретенского Богоявленского монастыря не только некоторые прихожане Мало-Ламенской церкви, но и столичные исследователи, специализирующиеся на изучении жизни и деяний кн. Д.М. Пожарского.[37]

Как аргумент в пользу такой локализации может быть рассмотрен приводимый в одной из публикаций Н.В. Фролова факт, что в 1784 г. за наследниками коллежского асессора Афанасия Абрамовича Гончарова значился «приселок Сретенский, Малая Ламна тож».[38] Этот факт у автора публикации стоит в непосредственной связи с представлением о том, что село Малая Ламна возникло из «монастырской Сретенской слободки».[39] Нам же такая связь не представляется очевидной.

Маленький вотчинный монастырёк Д.М. Пожарского, превратившийся в пустошь ещё в 40-х гг. XVII в., более уже не возродился; во всяком случае, источников, которые засвидетельствовали бы его возрождение, не имеется. А поселение, которое, спустя неизвестное нам время, снова возникло на месте бывшей Сретенской обители, едва ли имеет основание называться «монастырской слободкой» в точном значении этого термина. И мы не знаем подлинных исторических источников, где бы поселение на месте современной Малой Ламны называлось «монастырской слободкой».

Даже если предположить, что в самом названии присёлка – Сретенский сохранялась ещё в последней четверти XVIII в. память о древней монашеской пустыни, в которой стоял Сретенский храм, то такая память отнюдь не тождественна прямой конкретно-исторической преемственности. К тому же, скорое повышение социального статуса Сретенского присёлка, – превращение его в село, привело к тому, что привязка к памяти древней обители стала изглаживаться из его названия. Так, в Экономических примечаниях к материалам генерального межевания Вязниковского уезда Владимирской губернии (1798 г.) это поселение поименовано только как село Ламна (без уточнения «Малая»).[40]

Но наименование присёлка Сретенским можно объяснить и без обращения к памяти об исчезнувшей Сретенской обители. В 1823 г. в Малой Ламне был построенный каменный храм, существующий и до сих пор. Главный престол в нем освящён в честь Владимирской иконы Божьей Матери. Причём храмовый праздник приходится на 8 сентября, когда Русская Православная Церковь вспоминает Сретение Владимирской иконы Пресвятой Богородицы в память о спасении Москвы от нашествия Тамерлана в 1395 г. У нынешнего каменного храма в конце XVIII в. имелся деревянный предшественник. И если та деревянная церковь уже существовала к 1784 г., и тоже была освящена в честь Сретения Владимирской иконы Божьей Матери, то это и является достаточным объяснением топонима «присёлок Сретенский». Мы не берёмся здесь обсуждать вопрос: могло ли посвящение приходской церкви в Малой Ламне восходить к посвящению былой монастырской церкви. Массовое историческое сознание здесь и вопроса не увидит; для него связь двух посвящений «очевидна». А у профессионального историка для рассуждений на эту тему всё-таки слишком мало материала.

Так, деревянная церковь, что стояла в Малой Ламне в конце XVIII в. известна нам лишь по единственному упоминанию в вышеуказанных Экономических примечаниях 1798 г. К сожалению, сведений о посвящения её престола в этом источнике не приведено.[41]

Достоверно нам не известно и время сооружения деревянной Мало-Ламенской церкви. Если взять максимально широкую датировку, то появление деревянного приходского храма на южном берегу Ламенского озера можно было бы отнести к последними десятилетиям XVIII в. К таким хронологическим выкладкам подталкивают замечания В.С. Добронравова, составившего в конце XIX столетия описание Мало-Ламенского прихода и отметившего, что в Мало-Ламенской церкви «чего-либо замечательного по древности… не имеется», и что копии с метрических книг, хранившихся в этой церкви в конце XIX в., начинались только с 1795 г.[42]

Впрочем, сам В.С. Добронравов полагал, что ныне существующий каменный храм в Малой Ламне был построен на месте старой деревянной церкви во имя Святого Николая Чудотворца, известной ещё с 1628 г. В подтверждение своего мнения он ссылался на известие Патриаршей окладной книги 1628 г. о Никольской церкви в поместье Ламенском жильца Марышкина.[43] Но здесь совершенно очевидно, что В.С. Добронравов по ошибке отнёс к Мало-Ламенскому приходу сведения о Никольской церкви из владений помещиков Марышкиных в Большой Ламне. Эта ошибка впоследствии неоднократно повторялась в исторической, краеведческой и искусствоведческой литературе, где бездоказательно утверждалось, что современному каменному храму в Малой Ламне предшествовала деревянная Никольская церковь XVII в.[45]

Отчасти это неверное мнение могло порождаться и поддерживаться тем обстоятельством, что каменный храм в честь Владимирской иконы Божией Матери в Малой Ламне имел ещё и престол во имя святого Николая Чудотворца в тёплой трапезе. Из чего можно бы логично предположить, что такое посвящение было выбрано в память о деревянном храме-предшественнике. Однако

в известных на сегодняшний день источниках нет никаких объективных данных, которые позволили бы связать это посвящение трапезного престола в каменной церкви, возведённой в 1823 г., с будто бы существовавшим ранее на её месте деревянным Никольским храмом. Так, мы уже отмечали выше, что «церковь деревянная» в селе Ламне «при озере Богоявленском» (нынешней Малой Ламне – *Д.К.*) упомянута в Экономических примечаниях 1798 г. без указания посвящения её престола. И даже если допустить, что престол этой церкви мог быть освящён во имя Николая Чудотворца, то её все равно нельзя путать с Никольской церковью Большой Ламны, известной с 20-х гг. XVII в.

А именно такую путаницу в свое время и допустил В.С. Добронравов. К своей работе этот почтенный церковный историк добросовестно привлёк как Писцовую книгу Суздальского уезда 1627/28–1629/30 гг., так и Патриаршии окладные книги, начиная с книги 1628 г. В этих источниках немного по-разному сообщается о Никольской церкви в селе Ламна (без добавочного указания – Большая или Малая); и речь в них обоих ведётся об одной и тойже церкви – в Большой Ламне. Из-за трудностей работы с плохо читаемыми текстами, В.С. Добронравов неправомерно «разделил» сведенья своих источников. Материал Писцовой книги он правильно отнёс к Большой Ламне.[45] А вот данные из Патриаршей окладной книги 1628 г. связал с Малой Ламной, «превратив» её в поместье жильца Марышкина с Никольской церковью, чего на самом деле никогда не было.

Братья Иван Васильевич и Терюшной Васильевич Марышкины, имевшие относительно невысокий московский служилый чин жильцов, были землевладельцами именно в Большой Ламне.[46] Их имена неоднократно встречаются в документах 20–40-х гг. XVII в. В Жилецком списке 1624/25 (7133) г.[47] братья Марышкины числятся помещиками в Суздальском уезде, но ни размер, ни конкретное местоположение их земельных владений в этом документе не указано.[48] Следующий документ такого типа – Жилецкий список 1628/29 (7137) г. лишь упоминает Ивана Васильева сын Марышкина, но сведений о его землевладении не содержит; относительно же второго брата там сказано: «Терюшной Васильев сын Марышкин. Поместья за ним в Суздале 107 чети пусто, да подмосковных пустошей 35 чети».[49] Та же информация повторяется и Жилецких списках 1629/30 (7138) г. и 1630/31 (7139) г.[50] В 1632 (7140) г. при «разборе» жильцов боярам кн. Д.М. Черкасскому и кн. Б.М. Лыкову, и дьяку М. Данилову были поданы «заручные сказки».[51] В них И.В. Марышкин указал за собой поместье в Суздальском уезде в 200 четей земли, с которого он выезжал на государеву службу сам на коне, а с ним – человек в коше.[52] Терюшной Васильевич Марышкин, согласно его «сказкам», располагал в 1632 г. поместьем в Суздальском уезде в 167 четей и подмосковной вотчиной в 60 четей, но подняться с них на государеву службу он не мог из-за бедности своих владений.[53]

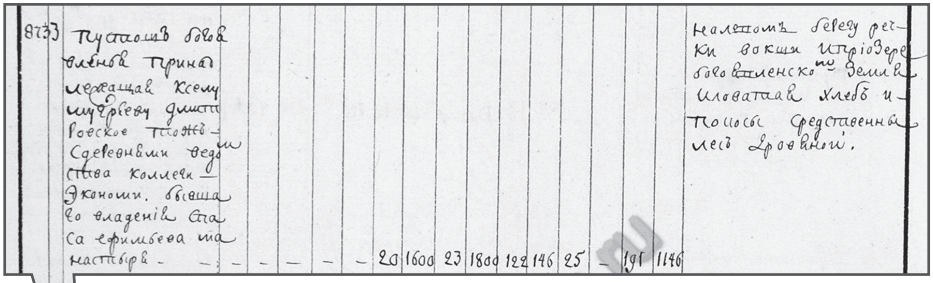
Точно определить владения И.В. и Т.В. Марышкиных в Суздальском уезде позволяет Писцовая книга этого уезда 1628–1630 гг. В ней в Стародуб-Рябловском стане Суздальского уезда за братьями Марышкиными записано в поместье село Ламна с восемью крестьянскими, двумя владельческими и пятью

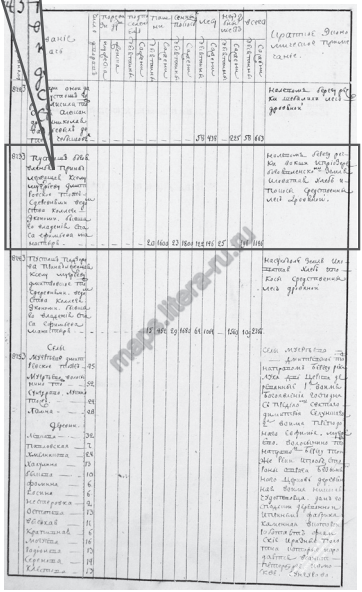
пустыми дворами. Согласно этой книге, половина села прежде принадлежала чебоксарским жильцам Андрею Григорьевичу и Илье Григорьевичу Степановым, но на момент составления Писцовой книги та половина числилась уже за жильцом Иваном Васильевым Марышкиным. Другая же половина Ламны была за его братом – Терюшным Марышкиным.[54] Следовательно, и безымянное суздальское поместье Марышкиных, упоминаемое в Жилецких списках 20 – начала 30-х гг. XVII в., располагалось именно в Ламне. Село это оставалось во владении указанного рода на протяжении нескольких поколений. Так, по Переписным книгам 1678 г. село Ламна с пятью крестьянскими дворами значится за Матвеем Павловичем Марышкиным.[55]

В этом селе Писцовая книга 1628–1630 гг. указывает две церкви – Сретения и Николы Чудотворца. Причем, церковь Сретения Господня отмечена как ветхая – с развалившимся верхом; а относительно Никольской сообщает: «древяна клецки – строение помещиково».[56] А Приходная окладная книга Патриаршего Казённого приказа 1627/28 (7136) г. числит в селе Ламне в поместье жильца Терюшного Марышкина только одну церковь Николы Чудотворца, с которой патриарху поступало девять денег дани.[57] Сретенская церковь не упомянута в этом источнике потому, что, скорее всего, дани в патриаршую казну с неё не шло, так как она стояла разрушенная, без причта и службы.

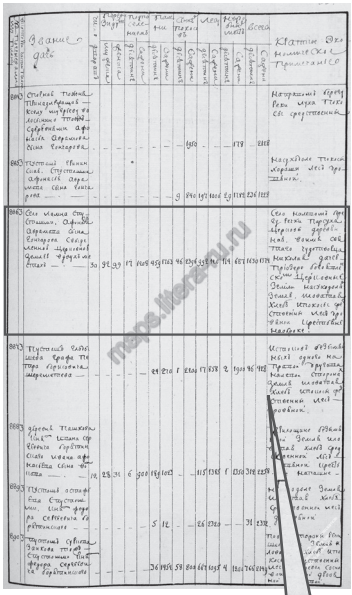
Очевидно, что ситуация, зафиксированная в Приходной книге Патриаршего Казённого приказа 1627/28 г., сложилась ещё несколькими годами ранее. В этом плане стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в церковно-административном отношении Ламенский приход относился к Медушской десятине. А в тексте вышеназванной Приходной книги на листе 277 отмечено: «2. Владимир и Медушская десятина письма и дозору Григория Житова 7128 (1619/20) году».[58] То есть в основу Приходной книги 1627/28 г., самой ранней из дошедших до нас, был положен материал несохранившейся более ранней книги 1619/20 г.[59] Поэтому весьма уверенно можно предполагать, что в Ламне уже на рубеже 10–20-х гг. XVII в. из двух церквей действовала и числилась в патриаршем окладе только одна – Никольская. И долгие годы такая ситуация оставалась практически неизменной. Так в Приходной книге Патриаршего Казённого приказа 1640/41 (7149) г. мы читаем: «Церковь Никола Чюдотворец в селе Ламне в поместье Тюрюшнова Марышкина. Дани девять денег.».[60] В 1656 г. по новому дозору с этой церкви уже было положено дани 13 алтын 3 деньги и гривна заезда.[61] А в 1672 г. Никольская церковь в Ламне была передана Суздальскому архиепископу и перестала упоминаться в Приходных книгах Патриаршего Казённого приказа.[62]

Последующую историю больше-ламенских храмов удаётся проследить только с конца XVIII – начала XIX столетий. В 1798 г. Экономические примечания к материалам генерального межевания Вязниковского уезда, описывая село Ламна с пустошами, «на левом берегу речки Парсуха… при озере Богоявленском» по-прежнему фиксируют в этом селе только одну деревянную церковь во имя святого Чудотворца Николая.[63] А из храмозданной грамоты 1815 г. известно, что в Большой Ламне было уже две деревянных церкви, которые незадолго перед тем сгорели. В 1815–1825 гг. вместо погибших в пожаре

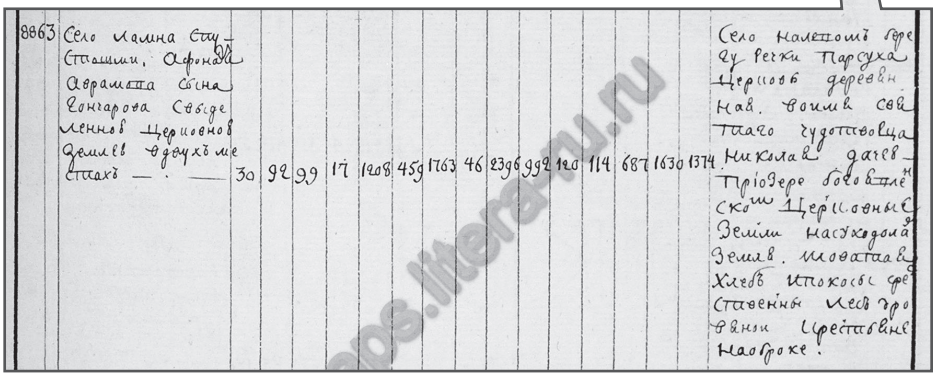




Экономические примечания к атласу Вязниковского уезда Владимирской губернии. 1798 г.Л. 91об. № 873. Пустошь Богоявленья.



Экономические примечания к атласу Вязниковского уезда Владимирской губернии. 1798 г.Л. 93. № 886. Село Ламна (Большая)



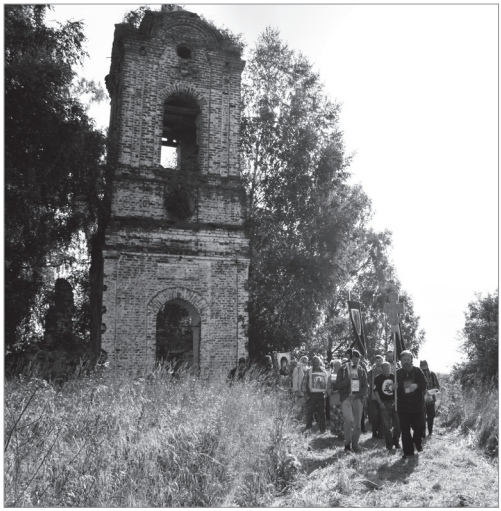
maps.litera-ru.ru

деревянных церквей был построен каменный храм с тремя престолами: в честь Сретения Господня, в честь Успения Пресвятой Богородицы и во имя Николая Чудотворца.[64]

Необходимо ещё раз специально подчеркнуть, что ламенское поместье Марышкиных и существовавшие в нем Сретенский и Никольский храмы связаны с селом, известным ныне как Большая Ламна, расположенном к северо-западу от Ламенского озера. На южном берегу этого озера, – в районе современного села Малая Ламна, – Марышкины никогда ни землями, ни иными доходными статьями (типа рыбных ловлей) не владели.

Ещё одну грань «церковно-исторической мифологии» Ламенского озера высвечивает для нас встречающееся в краеведческих текстах, размещённых в интернете, утверждение о том, что «На юго-восточном берегу озера в бывшем селе Малая Ламна сохранились остатки Богоявленского храма с колокольней (1823 г.)».[65] Это, конечно, очевидная ошибка – храм, построенный в 1823 г. в Малой Ламне, имеет престолы, освящённые во имя Владимирской иконы Божьей матери и Святого Николая Чудотворца, и оттого никак не может именоваться Богоявленским. Но возникла эта ошибка не на совершенно пустом месте.

В сохранившихся до наших дней источниках имеется прямое упоминание про «церковь святого Богоявленья», которая стояла «над озером Богоявленскым» в Стародубском уезде.[66] Только располагалась она не в Малой Ламне, а в поселении, которое также называлось Богоявленским. Социальный статус и экономическое состояние этого поселения периодически менялись. Непосредственно перед 1557/58 г. это было владельческое сельцо в Мугреевской вотчине князей



Пожарских. А в 1557/58 г. князь Григорий Семёнович Пожарский передал его в Суздальский Спасо-Ефимьев монастырь вкладом на вечное поминовение себя и своих родителей. Пребывание в иноческих руках пошло поселению на явную пользу, и в 1566/67 г. мы уже видим его селом Богоявленским – центром обширной монастырской Богоявленской вотчины на берегах Богоявленского (Ламенского) озера.[67] Но двести с лишним лет спустя – в 1798 г. мы видим в ведомстве Коллегии экономии лишь пустошь Богоявленья, принадлежащую к селу Мугрееву-Дмитриевскому, бывшему владению Спасо-Евфимьева монастыря.[68]

Чтобы удостовериться в том, что Богоявленский храм не может иметь никакого отношения к Малой Ламне, следует определить его реальное местоположение на приозёрном берегу. Границы земельных угодий, «тянувших» к селу Богоявленскому можно достаточно точно установить на основании текста Разъезжей грамоты 1566/67 г. писцов Ф.И. Бутурлина и подьячего М. Кузьмина. На севере эти угодья граничили с «ламенской землей», то есть с землями, «тянувшими» к селу Ламна (современная – Большая Ламна) на северо-западном берегу Ламенского (Богоявленского) озера. На юге село Богоявленское соседствовало с деревнями Крюковой и Родионовой. Далее межа пересекала «Балахонскую дорогу, что ездят от Холуя к Болохне», и выходила к речке Вотче (современное написание названия этой реки – Вокша). Восточная граница богоявленских угодий проходила по левому берегу р. Вотчи (Вокши) до её впадения в Богоявленское (Ламенское) озеро и далее вдоль озёрного берега. Только западные пределы богоявленской земли теряются в лесных чащах, поскольку отмечавшие их сосны, осины и ели с «гранями» ныне уже совершенно не определимы.[69] Но для нас принципиально достаточно и того факта, что на юго-востоке эти пределы не переходили за р. Вотчу (Вокшу). Следовательно, село Богоявленское с интересующим нас храмом располагалось на западном, левом берегу этой реки. И такую его локализацию подтверждает позднейший источник. В Экономических примечаниях к материалам генерального межевания Вязниковского уезда Владимирской губернии (1798 г.) прямо сказано, что пустошь Богоявленья находилась «на левом берегу речки Вокши и при озере Богоявленском».[70] А село Малая Ламна и его Владимирская церковь стоят на правом берегу р. Вокши. Потому совершенно очевидно, что Богоявленская церковь в одноименном селе и Владимирская церковь в Малой Ламне ни топографически, ни исторически не могут быть сведены воедино; это два разных храма в разных местах и с различной судьбой.

Очевидно, что Богоявленское на раннем этапе своего существования (ещё до середины XVI в.) являлось значительным поселением на берегу озера, которому и передало своё название. В источниках XVI–XVII в. озеро неизменно именуется Богоявленским.[71] И явно уже от названия озера построенный князем Дмитрием Михайловичем Пожарским монастырь получил дополнительное название – Богоявленская пустынь.

Хотя в краеведческой литературе ещё в середине XIX в. утвердилось представление об обратном движении топонима: «В местных старинных описях, – писал о Ламенском озере известный краевед В. Борисов, – оно именуется Богоявленским, в память бывшей близь него того же имени пустыни, давно уже не существующей.».[72] Невозможность такого, – от обители к озеру, – перехода названия наглядно показывают дошедшие до нас источники. В Писцовой книге 1627/28–1629/30гг., которая даёт самые ранние сведения об интересующей нас обители, топоним «Богоявленская пустынь» не используется. В ней говорится: «на Богоявленском озере монастырь, а в нем церковь Стретения Пречистые Богородицы иконы Владимерския да предел Иванна Богослова да Петра митрополита Московского чюдотворца».[73] Озеро здесь уже названо Богоявленским, а монастырь такого именования не имеет. И появиться такому названию на собственно монастырской почве было невозможно – в обители нет ни одного престола, освящённого в честь праздника Богоявленья.

Здесь мы сталкиваемся с чрезвычайно распространенной в средневековой России практикой дополнительного именования монастырей по названию местности, в которой они расположены. Ближайшим примером такого рода может служить Свято-Успенский монастырь в Гороховецком уезде, который гораздо более известен как Флорищева пустынь. Второе название этот монастырь получил от урочища Флорищи, где он расположен. И совершенно очевидно, что обитель, в которой никогда не существовало престола во имя святых Флора и Лавра, не стала бы именоваться Флорищевой пустынью, если бы не название урочища, окружавшего её.

Впрочем, переход Богоявленского топонима с озера на монастырь совершился в относительно короткий срок. Уже в Переписной книге 1646 г. в вотчине князей П.Д. и И.Д. Пожарских отмечена «пустошь монастырь Богоявленской с пустошьми».[74] Таким образом, Богоявленская церковь на берегу Ламенского озера определила название поселения (сельца, села), в котором она была поставлена; от поселения название Богоявленское перешло на озеро; а озеро передало этот топоним монастырской пустыни, каковая, однако, очень скоро превратилась в Богоявленскую пустошь.

Предпринятая здесь попытка собрать и представить основанный на сообщениях подлинных исторических источников материал, связанный с церковным прошлым окрестностей Ламенского озера, позволяет, на наш взгляд, увидеть, что прошлое это было богатым и многообразным, интересным для изучения и достойным для уважения и без включения в него элементов популярной исторической мифологии. Впрочем, мы совершенно отдаем себе отчёт в том, что массовое историческое сознание от своих исторических мифов

не откажется; и даже не оспариваем права на существование этих народных мифов – будет что изучать следующим поколениям профессиональных историков.

1. См.: Антоний (Мазурин), иг. Богоявленское озеро, Южский район Ивановской области. [https://vk.com/album117538471_170107415]
2. Фролов Н.В. Предания и быль Ламненского озера [https://www.prizyv.ru/2008/06/predaniya-i-byl-lamnenskogo-ozera/] Потом этот материал весьма широко разошёлся по интернету. Смотри, например: [https://www.liveinternet.ru/users/5114887/post252830335/]
3. РГАДА. Ф. 1209 Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент. Оп. 1. Д. 11320. Ч. 2. Л. 1045–1055.
4. См.: Из писцовой книги 7136–7138 (1627/28–1629/30) гг. поместных и вотчинных земель Суздальского уезда Стародуб-Ряполовского стана письма и меры Михаила Трусова и дьяка Федора Витовтова / Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. Страницы истории Мугреевских владений князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Приложение 1 // Пожарский юбилейный альманах: Вып. 6. К 400-летию создания ополчения К. Минина и князя Д. М. Пожарского. Иваново, 2011. С. 114–115.
5. Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. Страницы истории Мугреевских владений князя Дмитрия Михайловича Пожарского // Пожарский юбилейный альманах: Вып. 6. С. 30.
6. 1556/57 г. – Духовная кн. Ивана Большого Ивановича Пожарского // Акты Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря 1506–1608 гг. (Далее - АСС-ЕМ) М., 1998. № 96. С. 218.
7. Там же. С. 218–219.
8. 1556/57 г. – Духовная кн. Ивана Большого Ивановича Пожарского // АСС-ЕМ. № 96. С. 219.
9. Там же. С. 219.
10. 1566/67 г. – Разъезжая писцов Фёдора Ивановича Бутурлина и подьячего Майка Кузьмина с. Тукмачева землям ц. Ивана Васильевича (вотчин кн. Андрея Ивановича Стригина-Оболенского, кн. Ивана Ивановича, Ивана Петровича, Семена и Михаила Борисовичей Пожарских, кнг. Федосьи Семёновой д. Мезецкого, кн. Никиты и Силы Григорьевичей Гундоровых) с землями кн. Владимира Андреевича Старицкого (вотчины Спасо-Ефимьева м-ря) в Стародубском у. // Там же. № 148. С. 292, 294, 295. Несколько деревень из духовной кн. Ивана Большого Ивановича Пожарского 1556/57 г. не упомянуты в разъезжей грамоте 1566/67 г., скорее всего, из-за того, что они лежали в стороне от описывавшихся межей;

впоследствии они вновь фигурируют в документах как неотъемлемая часть владельческого комплекса, тянувшего к Могучему.
11. [1572 г. июня–августа] – Духовная грамота царя Ивана Васильевича IV // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.;Л., 1950. С 434.
12. Юрганов А.Л. О Стародубском «уделе» М.И. Воротынского и Стародубских вотчинах в завещании Ивана Грозного // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 38–39.
13. 1585/87 г. – Данная кнг. Анастасии Ивановны, ж. кн. Фёдора Ивановича Пожарского, архим. Спасо-Ефимьева м-ря Левкию на с. Могучее с дд. В Стародубе Ряпловском // АСС-ЕМ. № 225. С. 424.
14. Там же. С. 424–225.
15. 1606 г. июня 30 – Жалованная тарханно-несудимая, заповедная (от ратных людей и незваных гостей) грамота ц. Василия Ивановича архим. Спасо-Ефимьева м-ря Герасиму на сс. и дд. в Суздальском, Владимирском, Угличском, Юрьевском, Нижегородском, Гороховецком и Московском уу. и дворы во Владимире и на Холуе в Стародубе Ряпловском // АСС-ЕМ. № 263. С. 496.
16. Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. Страницы истории Мугреевских владений… С. 30.
17. 1585/87 г. – Данная кнг. Анастасии Ивановны… С. 425.
18. Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. 2000. № 1. С. 153.
19. Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. Страницы истории Мугреевских владений… С. 30.
20. Там же. С. 30.
21. Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского. С. 153.
22. Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. Страницы истории Мугреевских владений… С. 30.
23. См.: Тихонравов К.Н. Описная книга Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря 1660 года // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. II. Владимир, 1878. С. 67, 68, 69 (второй пагинации).
24. Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского. С. 146.
25. Из писцовой книги 7136–7138 (1627/28–1629/30) гг. С. 115.
26. Там же. С. 114.
27. Там же. С. 115.
28. Там же. С. 115.
29. Там же. С. 115.
30. Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. Страницы истории Мугреевских владений... С. 30, 31, Прим. 7.
31. Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского. С. 152.
32. Баделин В.И. Золото Церкви. Исторические очерки и современность. Иваново, 1995. С. 42–47.
33. Добротворский Н. Разорённые обители и поселения // Владимирские губернские ведомости. 1883. № 36.
34. См.: [http://единоличник.рф/blogs/obo-vsem-ponemnogu/pro-nashi-kraja-raskaz-druga-pisatelja-kraeveda.html]
35. Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. Страницы истории Мугреевских владений... С. 30.
36. Топографическое положение села Могучего и тянувших к нему деревень с привязкой к современной карте – см.: Грязнов А.Л. Суздальский уезд в пер. тр. XVII в. Атлас. Владимир, 2014. Л. 11.
37. Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. Страницы истории Мугреевских владений... С. 29.
38. Фролов Н.В. Предания и быль Ламненского озера. [https://www.prizyv.ru/2008/06/predaniya-i-byl-lamnenskogo-ozera/]
39. Там же.
40. РГИА. Ф. 1350 Третий (Межевой) департамент Сената. Оп. 312. Д. 53. Лл. 91 об., 92. № 875.
41. Там же. Л. 92. № 875.
42. Добронравов В., Березин В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5 Шуйский, Ковровский, Вязниковский и Гороховецкий уезды. С. 390.
43. Там же. С. 389–390.
44. См. например: Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Ч. 3. М., 2000, С. 662.
45. Добронравов В., Березин В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5. С. 379–380.

46. В.С. Добронравов ошибочно именует больше-ламенских помещиков в 1628 г. Иваном и Василием Матюшкиными – см.: Там же. С. 379.
47. Публикацию документа см.: Горбатов Е.Н. Жилецкий список 133 г. // Очерки феодальной России. Вып. 19. М.;СПб., 2016. С. 300–363.
48. Горбатов Е.Н. «Земляной» жилецкий список 1628/29 г. // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 6. М., 2019. С. 111, 112.
49. Там же. С. 142.
50. Только подмосковных пустошей у Т.В. Марышкина стало к 1630 г. 36 четей – см.: Изюмов А. Жилецкое землевладение в 1632 году. М., 1913. С. 175. Приложение 2-е, №№ 157, 158.
51. Публикацию документа см.: Горбатов Е.Н. Жилецкие сказки 1632 года // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 7. М., 2020. С. 53–194.
52. Изюмов А. Жилецкое землевладение в 1632 году. С. 86–87, № 281. В этой работе И.В. Марышкин ошибочно назван: Марынский Иван – Д.К.
53. Там же. С. 86–87, № 282.
54. РГАДА. Ф.1209 Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент. Оп. 1. Д. 11320. Л. 925–926.См. также: Юрганов А.Л. О Стародубском «уделе» М.И. Воротынского и Стародубских вотчинах в завещании Ивана Грозного // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 56; Черненко Д.А. Села Суздальского уезда по писцовой книге 1628–1630 гг. // http://opentextnn.ru/history/istoricheskaja-geografija/chernenko-d-a-sela-suzdalskogo-uezda-po-piscovoj-knige-1628-1630-gg/ В 1632 г. Иван Марышкин владел 5, а Терюшной Марышкин 4 крестьянскими и бобыльскими дворами – см.: Изюмов А. Жилецкое землевладение в 1632 году. С. 86, №№ 281, 282; С. 221, №№ 601, 603.
55. Добронравов В., Березин В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5. С. 390.
56. Там же. С. 379.
57. Там же. С. 389; Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И. Материалы для истории Владимирской епархии. Вып. 2. Медушская, Яропольская и Гуская десятины жилых данных церквей 1628–1746 гг. Отд. 1. Владимир, 1894. С. 20, № XXVII.
58. Устинова И.А. Книги Патриарших приказов 1620–1649 гг. как исторический источник. М., 2011. С. 182.
59. Там же. С. 23.
60. Устинова И.А. Делопроизводственные документы Патриарших приказов 1-й половины XVII в.: Приходная книга Патриаршего Казённого приказа 1640/41 г. Ч. 3 // Вестник церковной истории. 2015. № 1/2 (37/38). С. 15.
61. Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И. Материалы для истории Владимирской епархии. Вып. 2. Отд. 1. С. 20, № XXVII.
62. Там же. С. 20, № XXVII; Добронравов В., Березин В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5. С. 389–390.
63. РГИА. Ф. 1350 Третий (Межевой) департамент Сената. Оп. 312. Д. 53. Л. 93 об. № 886.
64. Добронравов В., Березин В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5. С. 380.
65. Борисова Е.А., Шилов М.П. Ламненское болото // Вода России. Научно-популярная энциклопедия [https://water-rf.ru/Водные_объекты/2261/Ламненское_болото]
66. 1557/58 г. – Данная кн. Григория Семенова сына Пожарского архим. Спасо-Ефимьева м-ря Михаилу на сц. Богоявленское в Стародубском уезде // АСС-ЕМ. № 99. С. 226.
67. 1566/67 г. – Разъезжая писцов Федора Ивановича Бутурлина и подьячего Майка Кузьмина… // Там же. № 148. С. 291–293.
68. РГИА. Ф. 1350 Третий (Межевой) департамент Сената. Оп. 312. Д. 53. Л. 91 об. № 873.
69. 1566/67 г. – Разъезжая писцов Федора Ивановича Бутурлина и подьячего Майка Кузьмина… С. 291–292.
70. РГИА. Ф. 1350 Третий (Межевой) департамент Сената. Оп. 312. Д. 53. Л. 91 об. № 873. На Плане генерального межевания Вязниковского уезда Владимирской губернии участок этой пустоши показан под № 459.
71. Кабанов А.Ю. Мугреево-Никольское или Мугреево-Дмитриевское? // Пожарский юбилейный альманах: Вып. 6. С. 25.
72. Борисов В. Озеро Ламна // Журнал Министерства внутренних дел. 1855. Ч. XII. Май. Отд. V. Смесь. С. 30.
73. Из писцовой книги 7136–7138 (1627/28–1629/30) гг. С. 114.
74. Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. Страницы истории Мугреевских владений… С. 30.

Б.Л. Макарьянц

Близ ка́мней вековых, покрытых жёлтым мохом…

(история одного захоронения)

Церковь села Волокобино давно привлекает внимание местных историографов. У этого старинного села были ещё два названия, сохранившиеся в официальных документах и на картах XVII-XVIII веков. Одно из них, Вороново, соответствовало фамилии его владельцев. Первым его владельцем с такой фамилией стал Василий Яковлевич Воронов. Волокобино стало его владением, вероятно около 1632 года[1]. Это позволило ему поставить в селе усадьбу. Строителем церкви, сохранившейся до наших времён, стал его внук, Пётр Осипович Воронов. Венчание его родителей Осипа Васильевича Воронова (31 год) и Евфимии Алексеевны Кашинцовой произошло в 1650 году[2]. Исследователи определяют время рождения Петра Воронова 1652 годом. Он прожил долгую жизнь, служил при дворе в чине стольника до 60 лет, а затем принял монашество. В 1690 году он на собственные средства возвёл церковь в родовой усадьбе[3], которая долгое время имела статус домового (усадебного) храма. Именно с новым храмом связано третье название села – Богородское. Дело в том, что нижний престол этой церкви был освящён в честь Шуйской Смоленской иконы Божией Матери, или как её называли в XVII веке, Шуйской Одигитрии.

Особое почитание новой чудотворной иконы владельцем села Волокобино, вероятно, имело веские причины личного характера. Мы вправе предположить, что оно связано с испытанием жестокой эпидемией чумы, которое Пётр Осипович пережил во младенчестве. Как кажется, во время эпидемии 1654/55

года, он вместе с матерью находился в Шуе (где у его деда, Алексея Кашинцова имелся свой двор)[4] или в волокобинской усадьбе, и оказался среди выживших после этого бедствия. Как известно, прекращение мора в Шуе местное предание более всего связывает с помощью Шуйской Смоленской иконы Божией Матери. Написанная по обету прихожан Воскресенской церкви, икона сразу стала чтимой общегородской святыней.

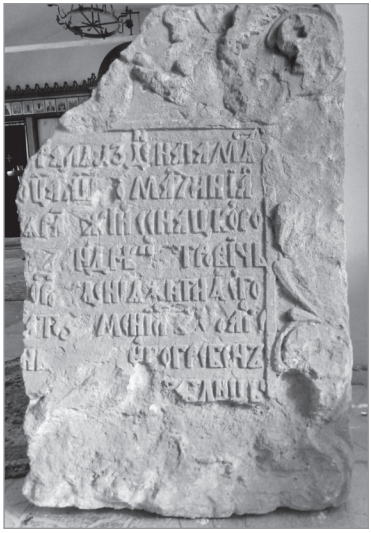
Официальное прославление иконы, как удалось установить по ряду исторических фактов (изложенных в посвящённой этому другой статье, с. 51), распределилось на два этапа. Шуйское прославление произошло при патриархе Иоасафе II в 1667 году, за праздничным богослужением 28 июля. Именно с этого времени празднование в этот день объединяет памяти двух икон Одигитрии – Смоленской и Шуйской. Более высокая, московская канонизация состоялась стараниями патриарха Иоакима в первой половине 1690 года. День празднования иконе был установлен на Светлой седмице, во Вторник Пасхи. Зодческие преобразования, согласованные с московским актом канонизации, состоялись как в Шуе, так и в Ярославле. К ним относятся окончание строительства новой соборной церкви в Шуе и освящение нового престола во имя Шуйской иконы Божией Матери в Ярославском кремле.

Как видим, владелец села Волокобино Пётр Осипович Воронов приурочил строительство нового усадебного храма также ко времени московской канонизации иконы из Шуи. Освящение престола в Волокобино благословил митрополит Суздальский Иларион, о чём свидетельствовала храмозданная грамота с его подписью, которая долгое время хранилась в церкви. При богослужениях в алтаре нижней церкви во имя Смоленской иконы Божией Матери использовался «печатный антиминс на полотне», также освящённый митрополитом Иларионом[5]. Несмотря на объективные трудности, здание церкви в глубокой провинции было построено по смешанной технологии, из необработанного камня, с облицовкой кирпичом.

Вероятно, возводя эту церковь, Пётр Воронов исполнял фамильный обет перед Божией Матерью, сохранившей его самого и его семью во время эпидемии моровой язвы 1655 года. Через шесть лет над нижним ярусом церкви был возведён верхний храм и освящён в честь праздника Преображения Господня (1696). Закончив государственную службу, Пётр Осипович принял иноческий чин с именем Павел в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре[6]. Это произошло в 1713 году. Соответственно, Волокобино перешло во владение его сына, Андрея Петровича. Если о самом Петре-Павле Воронове сохранилось довольно много интересных архивных документов, то достоверные сведения о его сыне Андрее очень скудны.

Однако внимание исследователей давно привлекает факт захоронения его праха в притворе нижней церкви. В стену перед этим захоронением была вмонтирована каменная надгробная плита размерами 70 х 70 см. На ней был резной текст вязью, разделённый на восемь строк и сообщавший краткие сведения об усопшем. В богоборческие времена плита была варварским образом выломана из стены, и от неё сохранилась только часть, составляющая около 2/3 от исходного объёма камня. При этом был утрачен и значительный

фрагмент надписи. Таким образом возникли объективные причины, которые не позволяют восстановить исходный текст на плите, или как её называли в XVIII веке, «таблице». Тем не менее, здесь мы предлагаем свой вариант реконструкции надписи[7]. В основу этой работы мы взяли число утраченных знаков (от 8 до 11), восстановленное пропорционально сохранившимся в строке буквицам. Кроме того, при прочтении надписи, учитывались особенности «личного почерка» резчика по камню. Расшифрованная видимая часть текста приводится ниже жирным шрифтом. Слова, восполняющие лакуну текста, взяты в скобки. Нижняя строка по числу знаков короче, чем другие строки, т.к. фразу разделяет элемент фигурной резьбы (ветвь). Итак, приведём итог нашей реконструкции текста.



Первая строка: (*Лета 17?? фев*) ***раля 13 дне на память***
Вторая строка: (*преподобнаго*) ***отца нашего Мартиніана***
Третья строка: (*престави*) ***ся раб Божій сенацкой ро***
Четвёртая строка: *(ты команд)* ***иръ Андрей Петровічь***
Пятая строка: *(Вороновъ)* ***от рожденія жития его***
Шестая строка: (*?? летъ*) ***а тезоименітство его в апос***
Седьмая строка: (*тольский де)* ***нь*** (*30 июнія*) ***и погребенъ***
Восьмая строка: (*противъ сей*) ***таблицы***

Предлагаемая расшифровка текста даёт ценные сведения об Андрее Петровиче Воронове. Его офицерский чин, восстановленный по надписи, позволяет сузить круг поиска информации. По историческим данным, сенатские роты были учреждены в 1724 году. В недавно изданном сборнике «офицерских сказок» имя Андрея Воронова упоминается среди гарнизонных обер-офицеров в чине поручика, а затем в числе отставных чинов[8]. Хронологические рамки опубликованного архива документов, поданных некогда в Военную канцелярию и Военную коллегию, завершаются началом 1728 года. То есть, командиром сенатской роты он прослужил не более 3-4 лет. Если вспомнить, что Вороновы вступали в брак после достижения 30-летнего возраста, то его отец стал семьянином около 1683 года, и возраст поручика Андрея Воронова к моменту отставки был около 40-45 лет. Возможно, его ранняя отставка была связана с серьёзной болезнью и невозможностью дальнейшего несения службы (до 60 лет по примеру отца).

Если это так, то вслед за болезнью могла последовать и ранняя смерть, и решение о месте упокоения пришлось принимать его отцу, «богомольцу» Павлу Воронову, находившемуся тогда в числе братии Шуйской Троицкой пустыни[9]. Впоследствии он ревностно следил за состоянием домовой церкви и захоронением любимого сына. Ему даже приходилось конфликтовать с местным

волокобинским священником (Никифором Григорьевым)[10], что нашло отражение в епархиальной переписке того времени.

Церковь в Волокобино оставалась в статусе домового (усадебного) храма на протяжении 200 лет[11]. Дело благоустройства церкви продолжил сын Андрея Петровича, Василий Андреевич Воронов. К его заслугам следует отнести строительство колокольни и устройство церковной ограды. Далее владельцами села стали представители фамилии Зубовых. С течением времени церковь получила приходской статус, но место погребения в притворе сохранялось в неприкосновенности. Перезахоронение праха Андрея Петровича на одном из шуйских некрополей произошло, по воспоминаниям местных старожилов, во второй половине 90-х годов XX века. С возобновлением богослужений в нижней церкви с 2002 года надгробие в притворе восстановлено и захоронение соблюдается должным образом.

В названии статьи мы использовали цитату из стихов А.С. Пушкина «*Когда за городом, задумчив, я брожу*». Среди его поэтических набросков есть и другой, который также можно вспомнить в контексте затронутой темы: «*Два чувства дивно близки нам, В них обретает сердце пищу: Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам. Животворящая святыня! Земля была б без них мертва, Как без источника пустыня, И как алтарь без божества*». И к этим строкам, пожалуй, трудно что-либо добавить…

Восстановление уважения к исторической памяти – процесс не только общероссийский, но ещё и локальный, местный вопрос. Поэтому, привлекая внимание читателей этой статьи к необычной истории сельской церкви и к трудам владельцев села Волокобино, мы надеемся на посильное участие неравнодушных людей в деле возрождения некогда благолепного храма.

1 Шуйское поместье Василия Воронова упомянуто в таблицах землевладения за 1632 год. Сташевский Е.Д. Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. Москва, 1911. С. 74.
2 Шустов А.А. Страницы истории села Богородское-Волокобино. Владимир, 2008. С. 8-9.
3 Шустов А.А. там же. Дата освящения престола нижней церкви по Клировой ведомости 1-го благочинного округа Шуйского уезда 1884 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 109. Д. 427.
4 Мазур Л.Д. Реконструкция плана подворных владений Шуи // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. №1. 2012. С. 46. Ил. 4. В комментариях к плану Шуи 1629 года: «… подле Олексея места Кашинцова в углу в осыпи».
5 Шустов А.А. там же. Надпись на антиминсе упоминается в Описи церковного имущества Преображенской церкви села Волокобино за 1894 год.
6 Огурцов В.Д. «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале» // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). ИИ РАН. М., 1996. С. 102.
7 Приношу искреннюю благодарность д.и.н. А.Г. Авдееву (Москва) за консультации в процессе расшифровки текста.
8 Офицерские сказки первой четверти XVIII века / сост. Татарников К.В. Гарнизонные войска. М., 2016. С. 364; Отставные и заполошные чины. М., 2017. С. 1201.
9 Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. Т. III. СПб., 1878. Ст. 661. № 608/283.
10 Огурцов В.Д. Кому вручить пальму первенства? // Суздальская новь. 9 февр. 1995. С. 4. Приношу искреннюю благодарность директору Суздальского филиала ВСМЗ Зайковой А.С. за предоставленную библиографическую помощь.
11 Черниховский Д.М. «Шуйские» дела в работе Археологических обществ Российской империи // Провинциальный анекдот. Вып. IX. Шуя, 2015. С. 43.

Раздел III

Духовная жизнь и культура южской земли

священник А.Е. Лихачёв

Церковно-приходская летопись (нач. 1876 г.) Смоленской церкви в с. Южа как источник по локальной истории южской земли

В архивном отделе Администрации Южского района Ивановской области есть фонд местного краеведа И.В.Гусева, скончавшегося в конце 1970-х гг. Среди его документов была одна рукопись, представлявшая собой «Церковно-приходскую летопись Владимирской епархии Вязниковского уезда с. Южи Смоленской церкви», 29 листов (с оборотами). Написана она чернилами на бланке, рассылаемом Владимирской консисторией. Указ консистории с рекомендацией приходским священникам Владимирской епархии составлять летопись приходской жизни вышел 31 января 1868 года. Была предложена форма, по которой составляется такая летопись: первая часть, историческая, с описанием церкви, её святынь и преданий, состава причта и жизни прихожан; и вторая часть, собственно летописная, с повременным описанием событий приходской жизни, где должны были отмечаться особые события в жизни прихода и могли приводиться выводы из ежегодной статистики, которую священники вели согласно метрическим книгам.

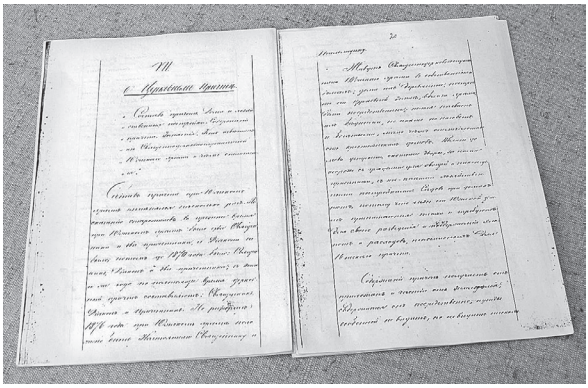
В целом, церковное летописание на приходах было уникальным явлением отечественной историографии, феноменом культуры. Как точно отмечено в диссертации С.И.Добренького, «в течение нескольких десятилетий в тысячах приходов Русской православной церкви велись летописи, в которых фиксировались представления о прошлом, события повседневной жизни, история Церкви, страны в целом. Церковно-приходские летописи отражали менталитет приходского духовенства, фиксировали многие стороны общественного сознания прихожан, в первую очередь, крестьян. Как разновидность исторических источников, они обладают многосторонним источниковедческим потенциалом»[1]. Уникальность церковных летописей заключается в том, что они представляют картину обыденной жизни приходов на протяжении нескольких десятилетий, фиксируя будничные занятия прихожан и причта и все замечательные события в приходской общине.

Дело летописания на приходах было достаточно новым для жизни Российской церкви XIX века, хотя отдельные примеры существовали и ранее. Интересно, что дело летописания на приходах первой поощрила императрица Екатерина II, нашедшая в Астраханском архиерейском доме летописные «прибавления» с описанием новых событий. Большая вероятность, что эти прибавления были сделаны по благословению, если не самим лично, нашего земляка епископа Астраханского Мефодия (1700-1776, на кафедре с 1758 г.), выходца из Холуя, человека ревностного в делах веры и просвещения. Пример Астраханской епархии был публично поддержан обер-прокурором Синода[2]. К середине XIX века такого рода местные инициативы распространяются всё больше, например, в Тобольской епархии. Но только в 1865 г. Святейший Синод обратил внимание на инициативу Оренбургской епархии, где дело летописания на приходах было благословлено епископом Варлаамом вести повсеместно. Стали обсуждаться его примеры, и в 1866 г. вышел Указ Св.Синода рекомендательного характера, в котором для епархий давались основные принципы летописания.

В отношении определения авторства летописи особых сложностей не существует, поскольку самим регламентом таковую повелевается составлять служащим в храме священнослужителям. Первый составитель, начавший летопись в 1876 г., указывает своё имя на титульном листе («составлена местным священником Андреем Миртовым»). Отец Андрей был сыном пономаря плесецкой церкви Василия Андреевича Миртова, потомственного церковнослужителя Никольской церкви с. Плесец Ковровского уезда, родился в 1824 г[3]. Несмотря на бедность родителей он получил хорошее образование. По первому разряду закончил Владимирскую семинарию в 1846 г. и, взяв замуж Глафиру, дочь недавно почившего настоятеля церкви в Юже о. Василия Шепелева, унаследовал за ней священническое место. Его преемники, отцы Евгений Алеев и, потом, Виктор Покровский стали продолжателями его летописи. В Смоленской церкви в сер.XIX - нач. XX вв. всегда был один священнослужитель (за исключением короткого момента, когда в 1929 г. о. Виктор Покровский попросился в Южу ещё при престарелом настоятеле о. Евгении Алееве, с которым прослужил около года, а после его увольнения за штат в 1930 г. занял должность настоятеля), поэтому вопроса авторства не стоит.

Летопись, согласно предписанию, состоит из двух частей. Для исторической части бланками, присланными из Владимирской консистории, регламентировалось 25 листов, остальные листы, предназначенные для части с современными событиями, видимо, уже подкладывались по мере написания новых, что мы и видим на примере нашей летописи. Историческая часть, начатая настоятелем священником Андреем Миртовым, охватывает основной объём рукописи, листы №№ 2-25, с оборотами, причем с 24 листа встречаются вставки, очевидно, следующих священников церкви. Вставки эти были сделаны на много лет позже и другим почерком, очевидно потому, что первый составитель оставил 25 бланковых листов не до конца заполненными. Кроме того, можно увидеть, что первый составитель, о. Андрей, писал историческую часть в течение достаточно продолжительного времени, потому что на титульном листе он проставил дату

1876 г., а в предпоследней, VII главе исторической части упоминает «до сего 1877 г.» (л.22 об.).



Запись событий современных начинается с листа №26 событиями 1876 г. и доводится им до 1880 г., когда скончалась его супруга. Однако сам он, как следует из самой летописи, был переведён из Южи только в 1884 г. и вскоре принял монашеский постриг. Дальнейший текст, судя по изменившемуся почерку, принадлежит протоиерею Евгению Павловичу Алееву. Он вносит сведения об о. Андрее в историческую часть на л. 24 и обороте (сверху), а также продолжает часть с современными событиями на л. 28 в период с 1884 по 1890 гг. На листах 24 об., на лицевой стороне оборванного листа 25, полях листа 28, а также вставках л. 23 встречается почерк третьего лица. Из того, что этот автор говорит об уходе о. Евгения за штат, очевидно, что их автором является о. Виктор Покровский, который был настоятелем Смоленской церкви с 1930 по ? (не позже 1937 г.) и решил продолжить записи предшественников. Кроме того, встречается краткое неидентифицированное уточнение (на л.№ 6). На последнем листе летописи (29-м) имеется отметка инспектирующего лица: «Смотрел благочинный священник Иоанн Алявдин». Это – автограф настоятеля Холуйской Введенской церкви священника Алявдина Ивана Михайловича, который служил там продолжительное время, с 1852 по 1900 г. и, как видим, состоял в должности благочинного Холуйской волости, почему и заверил окончание составленного в Юже документа.

Итак, основная часть текста принадлежит о. Андрею, более короткая, но в обеих частях – о. Евгению, наконец, вставки о служении о. Виктора – самому о. Виктору. Текст летописи формировался в период с 1876 по 1931 г., т.е. в течение 55 лет.

Если оценивать содержательную часть летописи, то надо отметить, что о. Андрей отнёсся очень ответственно к составлению исторической части (хотя сведения о событиях современных в разделе, написанном им, к нашему сожалению, весьма кратки, 1-2 фразы за год). У о. Евгения эти сведения немного более подробны, хотя тоже достаточно скупы. Отец же Виктор вообще не касался части Современных событий, да и понятно, это было время идеологического засилья Советской власти. Вероятно, только особо мужественные священнослужители могли писать свои заметки о времени конца 20-х – начала 30-х годов, когда можно было получить расстрел даже за устные высказывания.

Конечно, главный интерес представляет собой историческая часть документа. В начале каждой главки (а их было предписано составлять 8) идёт

перечень вопросов, на которые следует ответить в данном разделе. Очевидно, что этот текст о. Андрей списывал с пришедшего ему циркуляра своим каллиграфическим почерком, иногда – перефразировал рекомендации. Первая главка предписывает изложить сведения о селе, в котором располагается храм, его географические и, как бы сейчас выразились, этно-социально-экономические особенности. Говоря о названии, составитель летописи упоминает его церковное название «Никольское» и отмечает равноправность в старые времена обоих наименований («Южа тож»). Отец Андрей упоминает, прежде всего, Балахонский тракт, вдоль которого стоит село Южа, который в прежние времена был очень известной дорогой. Описание тракта (во времена середины XVIII в.) с т.зрения военно-стратегической встречается в трудах военного инженера И.А.Фонвизина[4]. Что является очень интересным для краеведов, упоминает о речках-ручейках, название одной из которых уже давно ушло из употребления – Кожевино. Ныне к этому ручейку, расположенному за молокозаводом, спускаются в своём завершении 3-я, 2-я и 1-я Кирпичные улицы. С другой стороны, есть недочёт: о. Андрей не потрудился поискать на этот вопрос мнения старожилов, потому что ещё на карте времён Екатерины II встречается изначальное название речки «Вязовки», послужившей в дальнейшем к производству названия пруда на французский манер «Вязаль», а потом и «Вазаль», как это рукотворное трёхчастное озеро называется вплоть до сего дня. В этой же части упоминается важное событие – перепланировка села после полного выгорания на пожаре 1832 г. Если раньше два порядка домов образовывали «узкую и грязную» улочку, то теперь село приобрело парадный вид, архитектурным центром стала прихрамовая площадь, которая была явно целенаправленно расширена за счёт того, что в это же время старинный деревянный храм, получивший название Троицкого и стоявший рядом, был увезён из перестроенного села.

В этой же главе о. Андрей сообщает достаточно важные сведения для понимания эволюции (не скажем, «развития», как сегодня лукаво любят говорить) экономической жизни села. Он указывает, что в селе имеется 42 дома, тогда как данные конца XVIII в. свидетельствуют о 105 дворах в Юже. При этом население в то время было более 113 мужчин и 149 женщин, а при о. Андрее – около 190 человек обоего пола. Очевидно, что после открытия фабрики был образован посёлок рядом с нею, многие жители, переходя работать на фабрику (а после отмены крепостного права 1861 г. это стало повсеместным явлением) стали переселяться в фабричный посёлок. В главе III о. Андрей отмечает переселение офеней, по той же причине, в Саратовскую и Самарскую губернии. При этом село Южа стало значительно уменьшаться в своём размере и населении. Другое дело, что для прихода Смоленской церкви этот процесс упадка «Старой Южи» был сначала незаметен, потому что фабричная слободка, возникшая в 60-е годы на другой стороне Вазаля, не имела сначала собственной церкви, и все её жители оставались прихожанами Смоленской церкви, значит, продолжали содержать её причт. Однако рабочему человеку, в противоположность более свободным собою офеням, труднее было находить время на посещение храма, отчего о. Андрей и сетует на фабричных людей за их неусердие к церковным службам и за пьянство. С другой стороны, составитель летописи говорит и о вреде занятия

офенством в современных ему условиях, когда (как мы знаем, с развитием фабричного производства и железнодорожной сети в стране) прибыль торговцев вразнос значительно упала, а привычка к бродяжничеству стала играть для их семей пагубную роль.

Главка II, в которой надо было рассказать о храме и его преданиях, является очень важной как для церковной истории Южи, так и особо значимой для уразумения «духовной логики» современных для конца XX века событий Явления в Юже Неопалимой купины и второго обретения медного образа Пресвятой Богородицы. Свой рассказ о духовном событии, положившим начало существования Смоленской церкви на её месте – явлению медной иконы Одигитрии на свежесрубленном пне – о. Андрей ведёт со слов дьячка Никанора Аверкиева, старшего сына священника Аверкия Михайлова (служил в Юже до 1824 г.), который скончался «в 1860 г. в возрасте почти 90 лет». Хотя Никанор не завершил начатого обучения семинарии, человеком он был начитанным и даже вёл записи необыкновенных событий. Такой экскурс в происхождение легенды об основании храма делает честь о. Андрею как историку, потому что удостоверяет связь рассказчика с коренным родом южского духовенства, упоминаемого с 1737 г. (из данных VII главы о духовенстве видно, что сам Аверкий является сыном священника Михаила (он же является братом диакона церкви Дмитрия Михайлова), а тот, в свою очередь, сын первого из известных о. Андрею служителей южского храма о. Димитрия, «упоминаемого в старинном указе 1737 г.» Как мы видим, о. Андрей даже дает некоторую ссылку на ныне утраченный документ, к сожалению, без подробностей, что уменьшает её значение. Исходя из распространённой традиции давать сыновьям имена их дедов, можно предположить, что и Димитрий мог быть сыном священника Михаила Васильева, упоминаемого в документах 1715 г. Вот такой представитель такого древнего рода засвидетельствовал подлинность чудесного явления в Юже медной иконы Пресвятой Богородицы. В описи Смоленской церкви в Юже за 1911 г. отмечается, что справа от царских врат находится вделанная в дерево маленькая (2 ½ вершка, т.е. около 10 см) медная икона Божией Матери, положившая начало существованию Смоленской церкви, она там названа «особо чтимой».

Далее о. Андрей говорит об архитектурной истории Смоленской церкви. Упоминает очень важную деталь о том, что каменный храм строился (неизвестно, в течение какого времени) «на средства самих прихожан» (южскими помещиками, как известно, были в то время Татьяна и её дочь Екатерина Опочинины, которые, если не давали денег, то, по меньшей мере, давали своим крестьянам согласие на такое дело). Упоминаемое деление храма на теплую и холодную половины позволяет лучше понять его конструктивные особенности. Например, верхний восьмерик основного объёма содержал 5 заложенных окон «третьего света». Из сообщения о. Андрея можно заключить, что они были специально заделаны при утеплении храма в 1862-65 гг., так как оказались выше «фальшсвода» (потолка сферической формы), т.е. на чердаке, почему потеряли свою функциональность. Отец Андрей указывает и имя подрядчика, осуществившего в это время перестройку трапезной и колокольни: владимирского, затем харьковского архитектора Николая Карловича Рейма (он же являлся архитектором церкви,

построенной для усадьбы И.В.Протасьева в с. Преображенском, а также ныне несуществующего Христорождественского храма в центре Иваново-Вознесенска). Называет также фамилии строителей сторожки, сооружённой в 1855 г. (ныне – дом причта), – крестьян Балабанова и Желаева, но, к сожалению, почему-то не называет их имена, что очень важно для вечных поминальных книг (синодиков), только в дальнейшем тексте снова как жертвователь упоминается Желаев с именем Пантелеимон.

В этой же второй главе есть ценные сведения для дела реставрации, в связи с отсутствием описания или плана интерьера, об украшении храма изнутри. Жаль, что они слишком общего характера, но всё же создают некоторое представление. В главном приделе иконостас был обложен золочёной резьбой в стиле рококо и покрыт кармином, т.е. носил красный оттенок. Придел св. Николая имел зелёное покрытие основы алтарной преграды, на которую тоже была наложена золочёная резьба, а северный – голубого оттенка. Из икон в летописи названы только три, но по описи 1911 г. можно восстановить множество других. Отмечено наличие богатой библиотеки духовно-нравственной тематики, хотя количество экземпляров не названо.

Главу III наш летописатель посвящает, как предписано, прихожанам и их деревням, прикреплённым к сельской церкви (приходу). Называя их (7 – Омёлово, Нефёдово, Тарантаево, Реброво, Костяево, Соино, Русиново), автор указывает размеры каждой деревни по количеству дворов. Самой крупной из них оказывается Русиново, в которой всего на 9 дворов меньше, чем в Юже. Всего в приходе – 160 дворов. Здесь инструкцией положено писать о состоянии народной нравственности и обычаях, уровне культуры. Отец Андрей достаточно краток, но характеристику даёт простолюдинам положительную, что они чистоплотны, вежливы, обходительны, пороков не имеют. С учётом чёткого сословного деления российского общества того времени мы можем видеть яркий пример восприятия одного сословия другим, духовенством – своей паствы. Как человек более высокого образовательного уровня, о. Андрей замечает некоторые просторечные выражения местных жителей, сетует на отсутствие в волости школы, «начального училища», хотя упоминает, что были некоторые попытки его создать и прежде (жаль, не указано, чьи и когда), и что собираются открывать таковое при южской фабрике.

«О праздниках» в IV главке автор пишет более подробно, особенно о крестных ходах на святые праздники деревень (оговорив прежде, в какой деревне когда бывает какой праздник). Ценным фольклорным наблюдением является рассказ о проведении офенского «дувана», возвращения с торговых командировок ко дню своего престола. Очевидно, оно записано со слов старожилов, возможно, того же Никанора, потому что говорится об этом с сожалением: «прежде… праздники эти проводились широко и весело». Учитывая, что о. Андрей служил в Юже с 1847 г., его замечание об изменении порядка праздников «лет 10 назад» касается его самого. Он отмечает, что облегчение нагрузки на священника было достигнуто по совместной договорённости со всеми жителями села, и служить на каждом дворе молебен (а домов-то 42!) решено начинать за несколько дней до праздника.

Глава V, посвящённая фабрике, безусловно, является особой для данной церковно-приходской летописи. Вероятно, её оглавление составлено по черновым записям, которые сделал летописатель прежде, чем излагать свои наблюдения на форменной бумаге. Для изучения экономического роста предприятия интересен отмечаемый им факт, что в 1876 г. на фабрике работало около 1000 человек. Отмечено, что с развитием фабрики благосостояние местного населения стало улучшаться («целые семейства только от неё и кормятся»), но при этом появилось никогда прежде невиданное в этих местах заболевание – туберкулёз, «чахотка» в просторечии, «от которой стали умирать многие». Именно от него через четыре года скончается супруга самого о. Андрея, и совсем не в старческом возрасте – 48 лет. Отец Андрей с переживанием за простой народ пишет об изнуряющих условиях труда, спёртом воздухе с хлопковой пылью и запахом нефти, длинном рабочем дне, задержке заработной платы. При этом новый хозяин, купец Балин (Асигкрит Яковлевич, в то время), «о котором хорошего сказать нечего, а худого говорить не приходится» имеет с фабрики 200 000 рублей ежегодной прибыли (если считать цену на ржаную муку в то время за пуд 1 рубль, это стоимость 3200 тонн хлеба).

Глава VI посвящена церковному землевладению. В мерах площади своего времени земля, принадлежавшая Смоленской церкви, составляла 33 десятины. Если десятина – это 2400 квадратных сажени, то в переводе на наши меры – это примерно 36 га, сюда входила земля как усадебная, так пахотная и сенокосная. Здесь надо отметить, что как в деле строительства и украшения храма, так и наделения его землёй, отец Андрей постоянно вспоминает Ивана Александровича Протасьева (8.11.1802-11.01.1875) как благодетеля Смоленской церкви. Помещик Протасьев был внуком Тверского и Ярославского дворянина секунд-майора Ивана Фёдоровича, но сам ушёл в отставку рано (не достигши 20 лет), и после женитьбы перебрался во Владимирскую губернию, много лет служил Вязниковским предводителем дворянства, имел много императорских наград. В качестве приданого за своей супругой Марией Евлампьевной Кашинцевой он получил прекрасную усадьбу Преображенское недалеко от Южи[5]. Немалое состояние он приумножил на винных откупах, почему и сумел за 2 года, с 1859 по 1861, построить южскую фабрику, затратив на это огромную сумму 700 тысяч рублей. В это же время он помог в перестройке Смоленской церкви и обнёс её каменной оградой. Конечно, во время строительных работ не мог не общаться плотно с настоятелем отцом Андреем Миртовым, который очень уважал его как человека старшего поколения и благодетеля. Из-за гражданской войны в США (1861-65 гг.) поставки сырья – хлопка – прекратились, в начале 1865 г. фабрика встала совсем. Тогда Иван Александрович продал сначала свою фабрику в Юже купцу А.Я.Балину, а вскоре и усадьбу в Преображенском купцу О.О.Сенькову. Отношения с новыми собственниками у о. Андрея не сложились, и он с меланхолией вспоминал благорасположение к нему Ивана Александровича, отмечая в летописи: «Благомыслящие люди поминают строителя господина Пратасьева» (на момент составления летописи прошёл уже год, как Иван скончался). В этой главе о. Андрей рассказывает, как он от имени церковного причта обратился к помещику (вероятно, в 1859 г.) восполнить недостающее

по норме количество земли, и тот, по его слову, «охотно исполнил прошение», передав церкви, по современным мерам, 5,5 гектаров пахотной и более 4 гектаров удобной сенокосной земель.

Глава VII посвящена духовенству Смоленской церкви, где автор сначала говорит об уровне жизни церковнослужителей, их жилищах и источниках существования, бытовых проблемах и обработке огородов. Потом называет всех известных ему служителей своего храма, начиная с середины XVIII века, упоминая хранившиеся в библиотеке церкви подлинные старинные документы (указы). С учётом позднейших вставок, их в летописи названо 8: Дмитрий (упом. 1737), Михаил (упом. 1763), Аверкий Михайлов, Пётр Аверкиевич Люстров (1796-1833, служил в Юже 1824-1833), Василий Фёдорович Шепелев (1800-1847, служил 1833-1847), Андрей Васильевич Миртов (1824-1899, служил 1847-1884), Евгений Павлович Алеев (род. 1861, служил 1884-1930), Виктор Александрович Покровский (служил 1929-193?). Из них первых 6, включая себя, упоминает автор исторической части о. Андрей. Начиная с личности священника Василия Шепелева даются подробные сведения не только о служении, но и помощниках по служению, об образовании служителей. Эта часть летописи особенно важна для установления биографических данных церковнослужителей, связанных со Смоленским храмом в Юже. Два последних священника были соавторами о. Андрея в написании летописи.

Глава VIII, последняя из исторической части, согласно рекомендации Владимирской консистории должна быть посвящена записи особых событий в истории прихода, а именно, принесению особо чтимых святынь и визитам архипастырей. Здесь имеются особо важные сведения для восстановления исторических традиций: о пронесении через Южу чудотворных икон Боголюбовской из Владимира и Успения из Флорищевой пустыни. Визиты архиереев лишь упоминаются, без подробных их описаний, однако (вероятно, со слов дьячка Никанора) рассказывается о наиболее интересном посещении южской церкви епископом Виктором (Онисимовым, на кафедре с 1873 по 1800 гг.), когда он «не благоволил остановиться ни в одном доме, но ночевал в палатке, которую приказал раскинуть неподалёку за селом на восточной стороне». Большая вероятность, что это посещение произошло в связи с великим освящением Свято-Смоленской церкви в 1795 или 1796 году.

Священник Андрей Миртов доводит главу до листа 24, заполняя только его лицевую часть (а оборот со сведениями о следующих священниках много лет спустя заполняют его преемники), потом пропускает последний 25-й лист бланка (который позже был оборван) и начинает с 26-го листа новую часть летописи, ежегодную ***«запись современных событий церковно-приходских»***.

С оборотами листов он ведёт краткие записи за пять лет, с 1876 по 1880 г., и заканчиваются они на факте смерти его супруги, Глафиры Васильевны, урождённой Шепелевой, скончавшейся пасмурным осенним днём 31 октября 1880 г. На этом участие о. Андрея в летописи заканчивается, хотя он ещё три года продолжает служить в этом храме.

Продолжение записей современных событий прерывается на 4 года. Эстафету подхватывает отец Евгений записью событий с 1884 года во второй

части (продолжает лист 28-й), и сведениями о себе и причте на обороте листа №24. Возобновляемые записи современных событий новый автор ведёт на листах №№28-29 ежегодно до 1890 г. Из всего перечня событий на этих 3 с оборотами листах наибольший интерес представляют упоминания об открытии народного училища (земской начальной школы) при фабрике в 1878 г., о ремонте после пожара и перестройке здания фабрики в 1879-80 гг. и о засухе 1880 г., когда сильно поднялись цены на хлеб. Молодой о. Евгений отмечает факты поновления росписей и сооружения хоров, кончины А.Я.Балина в 1885 г. и его сына Л.А.Балина в 1890-м, а также большой пожар в том же 90-м году, в результате которого в селе были уничтожены 30 домов. Подпись благочинного в конце всех записей в 1890 г. (внизу последнего листа рукописи), вероятно означает, что летопись посчиталась завершённой.

Трудно сказать, что послужило поводом для о. Евгения к возвращению к записям, но только возобновил он их на л. 24 (обороте) на оставшихся 2-х свободных листах исторической части, судя по записям, не раньше 1924 г., т.е. спустя 34 года (!) или более после частичного её завершения. Записи эти не могли быть сделаны кем-то из его помощников, другими членами причта, скажем, Павлом Петровичем Никольским (который до 1928 г. состоял чтецом Смоленского храма) или дьяконом Александром Покровским. Дело в том, что весь лист, кроме нижней приписки, написан одним почерком, охватывая события с 1883 г. (по 1928 г.) и, похоже, единовременно. А Пётр Павлович только родился в 1890-м году, дьякон же Александр, как говорится в этих записях, скончался в 1895 году. Остаётся лишь предположение о возвращении самого о. Евгения к делу ведения летописи, скорее всего, однократному. Если это так, то запись была сделана между 6 декабря 1928 г. (упоминание об уходе Петра Никольского с должности) и 31 января 1930 г. (уход протоиерея Евгения с должности настоятеля за штат).

В этих поздних записях внимание летописателя сосредоточено лишь на кадровых изменениях причта. О революционных событиях он поведывает бесстрастно, лишь упоминая о закрытии церкви св. Апостола Асигкрита в 1923 г. Единственное событие «районного масштаба», упомянутое здесь – превращение Южи из села в город (1925, здесь год не назван). Пример умалчивания: говоря об оставлении должности псаломщиком, о. Евгений не упоминает о травле Петра Никольского, педагогического работника школы №5, со стороны школьных коллег или районного начальства, о чём мы знаем из личных воспоминаний его потомков. Пётр Павлович, уйдя из церкви, даже сменил место жительства, уехав в Подмосковье. Зато упоминает о своём награждении саном протоиерея в 1921 г. указом патриарха Тихона, который управлял Русской церковью с 1918 по 1925 гг. Как завещание нам, потомкам, престарелый отец настоятель перечисляет дни кончины своих помощников и помощниц и обобщает, что *«все погребены в церковной ограде»*. Это – больной вопрос в деле восстановления Смоленской церкви, потому что некрополь при ней разорён полностью, надгробия разобраны местным населением для фундаментов, плана его или записанных воспоминаний, где приблизительно чья могила, не сохранилось. Единственное известное нам место, где был вход в склеп с захоронением какого-то священника, было

показано за несколько лет до своей кончины Владимиром Балабаевым, который с компанией товарищей около 1985 г. нашёл там нетронутый гроб.

Оценивая церковно-приходскую летопись Смоленской церкви в Юже в целом, надо отметить, что этот документ, действительно, есть типичный пример источника «локальной» истории, т.е. конкретного места и организации. В ней практически не отражены события общероссийского масштаба. Упоминаются лишь штатные реформы 1876 г., которые напрямую коснулись состава причта Свято-Смоленской церкви. Не упоминаются ни глубокие земские реформы 70-х годов, коснувшиеся суда и уездного самоуправления, ни даже убийство императора Александра Освободителя народовольцами в 1881 г. Также отмена крепостного права никак не отмечена, или, допустим, превращение Иваново-Вознесенска сначала – в город, а затем – в областной центр.

«Узость» внимания сельских батюшек, будто не замечавших грандиозных событий, происходивших вокруг, была общим типичным недостатком церковно-приходской летописи как источника в целом. Например, в 1915 г. Пермский епископ был озабочен ненаблюдательностью священников, которые, делая записи в разгар Первой мировой войны, иногда не замечали ничего о ней вовсе, «как будто она и не существует для данного прихода...»[6] Хотя встречаются и счастливые исключения, ярким примером которого является летопись Казанской церкви с. Акиншино нашего же Вязниковского уезда, опубликованная в Ежегоднике статистического комитета Владимирской губернии в 1878 г.[7] Автор, священник И. Воскресенский, был действительным членом губернского статистического комитета, и в своей монографии с разных сторон и подробно рассматривает повседневную жизнь крестьянского сословия (его труд в 12 раз по объёму превышает южскую летопись!). В любом случае, и о. Андрей как основной автор, и его преемники добросовестно подошли к исполнению своей обязанности. Как люди с хорошим образованием, представители духовного сословия, они оставили для нас, потомков, этот замечательный труд, который позволяет нам не только сохранить память о нашей истории, но даёт большую поддержку в деле возрождения, после времени забвения, наших духовных традиций и, что самое главное, служит укреплению национального самосознания, то есть самосохранению русского народа.

1. Интернет-ресурс: https://www.dissercat.com/content/monastyri-i-tserkovnaya-vlast-v-vologodskoi-gubernii-v-kontse-xviii-nachale-xx-veka.
2. https://ruskline.ru/monitoring_smi/2001/02/03/cerkovnye_letopisi_-_vazhnejshij_istochnik_dlya_izucheniya_prihodskoj_zhizni_h1h-_nachala_hh_vekov
3. Фролова Э.В. Настоятель Смоленской церкви с. Южа священник А.В.Миртов и его родственное окружение. // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 2. Иваново-Южа, 2007. Сс. 116-124.
4. Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. К вопросу об описании дорог Южского района. // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 2. Иваново-Южа, 2007. Сс. 11-19.
5. Н.А.Зонтиков. Балины: из истории купеческой династии. Кострома, 2017. Сс. 76, 131.
6. Пермские епархиальные ведомости. 1916. N 1. С. 8.
7. Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Том 2. Владимир. 1878. Сс. 38-85.

А.М. Тихомиров

История Святоезерского монастыря после 1917 года

Накануне революции Иверская Святоезерская пустынь имела статус монастыря 3 класса. Здесь были три храма. Кроме нового собора в честь Казанской иконы Божией Матери и деревянной Преображенской церкви сохранялся древний храм прп. Афанасия Афонского, выстроенный в XVIII веке с приделом Иверской иконы Божией Матери 1834 года. Уникальным, необычным в архитектурном отношении сооружением была колокольня, примыкавшая к этому храму, завершённая четырёхгранным шатром.

Некоторые иконы, книги и облачения из набойчатой бахты сохранялись ещё со времени существования здесь мужского монастыря. Интересной реликвией был напрестольный крест из красного мрамора в сребропозлащённой оправе. На задней стороне надпись гласила: *«Сей крест из града Иерусалима принесен настоятельницей Святоезерской пустыни игумению Платонидой 1874 года июля 26 дня».* Особой древностью отличались иконы Спаса Вседержителя, Казанская икона Богородицы, Явление Богородицы Сергию Радонежскому, Иверская икона Богородицы в окладе из китайского жемчуга. В храме хранилась резная деревянная голова Иоанна Предтечи на блюде. Большую ценность представляли сохранившиеся две части Евангелия XVI века – от Луки и Иоанна с обгорелыми краями, оставшиеся после пожара 1756 года, оловянная дарохранительница с резными изображениями, плащаница и покров на престол со времени мужского монастыря. Кроме храмов существовали двухэтажные жилые корпуса, где жила настоятельница, сёстры и помещалась трапезная, а также четыре деревянных флигеля. В начале XX века в монастыре проживали 18 монахинь и 57 послушниц. Последней настоятельницей была игуменья Варвара. Вне ограды находились монастырская гостиница и дом для богомольцев, два дома для священников, скотный и конный дворы, где содержались 5 лошадей и до 15 коров, с жилыми домами для работавших здесь сестёр, сторожка, баня, сарай и огород. В собственности монастыря было до 150 десятин строевого леса, сенокосная пустошь Вертячий луг, мукомольная мельница в Судогодском уезде. В Нижнем Ландехе Святоезерской пустыни принадлежала часовня с палатками и деревянной кельей, находившаяся при въезде в село по пути из Гороховца. Святоезерская пустынь была одной из немногих женских обителей, где был принят и строго соблюдался Саровский устав. Ежедневные богослужения совершали два священника.

Монастырь был закрыт в первые годы после революции, местные власти хотели устроить на базе хозяйства Святоезерского монастыря сельскохозяйственное предприятие, но ввиду отдалённости поддерживать его деятельность не представлялось возможным, и оно распалось. Монастырь был достаточно удалён от других населённых пунктов и окружён болотами.

Энергичные меры к возрождению религиозной жизни принял житель из Нижнего Ландеха Дмитрий Иванович Курбатов, ставший председателем Иверской православной общины. 1 ноября 1925 года состоялось собрание

учредителей общины во главе с Д.И. Курбатовым. В 1926 году он ездил в Москву, побывал на приёме у М.И. Калинина, В.М. Молотова и П.Г. Смидовича и добился разрешения на открытие религиозного общества, зарегистрированного 16 января 1926 года. Договор с общиной о передаче монастырского комплекса был заключён с местным административным отделом 28 мая 1926 года. Поскольку местных жителей практически не было, ядром общины стали жившие здесь монахини, причём их число увеличилось и за три года выросло с 30 до 80 человек. Как ценный в историческом отношении комплекс, монастырь был поставлен на учёт Главным управлением научными, научно-художественными и музейными учреждениями при Наркомате просвещения (Главнаукой), ведавшим тогда памятниками архитектуры. Управление монастырём вновь осуществляла мать игуменья, которая проживала со своей племянницей в отдельном доме. Имелся 90-летний священник, проводивший богослужения в храмах. Летом 1929 года в монастыре отдыхал бывший фабрикант М.И.Терентьев, попечитель монастыря и строитель Казанского храма.[1]

Поставленный на учёт в качестве архитектурного памятника, монастырь находился в ведении Владимирского подотдела по делам музеев.[2] Однако отмечалось, что предметов музейной ценности в монастыре нет, ризница бедная и создана из различных частных пожертвований, корпуса обветшалые и требуют ремонта. Владимирский губмузей имел доход от платы за аренду жилых монастырских построек. В 1928 году Шуйский уездный исполком ходатайствовал об изъятии Святоезерского монастыря из ведения Владимирского губмузея и передаче в распоряжение уездного исполкома. Иваново-Вознесенский губисполком просил передать монастырь от Владимирского музея Иваново-Вознесенскому губмузею и определить его историческую ценность. 11 марта 1929 года Иваново-Вознесенский губмузей принял монастырский комплекс на свой баланс, выделив один из двухэтажных деревянных корпусов Пестяковскому райисполкому для последующей разборки, перевозки и приспособления для школы.[3]

В октябре 1929 года директор Иваново-Вознесенского областного музея А.М. Кузнецов провёл обследование монастыря. Он отмечал, что глава общины Д.И. Курбатов советской власти не признавал и вёл себя достаточно независимо. Он заставил рабочих, приехавших снимать колокола, отстоять обедню, а потом, узнав о цели их визита, выгнал за ворота. Он говорил, что *«сделана большая ошибка в разгоне монастырей, они все являлись и могли являться хорошими коллективами и не быть обузой для государства»*. При поднятии вопроса о передаче монастырского дома под школу Д.И. Курбатов оказывал противодействие. Все монастырские здания, а также земли, где находились огороды и сад, находились на балансе у музея и арендовались монахинями. Кроме того, был скотный двор, где они содержали четырёх коров. Источником существования для монахинь были доходы с огорода и рукоделие. Молодые монахини обслуживали престарелых. Часть средств собирали у населения по окрестным деревням.

Некоторые монастырские дома были заселены рабочими и техниками, приехавшими на съёмку местности для предстоящих торфоразработок. В то время разрабатывался технический проект по использованию торфяных

массивов Мугреевской группы для Южской ГРЭС. Изыскательские работы на болотах для оценки запасов торфа, который должен был стать топливом для будущей электростанции, начались в 1927 году. Торфопредприятие, планировавшееся как базовое для ЮжГРЭС, сначала решили назвать «Святоозерским». Новое обследование болот в окрестностях Святого озера провели в 1930-1931 годах. Предполагалось, что это предприятие будет снабжать топливом и Нижегородскую электростанцию в городе Балахне.[4]

22 ноября 1929 года в местной газете появилась очень резкая антирелигиозная статья: *«В монастыре живут монахини. Некий Курбатов добился организации общины… Число монахинь растет, их уже не 30, а 80. Сохраняется игуменское управление, летом приезжал покровитель монастыря. Когда приехали снимать колокола, Курбатов их выгнал и оказал сопротивление при попытке отобрать помещения под школу. Главнаука взяла под покровительство 3 церкви вместе с Курбатовым и 80 монахинями. Мы позволим себе напомнить Главнауке статью товарища Ярославского о бывших монастырях, в которой он требовал закрытия всех монастырских коллективов и артелей. Не секрет, что эти лжеартели являются базами классово враждебных элементов. Музейные учреждения допускают перегибы, охраняют всякую рухлядь. Комсомол, Союз воинствующих безбожников, местный отдел народного образования должны в срочном порядке устроить чистку музейных учреждений типа Святоезерского монастыря»*.[5]

Местные органы власти предложили по результатам обследования землю и постройки отдать крестьянам, распустить общину, снять с учета в Главнауке все здания, кроме колокольни. Шуйский окружной исполком просил в начале 1930 года передать все дома из ведения облмузея в ведение Верхнеландеховского райисполкома как не имеющие музейной ценности.

Храм преп. Афанасия Афонского

21 декабря 1929 года состоялось заседание Шуйского окружного исполкома, где поставили вопрос о ликвидации общины с целью недопущения концентрации монашества в стенах монастыря, снятии с учёта монастырского комплекса как памятника и разборке части построек, пришедших в ветхость. Указывалось, что Наркомат просвещения оставляет на учёте колокольню и внутреннее убранство храма прп. Афанасия Афонского. 25 января 1930 года все монастырские здания, кроме храмов, были переданы от музея Верхнеланедеховскому райисполкому как снятые с учёта Главнаукой, в том числе храм прп. Афанасия Афонского, охрану которого предлагал областной музей.

Верхнеландеховский райисполком принял 25 апреля 1930 года следующее решение: *«В бывшем монастыре деревянная церковь, грозящая рухнуть и две*

каменные. Никакой ценности они не представляют, на данные церкви никто не обращает внимание. На месте, где располагаются церкви, должен быть выстроен рабочий поселок Торфостроя. Этой постройке они мешают, а поэтому указанные церкви из памятников исключить, дабы дать возможность срочно приступить к развертыванию строительства рабочего посёлка на торфоболоте».[6]

Шуйский окружной исполком принял постановление 7 мая 1930 года об исключении церквей на Святоозере из списков музейных ценностей, так как они мешают строительству рабочего поселка на торфоразработках.

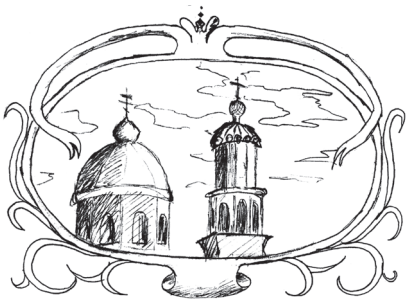
Последняя точка в этом деле была поставлена областной властью. В протоколе заседания президиума облисполкома Ивановской промышленной области от 18 августа 1930 года «о ликвидации молитвенных зданий Святоезерского монастыря» говорится: *«Все постройки бывшего монастыря переданы Торфострою и на месте этих зданий предложено построить рабочий посёлок. Бывший монастырь расположен вдали от населённых пунктов, количество верующих незначительно. Молитвенные здания ликвидировать и передать Верхнеландеховскому райисполкому для использования на нужды торфоразработок. Постановление представить на утверждение президиума ВЦИК»*. В 1931 году начали строить центральный посёлок, который получил название «Пробуждение», но оно не прижилось и посёлок до сих пор именуется Мугреевским. Одновременно проводилась корчёвка леса, рытьё дренажных канав. Все работы выполнялись вручную, рабочие жили в землянках и шалашах.

Проект Святоозерского (впоследствии Мугреевского) торфопредприятия был утверждён в Москве в 1932 году. В 1933-1934 годах планировалось подготовить площади болот, а со следующего года начинать разработку залежей торфа. Однако энтузиазм вскоре иссяк, материальные средства во многом были потрачены впустую. Южская ГРЭС так и осталась в стадии проекта. Строительство предприятия было законсервировано, хотя в него было вложено около 10 миллионов рублей. В 1934 году работы возле Святого озера замерли, вернулись к проекту Мугреевского торфопредприятия только в 1938 году.[7]

К счастью, практически весь монастырский комплекс сохранился. Жилые корпуса заселили приехавшие на торфоразработки рабочие. В храме Афанасия Афонского открыли ветеринарный пункт, в обезглавленном Казанском соборе – продовольственный склад с ледником в подвале, деревянный храм превратили в аптеку и квартиру

аптекаря. Православная община в пос. Мугреевский была зарегистрирована в 1993 году. Женская монашеская община сложилась в 1998 году, 29 апреля вышел указ о назначении монахини Георгии (Диркс) настоятельницей возрождающейся обители. В 2001 году решением Священного Синода был учреждён женский монастырь Святоезерская Иверская пустынь. Во главе монастыря встала игуменья Георгия. Благодаря её энергичным действиям удалось расселить жителей из большей части монастырских зданий. Проведена реставрация храмов, восстановлено пятиглавие Казанского собора. На его западной стене выполнена великолепная мозаика, изображающая Казанскую икону Божьей Матери. В июне 2003 года архиепископ Ивановский и Кинешемский Амвросий совершил чин великого освящения придела Иверской иконы Божией Матери. С первых дней возрождения обители после вечерней службы ежедневно сёстры во главе с игуменьей обходят вокруг обители крестным ходом. Игуменья Георгия управляла монастырём до 2011 года. В настоящее время монастырь возглавляет игуменья Силуана (Волкова).

1. ГАИО. Ф. р-2953. Оп. 3. Д. 14.
2. ГАИО. Ф. р-33. Оп. 1. Д. 2365.
3. ГАИО. Ф. р-33. Оп. 1. Д. 2668.
4. Копров В. Тихая моя родина. Записки православного краеведа. Владимир, 2009.
5. ГАИО. Ф. р-2953. Оп. 3. Д. 14.
6. ГАИО. Ф. р-2953. Оп. 3. Д. 14.
7. Околотин В.С. Почему в Юже в 30-х годах XX века не построили ГРЭС и железную дорогу к ней? // Рабочий край, 27 марта 2014 г.



Б.Л. Макарьянц

Страницы локальной истории иконы Одигитрии Шуйской

Шуйская Смоленская икона Божией Матери, или Шуйская Одигитрия, как её величали современники прославления во второй половине XVII века, удостоилась глубокого почитания всех сословий русского общества не только как благая целительница различных недугов и скорая помощница в сложных житейских обстоятельствах, но ещё и как последняя надежда и спасительница при смертоносных эпидемиях.

Создание иконы исторически связано с моровой язвой (эпидемией чумы), которая перешагнула русские границы летом 1654 года и серьёзно осложнила военную кампанию по возвращению Смоленска. Древний русский город во времена Смуты оказался под властью Речи Посполитой по условиям Деулинского перемирия (1618), но вновь окрепшее государство стремилось восстановить свои прежние границы. Непредвиденное бедствие быстро достигло Москвы и едва не опустошило первопрестольный град, а с началом осени первые заболевшие появились и в Шуе. Статистика потерь отражена в дозорных документах того времени. Опрос выживших шуян показал, что за время локальной эпидемии число погибших составило 572 жителя[1], т.е. около половины населения Шуйской крепости и посада. Переломный момент наступил в начале октября, когда, в разгар эпидемии, прихожане посадской Воскресенской церкви приняли обет написать для своего храма икону *Одигитрии*[2], во избавление от ужасающего бедствия. Образцом для нового списка подразумевалась знаменитая икона Божией Матери из Смоленска, который к концу сентября был уже возвращён в русское подданство. Поручение прихожан взялся исполнить шуйский иконописец Герасим Тихонов. Его отец, *«Тихонко Дмитриев сын, иконник»*, упоминается в писцовых книгах Шуи с 1623 года. В его семействе были записаны трое сыновей: *«Стенка, Гераска и Сенка»,* а двор его располагался в центре Узкой улицы, поблизости от Воскресенской церкви[3]. Средний сын Герасим, с годами достигший в иконном ремесле степени *изографа*, и был облечён особым доверием жителей Шуи. В течение семи дней, соблюдая строгий пост, он написал икону Божией Матери, ставшую чудотворной и впоследствии наречённую «Шуйской».

Обетная икона, созданная в столь чрезвычайных обстоятельствах, заметно отличалась от Смоленского образца, но не по воле мастера. Шуйское предание объясняло возникшее отличие *нерукотворным* изменением рисунка, нанесённого на подготовленную иконную доску. Явление будущего образа Божией Матери происходило трижды, несмотря на то, что иконописец дважды пытался восстановить типовой рисунок Одигитрии Смоленской, заказанной прихожанами. Когда абрис будущей иконы изменился в третий раз, мастер (по благословению духовенства) закончил работу по изменённому рисунку. В Сказании о Шуйской иконе Божией Матери[4] такое вмешательство свыше получило название *«самоначертанного рисования»*. Другим событием, вселившим надежду на скорое прекращение бедствия, по Сказанию, стал необычайно яркий свет,

исшедший от новонаписанной иконы, когда она с *«чином церковным»* была перенесена в Воскресенскую церковь. Воспрявшие духом прихожане ежедневно собирались на общую молитву перед новой иконой, и вскоре моровая язва прекратилась сначала в этом приходе, а затем и во всём городе. Иконописец не дожил до этих дней. В Сказании записано, что приняв перед кончиной иноческий чин, он сам, и родители его, и братья, *«тако к Богу преставишася»*. Но имя Герасима Иконникова навсегда осталось в памяти жителей Шуи.

Челобитная шуян «Царю Государю и Великому Князю Алексею Михайловичу» 1667 года.

Во время народного бедствия исполнялись и другие обеты, но именно с благодатью от новой иконы Божией Матери шуяне более всего связывали прекращение мора. На протяжении двенадцати лет продолжалось почитание иконы как местной святыни. Уже в первые годы она была украшена драгоценными венцами, золочёным киотом и множеством подношений от благодарных почитателей. Но шуйские события 1666 года вывели почитание иконы на новую высоту. Тогда за короткий период времени от чтимой иконы Божией Матери получили исцеление более сотни жителей Шуи и окрестных селений. Особое изобилие благодати пришлось на дни празднования Одигитрии Смоленской (36 исцелений). Почитая святым долгом известить царя и духовные власти о происходящих событиях, шуяне составили челобитную и направили в Москву своих представителей. Старшим доверенным лицом был настоятель Воскресенской церкви, иерей Алексий Иванов. К челобитной прилагался составленный настоятелем подробный дневник из 103 исцелений, который впоследствии был отражён в Сказании о чудотворной иконе.

Мирская челобитная, дневник исцелений и сопроводительная воеводская грамота были вручены 21 октября 1666 года митрополиту Павлу. Митрополит Сарский и Подонский Павел, временно замещавший патриарха, передал все документы из Шуи в Разрядный приказ[5]. Таким образом, извещение о творимых иконою чудесах, было доставлено в Москву через три месяца после июльского праздника Одигитрии Смоленской. Незамедлительному освидетельствованию иконы помешали обстоятельства, связанные с междупатриаршеством. Но уже одним из первоочередных деяний новоизбранного патриарха Иоасафа II стало чествование иконы Одигитрии из Шуи. Известна *благословенная грамота* патриарха архиепископу Стефану на выезд в Шую в составе представительной церковной комиссии. Этот документ предоставлял Суздальскому архиерею все полномочия, необходимые для достойного прославления иконы. 28 июля 1667 года в посадской Воскресенской церкви Шуи, состоялось соборное

Патриарх Московский и всея Руси Иоасаф II (1667–1672), прославивший икону Шуйской Божией Матери в июле 1667 года.

богослужение в честь праздника Одигитрии с торжественным молебствием перед новочтимой иконой. Кроме того, итогом работы комиссии стала Книга свидетельства[6], составленная в ходе проверки всех исцелений, перечисленных ранее в письмах из Шуи. После ознакомления с этой Книгой первых лиц государства, икона Божией Матери, созданная Герасимом Иконниковым, стала официально почитаться как чудотворная, и в её честь было учреждено празднование на день 28 июля, совместно с Одигитрией Смоленской.

Все основные этапы этого церковного деяния отражены в известной серии[7] деловых актов 1667 года. Важнейшие из них – это патриаршая грамота, упомянутая выше, и отчёт архиепископа Стефана по итогам выезда в Шую. Акты хранились в ризнице Воскресенского собора и были своего рода «охранными грамотами» при чудотворной иконе, ставшей главной святыней Шуи. Церковный историк иерей Евлампий Правдин, издавший рукопись Сказания о Шуйской иконе Божией Матери[8], сопроводил его текст грамотами из соборной ризницы, как ценными историческими актами.

Последний документ из деловой серии 1667 года составлен в Шуе через несколько дней после празднования 28 июля. И здесь Воскресенская церковь именуется уже как *«церковь Пресвятыя Богородицы»*. Переименование церкви в деловой переписке подразумевает освящение нижнего алтаря (святителя Николая чудотворца) заново, во имя иконы Божией Матери Одигитрии. Шуйские события скоро нашли отклик и в Ярославле, где была освящена церковь *«во имя Пресвятыя Богородицы Шуйския»* (1673). Новое здание храма возводилось из кирпича на протяжении трёх лет, и этому начинанию благоволил государь Алексей Михайлович, выделяя недостающие строительные материалы[9]. Новый ярославский престол открывал возможность молитвенного общения с иконой Божией Матери Шуйской и для жителей Ростовской епархии. Но в трудных жизненных обстоятельствах ярославцы ходили на богомолье в Шую. Об одном из таких случаев 27 июля 1674 года сообщала местная артель иконописцев, объясняя отсутствие мастера, затребованного в Москву: «*... а Логин Сидоров залежал и по обещанию поехал молитца в Шую Шуйской Богородице*»[10].

К сожалению, в трагических обстоятельствах XX столетия подлинная Шуйская-Смоленская икона Божией Матери, написанная в 1654/55 году и прославленная в 1667 году, оказалась утрачена. Но всё же в собрании Музея Русской иконы (Москва) можно увидеть новый список, созданный вскоре после шуйской канонизации (см. **вкл. стр. 3**). Изображение иконы помещено в центр композиции. В собор предстоящих святых избраны князья Борис и Глеб (покровители русского Царства), и московские митрополиты: Петр, Алексий, Иона и Филипп. Выбор предстоящих святых отражает *«симфонию властей»*, светской и духовной, как основу русской идеологии XVII века. Таким образом,

основная идея сюжета иконы утверждала государственную значимость *явления* новой Одигитрии. При этом черты изображения Божией Матери содержат ещё один, важный для нас признак. Стиль исполнения Её лика позволяет говорить, что мастер стремился передать именно шуйский лик, созданный изографом Герасимом Иконниковым.

Прежде чем продолжить историю почитания Шуйской иконы Божией Матери следует отметить, что Воскресенская церковь, где прославилась эта икона Богоматери, была сложена из дерева. Двухъярусное здание церкви располагалось на посаде, у съезда к речной пристани. Состоявшийся 28 июля 1667 года шуйский акт прославления иконы возвысил почитание нового образа Божией Матери до всероссийского уровня, но не изменил статуса церкви. Действительно, прежде возложения функций городского собора на посадскую церковь, она требовала подобающей реконструкции, и такое переустройство было во власти Суздальского архиерея. Как показывают писцовые книги Шуи XVII века, где указано состояние (чин) местных церквей, архиепископ Стефан не успел завершить церковную реорганизацию в Шуе. События, вызванные деятельностью раскольников, ограничивали возможности архиерея и серьёзно подорвали его силы. Решением патриарха Иоакима, по состоянию здоровья он был переведён на покой в Успенский Иосифо-Волоцкий монастырь, где вскоре скончался († 1679). Изменение чина и переустройство Воскресенской церкви произошло при Суздальском митрополите Иларионе. Приняв Суздальскую кафедру (1682), он обратил внимание на недостаточное благолепие церковных зданий в Шуе, по сравнению с Суздалем и Ярославлем, где широко внедрялось строительство из кирпича. Чтобы исправить отставание, требовались организационные решения, включая местное производство кирпича, и немалые денежные затраты. Первоочередным делом стало возведение нового соборного здания. Переписная книга Шуи 1685 года впервые называет бывшую посадскую Воскресенскую церковь как *«соборную церковь Пресвятые Богородицы Чюдотворного ея образа Одигитрея»*, и следом упоминает вторую *соборную* церковь *«Николы Чюдотворца»*[11]. Следом указана церковь *«Покрова Пресвятой Богородицы, что в городе в осыпи»*, которая здесь названа *«старым собором»*[12]**.** Передача соборного чина позволяла сосредоточить силы и средства на новом проекте, который осуществлялся уже не *«мирским строением»*, как посадские церкви, а с привлечением дополнительных средств. По-видимому, обновление здания собора в Шуе заняло около пяти лет и было закончено к 1690 году. В ходе переустройства собора его алтарная часть была сделана трёхпрестольной. Центральный престол был освящён в честь *«Пресвятыя Владычицы Шуйския».* Воскресенский престол расположился в южной части алтаря. В северной части алтаря был устроен новый престол в честь праздника Успения Божией Матери.

Здесь необходимо отметить, что прославление новой иконы Божией Матери не завершилось архиерейским богослужением в Шуе 28 июля 1667 года. При патриархе Иоакиме обстоятельно готовилась более высокая, московская канонизация Одигитрии Шуйской. Мы находим отражение этих решений не только в Шуе, но также и в Ярославле, где 10 июля 1690 года была освящена вторая

церковь в её честь[13]. Эта церковь по своему расположению была ближайшим зданием от кафедрального Успенского собора. Идея преобразования второй церкви Ярославля ради чествования иконы из Шуи была поддержана самим патриархом Иоакимом.

Как видим, сочетание престола во имя Одигитрии Шуйской и престола в честь праздника Успения Божией Матери произошло как в Шуе, так и в Ярославле. Такой порядок, тождественный для двух соседних епархий, очевидно, определялся соборным согласием по единому акту канонизации чудотворной иконы Божией Матери из Шуи[14].

Иконографическая концепция иконы «Богоматерь Шуйская», представленной в собрании ГТГ (1690? – см. **вкл. стр. 3**), также свидетельствует об особом чествовании иконы Божией Матери из Шуи. По стилистике письма специалисты относят этот список к мастерским Оружейной палаты. Его важной особенностью является добавление в исходный сюжет Шуйской Одигитрии ликов Архангелов, нигде более не воспроизводимых на тезоименитых иконах. В широком смысле, клейма с ликами Архангелов (Михаила и Гавриила) считались иконичным признаком знаменитой Одигитрии из Константинополя. Цареградская икона приобрела всемирную известность в Средние века своим Вторничным чудом, совершённом на еженедельном крестном ходе по улицам византийской столицы. Другой особенностью списка Оружейной палаты являются его размеры, совпадающие с размерами подлинника из Шуи. Известна и соответствующая *прорись* XVIII века (без ликов Архангелов), точно передающая рисунок этого образа Одигитрии Шуйской[15]. Очевидно, после канонизации иконы из Шуи эта прорись получила типовой статус, поскольку именно по её рисунку были созданы многие тезоименитые иконы Божией Матери XVIII–XIX вв.

Уникальность богословия Шуйской Одигитрии заключается в том, что доминантой этого сюжета сделан *свиток*, а точнее, его *расположение в десните* Бога Сына. На старших изображениях Одигитрии Цареградской и Смоленской десница Бога Сына сложена в благословляющем знамении, а свиток покоится в Его левой руке. Напротив, на иконе из Шуи, мы видим свиток, вознесённый Божественной десницей, что вызывает в памяти христианина откровение о Страшном Суде и о пришествии Христа-Судии. Благодаря своей выразительности, жест «знамения свитком» особенно близко воспринимался русскими иконописцами нескольких поколений.

Со временем определились локальные дни памяти иконы, которые известны по книге о Воскресенском соборе Шуи шуйского историка П.И. Гундобина[16]. Описание собора (1862) включает общегородские празднества, связанные с памятями иконы: *«в девятое воскресенье по Пасхе; 28 июля на праздник Одигитрии Смоленской; и 2 ноября»*. Порядок расположения праздничных дней здесь соответствует хронологии их установления. Первая дата связана с прекращением эпидемии чумы 1654-1655 годов и является частью общей традиции благодарственных крестных ходов в Ростово-Суздальских землях. Вторая дата объединяет празднование двух икон Одигитрии, Смоленской и Шуйской (с 1667 года). Третий праздник связан с Павловским чудом, когда в селе Павлово-на-Оке, во время эпидемии чумы 1771 года, предстательством

Богоматери через Её Шуйскую икону, вновь быстро прекратился мор среди местных жителей. Впоследствии память Павловского чуда стала основным праздником в честь Шуйской иконы Божией Матери.

Другим авторитетным свидетельством о днях почитания иконы из Шуи являются календарные записи епископа Ковровского Афанасия (Сахарова). Епископ Афанасий, выдающийся песнотворец XX века, известный как составитель Службы в честь всех Русских святых, начинал своё образование в Шуйском Духовном училище и с юных лет глубоко чтил Шуйскую икону Божией Матери. В его календарных тетрадях сохранился автограф тропаря[17], составленного во имя чтимой иконы, а также указаны дни, когда предлагалось возглашать этот тропарь за богослужением: *«ноября 2; июля 28; во Вторник Пасхи; в неделю 2-ю по Пятидесятнице».* Здесь к названным шуйским дням памяти добавлено чествование на Светлой седмице, во Вторник Пасхи, в день памяти Собора Одигитрии. Данная традиция восходит к московской канонизации 1690 года, когда статус чтимой иконы был возвышен до *вселенского* чина Одигитрии. Такого чина ранее удостоились две иконы Одигитрии, Смоленская и Иверская, празднуемые во Вторник Пасхи. К деяниям, связанным с повышением чина иконы из Шуи, относились и упомянутые зодческие преобразования в Шуе и Ярославле.

Вопросы зодчества и градоустройства в России традиционно находились на контроле на высшем государственном уровне. Важным этапом в развитии Шуи стало получение статуса уездного центра и создание соответствующего «регулярного плана». Планировка города, предложенная уездным землемером А. Зидеком (1787) и окончательно утверждённая Владимирским губернатором в 1797 году, была в целом реализована в первой половине XIX века. Она не только сформировала известный архитектурный облик Соборной площади, но и сделала соборный ансамбль доминантой города по южной магистрали Шуи. Воскресенский собор (1792-1798) выделяется специалистами наших дней как признанный архитектурный шедевр раннего классицизма. А соборная колокольня (1811-1832) по прежнему восхищает уникальностью своей вертикали и гармонией конструктивных деталей. Она является также памятником величию России и её победе в Отечественной войне 1812 года.

Итоги военных действий дали толчок развитию местной шуйской промышленности, заменившей пострадавшие московские предприятия. При этом, по традициям благочестия, все сословия Шуи не забывали о благодарности Богу и Божией Матери за спасение Отечества в годину испытаний. В тот же период времени состоятельные граждане Шуи изготовили для чудотворной иконы в Воскресенском соборе драгоценную ризу (1823), представлявшую собой редкий образец ювелирного искусства[18].

К началу XX столетия слава Шуйской-Смоленской иконы Божией Матери распространилась далеко за пределы Шуи. Число праздников в её честь достигло шести дней в рамках годового круга. Вместе с тем, и число престолов во имя Шуйской иконы Богоматери, устроенных в различных храмах Владимиро-Суздальской и Ростово-Ярославской епархий, а также в монастырях Нижнего Новгорода и Костромы, выросло до десяти. Почитание знаменитой иконы было выражением народной благодарности Божией Матери за благодатную помощь

в чрезвычайных обстоятельствах эпидемий чумы и холеры, когда медицинские средства нередко были бессильны.

Говоря о дальнейшей судьбе Шуйской-Смоленской иконы Божией Матери, нельзя обойти вниманием трагедию 1922 года, когда Россию поразила эпидемия совершенно другого свойства. В марте этого года Воскресенский собор и его главная святыня оказались в центре событий, вызванных декретом ВЦИК «Об изъятии церковных ценностей». Несогласие шуян с предстоящим кощунством проявилось 15 марта, когда на соборной площади собралась многотысячная масса протестующего народа из города и прилегающих деревень. После нескольких попыток силового вмешательства местных властей люди в итоге были рассеяны отрядом ЧОН и пулемётной командой. От огнестрельных ран погибли четверо мирян и были серьёзно ранены по разным данным от 10 до 15 защитников Шуйской Владычицы. Планы властей были нарушены, но новая демонстрация вооружённой силы не заставила себя долго ждать. Изъятие драгоценных риз, сосудов и других священных предметов в Воскресенском соборе было организовано как малая войсковая спецоперация, под руководством главкома Гражданской войны Н.И. Муралова[19]. Этот военачальник, называвший себя «верным солдатом» Льва Троцкого, известен также как главный организатор октябрьского переворота (1917) в Москве, который не остановился перед артиллерийским обстрелом Кремля, уже оставленного противоборствующей стороной. Во время шуйских событий он занимал должность командующего войсками Московского Военного округа. Именно он, получив чёткие директивы от высшего политического руководства страны, был назначен исполнителем изъятия церковных ценностей в Шуе, реализованного 21 марта 1922 года.

Параллельно был организован юридический процесс по «Шуйскому делу», получивший широкую огласку в центральной печати. Уже 28 марта газета Известия ВЦИК опубликовала «Правительственное сообщение о событиях в городе Шуе в связи с изъятием церковных ценностей». Вся вина за беспорядки была возложена на местное духовенство. Расследование было проведено в сжатые сроки, и уже через месяц в Иваново-Вознесенске было организовано выездное заседание Верховного Ревтрибунала. 25 апреля троим обвиняемым *«по делу шуйских попов»* был вынесен смертный приговор. В связи с просьбой Президиума ВЦИК о замене смертной казни, решение Ревтрибунала выносилось 4 мая на обсуждение Политбюро ЦК РКП(б) где, под давлением В.И. Ленина, было окончательно утверждено. Приговор был приведён в исполнение в 2 часа ночи 10 мая (н/ст.) возле здания тюрьмы на окраине Иваново-Вознесенска[20]. Так в историю Шуйской иконы Богоматери вошёл день памяти её защитников, впоследствии прославленных Архиерейским собором 2000 года. К лику новомучеников Российских были причислены священники Павел Светозаров, Иоанн Рождественский и мирянин Петр Языков, расстрелянные по приговору Ревтрибунала, а также Николай Малков, Сергий Мефодиев, Авксентий Калашников и девица Анастасия, погибшие при разгоне народного схода в Шуе 15 марта 1922 года.

История противостояния двух сил показывает, что первая реакция церковного сознания на разрушение основ государства и церкви проявилась

уже в 1920-е годы. Одним из таких примеров можно назвать составленное в 1924 году *«Празднование Пресвятей Владычице нашей Богородице в честь чудотворныя Ея иконы, нарицаемыя Шуйския»*. Его автор, московский протоиерей Николай Миловский (родом из Шуи), также претерпел гонения по обвинению в *«сопротивлении изъятию церковных ценностей»*. Молитвословия новой Службы вместили в себя живое пастырское осмысление событий, происходивших в России. Один из тропарей Канона сравнивает текущие события со «смертоносием» XVII века и, «из глубины отчаяния», завершается прошением к Божией Матери: *«…не послужити, паче же противустояти учением и обычаем века сего* ***помози нам, Богородице,*** *да не в конец погибнем, и сохрани в нас веру отцев наших»*.

Закладная памятная доска 1673 года об освящении престола в честь иконы Шуйской Божией Матери. Церковь Димитрия Солунского в Ярославле. Фото: Илья Бесхлебный, 2013. Текст: «Освящена же бысть в лета 7181 (1673) июлия в 13 день во имя Пресвятыя Богородицы Шуйския и святых мученик Димит» (…рия и Георгия).

Важно отметить, что сам чудотворный образ Божией Матери, несмотря на изъятие драгоценной ризы в 1922 году, некоторое время оставался в соборе на своём прежнем месте. Последние документы, свидетельствующие о сохранности иконы, датированы сентябрём 1935 года[21]. Эксперт Третьяковской галереи, отвечая на официальный запрос Комитета охраны памятников ВЦИК, подтвердил высокую культурную ценность иконы письма Герасима Тихонова и признал, что она *«должна быть принята на Госохрану»*. Но организаторы «безбожной пятилетки» распорядились иначе. Уже через полгода, по адресному постановлению Президиума ВЦИК, собор был передан в пользование малочисленной *«общине обновленческой ориентации»*. Далее, постановлением Ивановского Облисполкома от 2 октября 1937 года[22], Воскресенский собор, как *«культовое здание»*, был и вовсе закрыт, но ещё некоторое время числился за общиной обновленцев. Окончательная передача помещений собора Шуйскому Горсовету произошла в сентябре 1939 года[23]. После этих перемен местонахождение Шуйской иконы Божией Матери остаётся неизвестным.

Возобновление духовной жизни в Шуе связано с широким празднованием Тысячелетия Крещения Руси. Уже через два года, на праздник Пасхи 1990 года, в Воскресенском соборе города было проведено первое богослужение. В настоящее время наши молитвы обращены к иконе Шуйской Смоленской Божией Матери, созданной в XIX веке. Верится, что главная святыня Шуи тайно сохраняется Божиим Промыслом и может вернуться обратно, но это зависит от преодоления наследия прошлых лет.

Тропарь иконе Божией Матери Шуйской глас 4 *(епископа Афанасия):*

Яко многоценное сокровище прият град Шуя / чудесно написанную икону Твою, / Пресвятая Владычице, Дево Богородице, / во исцеление лютыя

язвы и во утешение православных Тобою дарованную, / от неяже источники благодатныя и до ныне обильно изливаются. / Пробави, Пречистая, / и на будущее время милости Твоя ведущим Тя, / храни град Твой и всю Русскую землю // и спасай людей, к Тебе с верою и любовию притекающих.

1. Борисов В.А. Старинные акты, служащие дополнением к Описанию города Шуи. М., 1853. С. 157.
2. Наречение иконы Одигитрией Смоленской закреплено в деловой переписке 1667 года. Борисов В.А. Описание города Шуи и его окрестностей. М., 1851. С. 424, 434, 437. Одигитрия в переводе с греческого означает Путеводительница.
3. РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Ч.1, Л.8; Оп.1. Ч.2. Кн.11330, Л.13 об. -14. Сведения предоставлены Л.Д. Мазур.
4. РГАДА Ф.357 Оп.1 № 109. О чудесех Пресвятыя Богородицы Шуйския. 1783 год. Л 26–26об.
5. Борисов В.А. Описание города Шуи и его окрестностей. М., 1851. С 423.
6. Книги свидетельства чудотворного образа Пречистыя Богородицы Одигитрия и чудесем, что в Шуе. 1667г. ГИМ. собр. Уварова. № 1724 (196).
7. Борисов В.А. Описание города Шуи и его окрестностей. 1851. С 422–438.
8. Правдин Е. И., протоиерей. Описание Шуи и Шуйских церквей. Шуя, 1884. С. 3–102.
9. Два письма преосвященного Ионы митрополита Ростовскаго и Ярославского, и казначея его иеромонаха Вассиана, писанные в 1673 году в Ярославль к священнику Димитриевской церкви Иоанникию // ЯГВ № 4 от 28 января 1850 года. Ч. неофиц. С. 33-35. Примечание №3: «Из уцелевшей записки видно, что с 20 января по 15 февраля 1672 года, городскими и деревенскими извозчиками перевезено от башен, к Димитриевской церкви, кирпичу и половинок 955 возов».
10. http://rusico.indrik.ru/artists/p/plehanov_vasily_grigoriev/ Цитата приведена по документам РГАДА. Ф 396., оп. 1. № 15019. Л. 1–4. О нём см. Кочетков И.А. Словарь русских иконописцев XII–XVII вв. 2009. С. 618.
11. РГАДА, Ф.1209. Оп.1. ч.1. кн.464. Лл.123-127.
12. Традиционно, начиная с В.А. Борисова (1851), смена чина церквей в Шуе относилась к 1690 году. Этой даты придерживались большинство шуйских краеведов. (И.М. Лядов, 1863; Ф.Г. Журов. 1891; Ю.А. Иванов. 2007). П.И. Гундобин (1863) и иерей Евлампий Правдин (1884) полагали, что Воскресенская церковь получила соборный чин около 1667 года.
13. Крылов А.П. Церковно-археологическое описание города Ярославля. Яр., 1860. С. 22.
14. Икона Божией Матери под кратким титулом «Шуйская» упомянута в описях Успенского собора Московского Кремля за 1705 год. Русская историческая библиотека. Т III. Спб., 1876. Ст. 624. Такая честь также согласуется с централизованной, московской канонизацией 1690 года.
15. Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. СПб., 1910. Рис. 90. С. 134.
16. Гундобин П.И. Описание Шуйского Воскресенского собора. М., 1862. С. 36–37.
17. Архив Владимиро-Суздальской епархии. Фонд епископа Афанасия (Сахарова). Оп. III / 1. Д. 8. Л. 113.
18. Историческое описание соборных и приходских церквей Российской Империи. М., 1828. С. 160.
19. Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. М., 1997. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 693об. – 696.
20. Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга II. Тверь, 1996. С. 53.
21. Никонов Н.И. Шуйская Смоленская икона Божией Матери. СПб., 2008. С. 113.
22. ГАИО Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 847.
23. Иванов Ю.А. Шуя православная. Материалы к энциклопедии. Шуя, 2007. С. 52.

Раздел IV

Персоналии, значимые для истории Южи

составитель Д.Ю. Кривцов

О выходце из Холуя архиепископе Астраханском Мефодие

(к 320-летию со дня Рождения, историческая справка).

Мефодий 1-й, епископ Астраханский и Ставропольский, был сын священника Суздальской епархии Холуйской слободы о. Петра; родился в 1700 г. и в мире назывался Мелетием. С юных лет он жил в монастырях в числе послушников в пустынях: Борковской, Флорищевой и Золотниковской. Рассказывают об одном довольно характеристичном случае из этой поры его возраста. Однажды из Флорищевой пустыни Мелетий пришёл домой навестить своих родителей. Подходя к родительскому дому, он встретил свою мать, которая в то время сидела на завалинке у своего дома с другими малолетними детьми. Вместо родного, ласкового привета, она встретила его такими словами: «Почто ты, Мелетий, идёшь домой, – что тебе не живётся в монастыре? У нас и без тебя есть кому хлеб есть!» Встреченный такими словами матери, Мелетий безмолвно постоял с нею на улице, затем вошёл в дом, где никого в то время не было; мать не пошла за ним. Походив немного времени по дому, он взял опять свою котомку и с тяжёлою грустью вышел из дому. На вопрос матери – Куда? Он отвечал: опять в монастырь, – Прощайте! Мать подумала, что он пошёл побывать в Борковскую пустынь, близ села Холуя; Мелетий же отправился в Золотниковскую пустынь, на довольно далекое расстояние от Холуя, откуда уже более не возвращался в мирском звании.

18 лет от роду был пострижен в монашество и наречен Мефодием; на 24 году Иоакимом, епископом Суздальским, бывшим прежде Астраханским, был посвящён во иеродиакона, а на 28 году в иеромонаха в Троицкий монастырь

г. Шуи. Затем Мефодий три года пробыл в Москве, на Суздальском подворье, при посвятившем его архипастыре.

В 1731 г. Мефодий прибыл в Астрахань вместе со своим родственником, новопосвящённым Астраханским епископом Иларионом, которым в том же году 1-го августа произведён в архимандрита Астраханского Спасо-Преображенского монастыря (ныне духовная семинария), в каковом звании был 26 лет 7 месяцев. За это время он своею жизнью и деятельностью привлёк к себе всеобщую любовь, так что, по смерти еп. Илариона, все статские и военные власти, все граждане и всё духовенство обратились к Императрице Елисавете Петровне с просьбою назначить в Астрахань епископом архимандрита Мефодия. Просьба их была уважена. 10 мая 1758 г. архимандрит Мефодий был посвящён во епископа в г. Казани, а 12 августа прибыл в Астрахань.

«Не столько радовался древний Израиль о избавлении своём из Египта, перешед Чермное море», – замечает летописец, – «сколько духовенство и граждане Астраханские, увидя прибывшего к ним давно желаемого ими пастыря. По истине пастырь сей был добрый: он был примером всякой добродетели, был правды ревнитель, кротости и смирения образец, трудолюбия и воздержания рачитель, обидимых защитник, питатель сирых и отец». Слава о его добродетелях и святости жизни распространилась не только среди христиан, но и среди инославных и кочующих народов в Астраханской области. Со дня пострижения в монашество и до самой смерти он вёл самую строгую иноческую жизнь. Будучи и монахом, и архимандритом, и епископом, он не пропускал ни одной службы – ни утрени, ни литургии, ни малой вечерни, ни всенощного бдения, кроме случаев тяжкой болезни. Простота его в обращении с людьми и во всей его жизни простиралась до того, что он сам участвовал во всех монастырских работах: как простой монах, в одной свитке, с заступом или с лопатою в руках, он копал гряды, сажал виноградные растения наряду с другими монахами, так что трудно было узнать, кто из них епископ. И при таких трудах он никогда не пропускал ни церковного, ни келейного правила, мало давая себе отдыха.

Особенно же епископ Мефодий прославился своим милосердием к бедным, без различия звания и вероисповедания. Кроме среды и пятницы, в которые соблюдался строгий пост, в архиерейском доме ежедневно предлагалась обильная трапеза всем приходящим бедным. Почти каждое утро рабочий народ, идя на работу, заходил прежде в архиерейский дом, где получал хлеб и квас, а нуждающиеся здесь же получали одежду и обувь, которой в архиерейском доме, в особых помещениях, всегда было много заготовлено. Во дни же великих праздников, особенно в храмовой праздник Успения Божией Матери, бывало угощение всех приходящих, при чём всегда находился сам преосвященный. Если обедавшие брали с собою и посуду, то сердобольный владыка не возбранял этого. Ещё будучи архимандритом, он устроил в Спасо-Преображенском монастыре особую келью, в которой жили и обучались грамоте дети-сироты, до 30 человек; такой же приют был устроен им и при архиерейском доме.

Еп. Мефодий с особенною ревностью заботился о построении и украшении храмов Божиих. Им отстроены и украшены монастыри: Спасский – в самом г. Астрахани, Чуркинская пустынь – на взморье, Покровский и Воскресенский,

что на реке Болде. Он устроил в Астраханской епархии 19 церквей. При нём же ризница Астраханского собора украсилась и пополнилась разными драгоценными вещами, из которых особенно замечательны: Евангелие с верхней золотой доской, осыпанное алмазами, яхонтами и изумрудами, стоющее до 120 тысяч рублей; потир, дискос и звездица золотые, весом 5 фун. 7 зол.; серебряная водосвятная чаша, весом 2 пуд 9 фун. 36 зол.

Откуда же этот щедрый архипастырь брал средства на устроение и украшение храмов Божиих и на столь щедрую благотворительность? Сам он не был богат, но умел обогащать других. Когда он узнавал о смерти кого-либо, то не разбирая ни звания, ни состояния умершего, отпевал оного; а благодарные родственники покойника приносили к ногам епископа, кто что мог: богатые – деньги, а бедные – разные вещи; серьги, кольца, одежду и т. п. Некоторые ещё при жизни завещали ему капиталы на помин души. Усердие к нему простиралось до такой степени, что многие ежедневно откладывали по немногу из своих достатков, говоря: «это Мефодию». Благодарное Астраханское купечество подарило ему Чуркинские воды, считавшиеся лучшими из всех рыболовных участков. Добродетельная жизнь еп. Мефодия обращала на себя внимание и Высочайших Особ, которые тоже присылали ему ценные подарки. Так Императрица Елисавета Петровна пожаловала ему драгоценную панагию, а Императрица Екатерина II присылала ему в подарок разные золотые и серебрнные вещи. Так многоразличны были источники, из которых текли к епископу Мефодию средства.

Во время Пугачёвского бунта еп. Мефодий проявил величие духа, неустрашимость патриота и дар прозорливости. В 1771 г. в посаде Дубовке явился беглый казак Емелька Пугачёв с подобными себе сообщниками, которые объявили его за царя Петра III, в то время уже умершего, и стали волновать народ, возбуждая его к восстанию. Хотя Пугачёв тут же был схвачен, но он успел бежать, и слухи о его побеге и о разных небывалых подвигах разносились повсюду и производили своё действие на невежественный и склонный к возмущению народ. Признавая это опасным для Престола и Отечества, еп. Мефодий немедленно отправился в Царицын и в другие места своей епархии и увещевал народ не верить бунтовщикам. Утвердив свою паству в верности присягою, еп. Мефодий только в 1773 г. возвратился в Астрахань.

В 1774 г. Пугачёв снова появился на Волге, окружённый уже громадною силою, состоящею из разнаго сброда; разорял и грабил попутные города и селения. На сторону Пугачёва переходили не только одни мятежные люди и всякие бродяги, но и мирные граждане – одни по легкомыслию, другие под влиянием страха, потому что Пугачёв не признававших его за царя Петра III подвергал страшным пыткам, топил или вешал. Когда слухи о злодействах Пугачёва дошли до Астрахани, то между жителями её началась борьба верности к Престолу с робостью и малодушием. Гражданские власти, не имея надежды отразить вооружённою силою громадную толпу мятежников, были в нерешительности, как поступить в таких тяжёлых обстоятельствах. В это время еп. Мефодий убеждал жителей не изменять присяге на верность Императрице, уверял, что бунтовщик – не царь Пётр III, который умер 10 лет тому назад, а беглый донской казак Емельян Пугачёв; изменникам грозил проклятием. Когда

Пугачёв с толпою бунтовщиков приближался к г. Чёрному Яру, то многие жители Астрахани, под влиянием страха, собирались бежать из города. Ободряя их, еп. Мефодий предсказал, что Пугачёв не только не будет в Астрахани, но даже и Чёрного Яра не увидит. Действительно, Пугачёв был разбит выше Чёрного Яра, а еп. Мефодий в тот же день утром совершил в соборе торжественное благодарственное молебствие, хотя в Астрахани никакого известия о победе над Пугачёвым ещё не получалось.

По усмирении Пугачёвского бунта, когда сам Пугачёв уже был казнён в Москве, приступили к суду и расправе с теми, которые принимали участие в мятеже. Императрица Екатерина II имела столь великое уважение к еп. Мефодию, что весь суд и расправу над духовными лицами, склонившимися на сторону самозванца, поручила ему: «Что он над нами сделает, тому так и быть». И вот в мае 1775 г. привезли в Астрахань до 1000 человек монахов, священников, диаконов и причётников и привели к собору в оковах, оборванных, истомлённых от голода и всяких невзгод тогдашнего тюремного заключения. В 2 часа пополудни еп. Мефодий велел ударять редко в большой колокол. На этот необычайный в такое время звон народ толпами спешил к собору; собралось в соборе и всё духовенство. Святитель в малом архиерейском облачении и с посохом вышел на кружало, дал несчастным знак, чтобы они к нему приблизились, посмотрел на них, заплакал и сказал: «Бог и Всемилостивейшая Государыня всех прощает, и я, по данной от неё власти, прощаю вас и разрешаю; сбивайте оковы с них!» Когда всех расковали, он осенил их крестом и сказал: «Идите за мною, в соборе принесём благодарение Богу о здравии Государыни». Когда губернатор Бекетов стал говорить Мефодию, что с бунтовщиками так не поступают, он сказалъ ему: «Разве они виноваты? Вы – военные и все чиновники – что с пушками делали? – бежали, оставили свое звание, нарушили присягу! Разве вас попы с крестом и с кадилом могут защищать? Вы виноваты, а не попы.. Бекетов бы сам сделал ещё хуже, как бы попался в руки бунтовщиков». И Бекетов замолчал. После этого преосвященный отпустил всех духовных по своим местам и щедро одарил их на дорогу, сказав: «Поминайте за милосердие к вам Государыню».

Обременённый преклонными летами и многосложными трудами, еп. Мефодий возымел решительное намерение оставить Астраханскую кафедру и поселиться в Саровской пустыни, чтобы остаток дней своих посвятить исключительно на служение Богу, но Господь судил ему иначе окончить жизнь. В 1776 г. объезжая свою епархию, еп. Мефодий остановился в Червленской станице, недалеко от гор. Кизляра. Желая полечиться тамошними тёплыми водами, он приказал поставить над горячим ключом войлочную кибитку на подмостках. Но только лишь вошёл он в кибитку, оступился и упал в кипящий колодезь, откуда служители вытащили его едва живого. На другой день, 29 мая, он исповедался, приобщился и, по окончании таинства Елеосвящения, скончался, завещав похоронить себя в Астрахани.

Весть о неожиданной кончине, любимого архипастыря поразила жителей города Астрахани глубокою скорбью, которая особенно выразилась тогда, когда смертные останки его привезли в Астрахань. Почти все жители города, с горьким плачем, вышли встречать своего покойного архипастыря. Тут были даже татары

и язычники, которые вопили: «Кто нас будет теперь питать и одевать? Кто за нас заступится?» Он погребён в нижнем Успенском соборе. В 1801 г. гроб его был освидетельствован при еп. Платоне, при чём тело его и всё облачение найдены нетленными.

Уроженец Холуйской слободы, Владимирской епархии, преосвященный Мефодий и вдали от родины и среди служебных забот не забывал о своём родном Холуе.

На месте и близ места родины им устроены и украшены храмы: во имя св. Троицы и Введения во храм Пресвятой Богородицы – в Холуйской слободе, – и три каменных храма в Борковской пустыни: главный холодный собор во имя св. Троицы, в воспоминание родины и церкви, при которой он родился и принял святое крещение, – тёплый храм во имя Казанской Божией Матери, и придел во имя св. Евангелиста Иоанна Богослова.

Утварь и ризницы означенных церквей обогащены вкладами преосвященного Мефодия.

При Троицкой церкви Холуйской слободы имеются:

1) Потир серебряный, вызолоченный, с резными на нём украшениями под чернеть; работан в Москве 1759 года.

2) Серебряный, внутри вызолоченный ковш для теплоты, весом в 38 золотн., с надписью: «Дал сей ковш преосвященный Мефодий, епископ Астраханский и Ставропольский в Холуйскую слободу, в Троицкую церковь 1764 года».

3) Кадило серебряное с вызолоченною на нём надписью: «Вклад Архимандрита Мефодия Астраханскаго».

4) Напрестольное Евангелие (изд. 1753 г.) в серебряном литом окладе, в коем весу 12 фун. чистого серебра; серебром обложено в Астрахани 1761 года.

5) Местный образ Рождества Пресвятой Богородицы в серебряной, вызолоченной ризе.

6) Образ Свенской печерской Божией Матери. В этом образе врезаны: панагия, украшенная жемчугом и драгоценными камнями,– литое серебряное изображение св. великомуч. Георгия, и два креста с частицами мощей тех святых, кои изображены по сторонам иконы. На иконе следующая надпись: «сей образ из Астрахани от архимандрита Мефодия прислан в Холуй в церковь, в клад, а в нем врезаны кресты, панагия, а в них повкладены мощи разных святых и Животворящаго древа Господня частицы. 1756 года сентября 2 дня».

7) Местный образ Казанской Божией Матери в серебряной, вызолоченной ризе.

8) На местной иконе Нерукотворенного образа серебряная панагия, размером до трёх вершков; верхняя часть её имеет вид короны. Как видно по имеющемуся на ней клейму, работана в Казани 1767 года.

Из облачений наиболее замечательные:

1) Золотой, Персидской ткани риза; на ней парчовое оплечье с шёлковыми цветами и крест серебряного позумента.

2) Из такой же ткани набедренник, на тесьме коего вышито: «Богородице Дево радуйся и проч., а на серебряном кресте серебром изображены слова: «pro fide, rege et lege».

3) Чёрная бархатная риза; оплечье на ней белое серебряное; обложена позументом, подольник шёлковый, травчатый.

4) Голубая, весьма плотной и простой материи риза; оплечье белое серебряное, обложенное золотым позументом, и крест на ней из золотого же позумента.

Из книг церковной библиотеки особенно замечательно толковое Евангелие Феофилакта епископа Болгарского с надписью следующего содержания: «1742 года апреля дня Астраханскаго Спасова монастыря архимандрит Мефодий отдал сию книгу, святое Евангелие толковое Феофилактом, архиепископом Охридским, в Холуйскую слободу, в Троицкую церковь свою келейную ради поминовения родитель наших в кладу и подписал своею рукою: архимандрит Мефодий Астраханский».

В ризнице соборного храма Борковской пустыни находятся следующие достойные внимания вклады преосвященного Мефодия:

1) Напрестольный, серебряный вызолоченный крест, с частицами мощей разных свитых; внизу креста вырезана надпись «лета 1774 июля 1 дня построен сей крест в Борковскую пустыню в Троицкую церковь старанием его преосвященства Мефодия епископа Астраханскаго и Ставропольскаго, а весу в нем 1 фунт 82 золотника»

2) Евангелие напрестольное, обложенное серебром, на передней дске с изображением восстания из гроба, а на задней – Св. Троицы.

3) Большой, серебряный, вызолоченный потир, дискос, звездица, блюдечко и лжица, весом 5 фунтов 50 золотников, приложенные в 1769 году. На дискосе вырезано: «сосуд Мефодия епископа Астраханскаго».

4) Дискос, потир, звездица, два блюдца и лжица серебряные, местами вызолоченные, весу 3 фун. 47 зол. На потире вырезано: «Дал сея сосуды преосвященный Мефодий епископ Астраханский и Ставропольский в Борковскую пустыню церковь св. Троицы».

5) Ковш большой, серебряный, весом 38 ½ зол. с надписью: «Дал еси преосвященный Мефодий епископ Астраханский и Ставропольский в Троицкую церковь, в Борковскую пустыню».

6) Три панагии, серебряные, вызолоченные, разной формы и с различными на них изображениями.

7) Храмовой, престольный образ св. Троицы, высокой, древней работы, писанный на кипарисной дске, в серебряной, вызолоченной ризе, с пятью такими же венцами; с верху на ризе вырезана надпись. «1772 г. зачався сия риза старанием преосвященного Мефодия епископа и совершися во граде Астрахани».

8) Храмовой, престольный образ Казанской Божией Матери, в серебряной, вызолоченной ризе с разноцветными стразовыми камнями.

Литература:

1. Благонравов М., свящ. Архиереи Астраханской епархии за триста лет её существования с 1602 по 1902 года. Астрахань, 1902. С. 55-62.
2. Любимов И., свящ. Преосвященный Мефодий, епископ Астраханский // Владимирские Епархиальные Ведомости. Часть неофициальная. 1876. № 4. 15 февраля.

священник А.Е. Лихачёв, И.В. Купцов

О южском краеведе Иване Васильевиче Гусеве

В настоящем выпуске Пожарского альманаха в разделе «Наши публикации» опубликована Церковно-приходская летопись, которая хранилась в собрании документов Ивана Васильевича Гусева, южского краеведа-энтузиаста. В 2015 г. его коллекция была передана на хранение в Южский районный архив. Кем же был человек, сохранивший для нас этот ценный документ по истории села Южи и прихода Смоленской иконы Божией Матери?

И.В. Гусев возле своего дома, г. Южа, ок. 1970 г. Фотография предоставлена Архивным отделом администрации Южского муниципального района.

По данным, собранным работниками Южского архива, он родился 20 сентября 1897 года в деревне Подъелово Южского района. С ранних лет жизни он любил читать и стремился к образованию, и потому поступил в Иваново-Вознесенское реальное училище. После его окончания начал свою трудовую учительскую деятельность в школе №1 с. Мстёра Владимиркой губернии, как учитель физики, черчения и рисования. В 1920 г. он вернулся на малую родину, в Южский район, и с тех пор всю свою долгую педагогическую деятельность проводил на южской земле. Был учителем математики и черчения в Селищах, Мугреево-Дмитровском, самой Юже (школа №1, ФЗУ при фабрике, стахановская школа), на Мостах 2 года заведовал всей школой. В 1942 году был призван на фронт, нёс военную службу в Советской армии до 17 сентября 1945 г. А после демобилизации продолжил свои педагогические труды в Южской школе рабочей молодёжи и школе №2. Одновременно являлся директором Южской технической станции.

В течение всей своей жизни, наиболее в зрелые годы, всерьёз занимался историей родного края, собирал старинные документы и предметы быта. Всю эту работу он проводил совместно со своими учениками, школьниками и краеведами, прививая им интерес к истории и культуре. Как рассказали его друзья, он мог целыми днями ходить по деревням, искать старину, иконы, фотографии, грамоты. Документы он бережно хранил, например, рукопись южской церковно-приходской летописи прошита и переплетена, судя по бумаге, в начале 50-х годов, возможно, тщанием самого Ивана Васильевича. Его заветной мечтой, особенно в пенсионный период его жизни, было создание в Юже муниципального краеведческого музея, но он не нашёл себе единомышленника в административном звене и потому, чувствуя приближение кончины, передал свою немалую коллекцию историческому музею в Шуе.

Иван Васильевич скончался в июне 1977 г. О его кончине нам рассказал его друг, Фёдор Александрович Осокин (умер в 2003 г.), тоже старейший южский учитель, такую историю. В начале лета вышеназванного года Иван Васильевич лечился в районной больнице, сердечко пошаливало. И тут на пост медсестры раздался телефонный звонок, что на его улице горит дом. У Ивана Васильевича была не только прекрасная библиотека, но и ценное для него собрание старинных икон и предметов. Он вскочил и прямо в пижаме и тапочках бегом побежал до самого дома. Успел увидеть, что горит соседский дом, и упал замертво. При осмотре коллекции И.В.Гусева в Шуйском музее было отмечено, что бóльшая её часть посвящена истории Южского района, может являться ценным материалом для краеведческой работы. На этом основании в 1980-х годах было принято решение эту часть его коллекции вернуть в Южу, в районный Дом пионеров, для работы краеведческого кружка.

В 1995 году группа исследователей-юниоров из г. Ростова-Великого, под руководством молодого историка И.В.Купцова, выезжала в Южу для разборки и систематизации гусевского архива. Вот часть сведений из любезно предоставленного ими отчёта: «В его коллекции множество карт, старинных книг, материалов по истории разных районных организаций. С 1972 г. он стал издавать краеведческие очерки в газете «Светлый путь», подумывал составить из них книгу. Он знал очень много фактов об истории Южи и её окрестностей, собирал и разные предания. Например, где могут быть зарыты берестяные грамоты, где был найден перстень польского шляхтича. Иван Васильевич был не только краеведом, но и цветоводом. Вместе с М.П. Филипповым он выводил новые сорта. Своими цветами он украшал клумбы на улицах родного города, а, чтобы их не рвали, однажды повесил объявление и рядом ножницы: «Уважаемый тов. вор! Срежьте цветы ножницами, а не вырывайте их с луковицами». Профессор ИвГУ К.Е.Балдин общался с южским краеведом в свой молодости, в начале 70-х годов. Среди прочих коллег, частенько «зажимавших» попадающий к ним материал, Иван Васильевич приятно отличался щедростью, готовностью поделиться как информацией, так и материалом». Он старался всё делать на благо общества, и идея об организации музея стала в последние годы смыслом всей его жизни. Он был настоящим энтузиастом своего дела, даже, когда заболел и почти полностью потерял зрение, продолжал после операции работать с лупой.

Ростовская экспедиция немного иначе трактовала судьбу его коллекции. Сначала она была основой музейной экспозиции в одном из кабинетов школы №3, но, выйдя на пенсию, Иван Васильевич вскоре забрал её для удобства работы домой, в свой частный дом (где-то в районе ул. Революции). Архив Гусева после его кончины сначала хранился в амбаре, вскоре часть документов сгорела, остальные перевезли в Шую. Некоторые документы были отправлены во Владимир, а дальнейшая история части его собрания нам уже известна из свидетельства архивных работников. Всего в фонд И.В.Гусева в 2015 году было внесено 210 единиц хранения, в том числе 26 единиц – изобразительные документы, среди них 189 фотографий. Иван Васильевич не успел увековечить своё имя изданием монографии, не создал музея. Но даже спустя столько лет ощущается свет его щедрого сердца, его творческой личности.

Раздел V

Семейный фотоархив

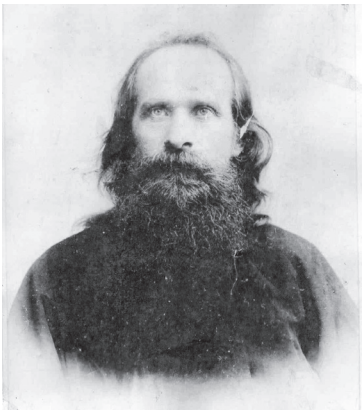
Т.Ю. Краева
священник А.Е. Лихачёв

Из фотоархива семьи церковнослужителей Смоленской церкви в Юже Никольских и их потомков

В настоящее время, в связи с развитием на южской земле краеведения, известны имена многих священнослужителей и церковнослужителей храма Смоленской иконы Божией Матери, каменное здание которого отметило в этом 2020 году своё 225-летие. Также приближается 20-летие возобновления приходской жизни, поэтому хочется вспомнить имена всех тех, кто организовывал молитвенную и богослужебную жизнь прихода в начале XX века, за кого нам в эти юбилейные дни хотелось бы помолиться.

Замечательные фотографии представителей рода Никольских сохранились в семьях южских жителей, потомков дьячка нашей церкви Павла Петровича Никольского, служившего в нашем храме с 1887 по 1911 г.: Валерия Антоновича Рузгиса (внук его, ныне покойный) и Краевой (Жирковой) Татьяны Юрьевны (его правнучка).

Из тех лиц, кто представлены на фотографиях Никольских, самым старшим является Павел Петрович Никольский (1866-1912). Его фотографию привезла в Южу и передала в Свято-Смоленский храм родная сестра В.А. Рузгиса Эвелина Антоновна. По семейному преданию, Павел был сыном священника Петра, служившего в середине XIX века при Свято-Езерском Иверском монастыре. Очевидно, Павел Никольский происходил из очень бедной семьи, потому что не смог закончить Шуйского духовного училища, где обучался до 3 курса. Его супругой стала Елизавета Николаевна Смиренская (1867-1942), дочь потомственного псаломщика церкви в Старой Юже, за ней он и унаследовал место причётника, с 7 декабря 1887 года. Николай Иванович, тесть Павла Петровича, по данным церковно-



приходской летописи, служил при Свято-Смоленской церкви с 1860 года и умер 23 октября 1867 г. от разрыва сердца. Брак Павла и Елизаветы был заключён около 1886-87 гг., возможно, венчал их о. Евгений Алеев, каковой факт надо ещё удостоверять по метрическим книгам. К сожалению, Павел Петрович рано ушёл из жизни, сильно заболев простудою в конце 1911 г. Он скончался 23 января 1912 года. Его тёща Ксения Васильевна ещё несколько лет жила при церкви, получала небольшое вспоможение и скончалась 6 мая 1917 г.

У Павла Петровича с Елизаветой Николаевной было 11 детей, их имена по годам рождения – Николай (1888), Александр (1890), Пётр (1892), Екатерина (1894), София (1896), Лидия (1899), Антонина (1901), Ольга (1902), Нина (1904), Андрей (1907) и Анастасия (1911). Сохранилась замечательная фотография 1916 года, где все они собраны вместе со своей матерью (в сильно уменьшенном виде она была опубликована в Пожарском юбилейном альманахе №1 на с. 81), ныне передана в архив Южской районной администрации. На коленях у бабы Лизы внук, а рядом (справа) – невестка, их имена не сохранились. Елизавета Николаевна была высокой статной женщиной, в обращении с детьми – строгой, всегда следила за тем, чтобы дети по утрам и вечерам исполняли молитвенное правило. А дети и внуки называли её с уважением и любовью «бабенька». Она прожила после смерти мужа 30 лет, скончалась в 1942 году 25 марта и погребена на современном (теперь называемом «старом») городском кладбище. Дольше всех из лиц, изображённых на этой большой фотографии, прожили Ольга (сконч. 1978 г.) и Нина (ум. 1979 г.).

Сохранилась ещё одна фотография Елизаветы Николаевны, в окружении двух дочерей и внуков, снимок был сделан спустя 22 года (1938 г.). В верхнем ряду – внчка Нонна (дочь Ольги), дочери Лидия и Ольга, внизу – Нина (дочь Софьи) и дети Лиды – Таня, Стасик и Лариса.

На этой фотографии 1916 или 1917 г. мы видим 3-го сына Павла Никольского – Петра Павловича – и Михаила Романовича Уставщикова. Пётр Павлович занимал должность псаломщика Смоленской церкви с 1915 по 1928 гг.. одновременно был регентом большого церковного хора, о прекрасном пении которого до сих пор вспоминают южские старожилы. Он получил высшее образование и работал учителем. Михаил был старостой церкви и одновременно звонарём, благовествовал на большие праздники радость службы так, что звон был слышен на Малой Ламне (7 вёрст). Последние колокола были сброшены и увезены на переплавку только в 1942 г. Пётр Павлович с семьёй (супругой Ольгой и дочерью Руфиной) уехали в Тучково Московской области, где он долго работал директором школы. Скончался в сентябре 1971 г. и погребён на кладбище пос. Тучково Рузского района. Его дочь Руфина вышла замуж за украинца, в настоящее время достигла очень престарелого возраста (около 90 лет) и проживает в Киеве. Потомки Устащикова проживают в г. Кольчугино Владимирской области.

Дочь Никольских Екатерина Павловна (сконч. 7 ноября 1957 г.) вышла замуж за приехавшего в Южу фельдшера Антона Рузгиса, у них было трое детей: Авенир, Валерий и Эвелина. Валерий Антонович стал известным в Ивановской области хирургом, достиг звания Заслуженного врача России, но остался бездетным. В 2007 г. он предоставил для Пожарского альманаха свои фотографии и устные воспоминания. Остальные потомки Рузгисов уехали из Южи.

На этой фотографии Елизавета Николаевна со своей дочерью Ниной Павловной, снимок около 1938 г. Она единственная, кто из всех дочерей Елизаветы Николаевны никогда не выходила замуж и осталась жить с матерью. Она закончила институт и до самой пенсии работала учительни-

цей. В 20-е годы Никольские ещё держали большое хозяйство, лошадь, корову, овец, свиней, ведь младшие Андрей и Настя были ещё практически детьми; после раскулачивания в начале 30-х годов у них остался только пчельник. Конечно, они были верными прихожанками своей церкви до самого её закрытия в 1939 году, помогали, чем могли, отцу Виктору в это трудное время. В 1941 году Андрей ушёл на фронт (см. фото вверху). Нина ухаживала за матерью в старости, и организовала похороны. После кончины матери продолжала держать большое хозяйство, кур, огород. Дом, где жили Никольские, находился напротив Свято-Смоленского храма, на юг от него, на месте дома №16 по ул. Старая Южа по современной нумерации. Нина Павловна стала хранительницей дома Никольских, он был всегда открыт для всех членов большой семьи. Разъехавшись по разным городам, многие из них в 50-е и 60-е годы приезжали пообщаться в этот гостеприимный дом. Выйдя на пенсию в 1960-м году, она углубила свою церковную жизнь, соблюдала все посты, совершала полное молитвенное правило. Как вспоминает Т.Ю.Краева, в доме было очень много икон, всегда горели лампады. После закрытия своего храма Нина Павловна продолжала посещать церковь, пешком ходила в Холуй, по возможности ездила в Красное. Очень много занималась с детьми, безвозмездно на дому подтягивала желающих лучше учиться. Почти до самой кончины она была активной, много читала, выписывала журналы по огородничеству и цветоводству. Примерно за год до кончины она тяжело заболела, и тогда муж её сестры Софии, Василий Алексеевич Хохлов, забрал её к себе в дом (на ул. Черняховского), ухаживать за ней. На фотографии он справа, в одном ряду с уже пожилыми дочерями Павла Никольского Софией и Ольгой. Она скончалась 3 марта 1979 года и была похоронена рядом с матерью. Дом продавал В.А.Рузгис, и потом разослал деньги всем внукам. Мы поминаем Нина Павловну как хранительницу семейных святынь.

На последней фотографии (около 1977 г.) – хранительница родового гнезда Никольских Нина Павловна на фоне своей любимой, уже закрытой Смоленской церкви.

Е.В. Крюковская
священник А.Е. Лихачев

Фотоархив: из истории одного крепкого крестьянского рода – Араповых из дер. Горки Груздевской волости

Я поделюсь теми краткими сведениями, которые нам с мамой удалось сохранить о моих предках, крестьянах Груздевской волости. Через брак прабабушки и прадедушки моей матери Ирины Николаевны породнились два крепких крестьянских рода – Крыловых и Араповых. Арапов Василий Ефимович примерно в 1909 или 1910 году взял замуж девицу Крылову Любовь Алексеевну. Сам Василий, 1885 г. рождения, был сыном крестьянина из дер. Горки Ефимия Николаевича. У Арапова Ефима Николаевича была в собственности ценная по тем временам машина - ветряная мельница, на которой обрабатывалось зерно на муку, его свозили к нему со всей округи. Как водится, в хозяйстве были лошади и коровы. Мать семейства была домохозяйкой. Любушка, 1887 г.рождения, была родом из деревни Суханиха той же Груздевской волости, дочерью крупного крестьянского торговца Крылова Алексея Васильевича, у которого в фабричном селе Южа была собственная лавка, в которой он «торговал на широкую ногу» и хлебом, и мясом, и своими изделиями. В семье сохранилось фото его супруги, Анны Афанасьевны, которая всегда помогала мужу в лавке (как бы мы сейчас сказали, была хозяйкой магазина). На ней мы видим её в окружении работников, возможно, среди них есть и зять Василий. Вместе с молодой женой Любовью из Суханихи в дом к Василию пришла святыня, икона св. Василия Великого и мучениц Параскевы и Любви, которая стала передаваться по наследству, как родовое благословение.

Василий, по рассказам его дочери Анны (родилась в 1912 г., 18 ноября), вёл хозяйство сам. «…Они жили единолично, это обозначало, что каждый хозяин имел свое хозяйство и землю, и они всем своим добром распоряжались, как хотели. Наемных работников не было.» Помимо крестьянских трудов, у Василия Ефимовича были немалые общественные заботы. Он был прихожанином и старостой большого Покровского храма в с. Груздево. Это означало, что он

обеспечивал материальные потребности приходской жизни, нанимал сторожей, истопников, следил за порядком, строительными и ремонтными по храму работами. Храм в Груздево отличался не только размерами, но и внутренним великолепием. Звон огромного колокола (весом около 200 пудов) был слышен даже на Ламне за 12 вёрст. Церковь пользовалась любовью всего народа, имела богатую утварь. Бабушка вспоминает, что одних позолоченных венцов для таинства Венчания было 8 пар! Архиереи любили приезжать и служить в этом великолепном, расписанном до самых высоких сводов, храме. А после службы шли обедать и отдыхать в дом Василия Арапова, в соседнюю деревню. Недалеко от деревни, немного ниже в лесочке, был устроен святой источник с купальней. На водосвятие туда всегда ходили крестным ходом и торжественно освящали воду. Следить за святым местом тоже было обязанностью Василия Ефимовича. Зато и вкусная, полезная вода всегда была в доме.

По наследству мельница досталась Василию Ефимовичу, но тут вскоре грянула революция. К глубокому сожалению Василия, храм сначала закрыли, потом стали разорять. Когда сбрасывали с колокольни колокола, земля дрожала и будто горела. Несмотря на то, что он не был врагом Советской власти или эксплуататором, в 30-е годы его посчитали кулаком. Мельницу отобрали, из большого дома выселили. Родителей супруги тоже раскулачили и отправили вместе с семьёй Куприных из дер. Тарасихи в Магнитогорск. Оттуда они, по свидетельству А.И.Куприна, писали письмо М.И.Калинину, и им, можно сказать, чудом вскоре разрешили вернуться из ссылки домой. Василий Ефимович и Любовь Алексеевна стали работать в колхозе.

Тем временем их дочь Анна как дочь кулака была исключена из шуйского педагогического техникума, не доучившись всего год. К учёбе она была способная, начальную школу в Груздево закончила на отлично, потом пошла в Южскую восьмилетку (теперь школа №3), и примерно в 1928 г. поступила на учебу в Шую. Как грамотного человека, её скоро взяли работать секретарём сельсовета. К этому времени (примерно 1932 г.) относится большая фотография, где они со всеми работниками Груздевского сельсовета сфотографированы вместе. Среди мужчин три девушки, это Галкина Е.М., заведующая почтой, Арапова А.В., секретарь, и Ястребова М.А., санитарка сельского медпункта. Вскоре прабабушка вышла замуж за Трусова Сергея Васильевича, 8 августа 1933 г. у них родилась дочь Зоя, которая в замужестве получила фамилию

Ключникова. Есть фото 1938 г., где на снимке Зоя, моя бабушка, вместе со своей мамой, моей прабабушкой.

Сохранилась ещё одна важная фотография, сделанная в Горках, на которой собрана вместе большая семья Трусовых – Араповых. Снимок предвоенный, видимо, лета 1940 года. Справа от Анны Васильевны её неженатый брат Владимир, который через год уйдёт танкистом на фронт и погибнет, они стоят позади своих пожилых родителей. С другой стороны – её супруг, Сергей Васильевич, впереди – его родители и младшие сёстры. (На фото внизу справа – Владимир Васильевич.)

После войны на крестьян был наложен тяжёлый натуральный оброк в пользу Советской власти, за ведение домашнего хозяйства, стало очень тяжело жить. Поэтому в 1951 г. семья переезжает в Южу, Зоя Сергеевна там заканчивает школу и начинает работать, сначала нянечкой в инфекционном отделении, а потом – статистом районной больницы. Свой дом в Горках они разбирают и перевозят в Южу, ставят на улице 9-я Рабочая. Скоро, в 1953 г. умирает Василий Ефимович, через 8 лет – Любовь Алексеевна. Так закончилась жизнь крестьянского семейства, попавшего на трагическое время стыка разных исторических эпох.

Памятью о наших благочестивых предках является семейная икона, доставшаяся нам от прабабушки Любови Алексеевны, вероятно, данная в благословение на венчание. Икона свв. Василия, Любови и Параскевы палехского письма, конца XIX века, с золотым тиснением, всегда находилась в том скромном доме в Горках, в котором после раскулачивания жили наши предки. Перед нею мы и совершаем наше ежедневное молитвенное правило, в котором перед Богом поминаем весь наш род, чтобы быть живыми вместе с ним.

Раздел VI

Наши публикации

В нашем издании полностью сохраняется оригинальный текст архивного документа, включая пунктуацию и заглавные буквы, кроме устаревшей орфографии и явных ошибок. В квадратных скобках [27 об.] дается нумерация листов рукописи (с их оборотами) или отмечаются особенности письма [Более мелким почерком].

[Титульный лист]
Церковно-приходская летопись
Владимирской епархии *Вязниковского* уезда, села
Южи Смоленской церкви.

Составлена местным священником
Андреем Миртовым
1876 год
I. часть первая – общая
II. часть вторая – частная

[2] I. О селе.

«Название села. Местоположение. Расстояние от городов и соседних сел. Наружный вид села. Число жителей. Нравственное состояние их. Промыслы, степень богатства их и причины упадка благосостояния.»

Село Южа в прежнее время имело два названия: Никольское и Южа, что видно из того, что в старинных бумагах писалось: Село Никольское, Южа тож.

Название – Никольское – село получило вероятно от храма во имя Святителя Чудотворца Николая, а отчего, когда и по какому случаю получило оно название Южа – неизвестно. Трудно даже объяснить само слово Южа. Есть, говорят, старинное славянское слово «Юзга», означающее топкое, сырое место. [2об.]

Село построено действительно, на топком сыром месте. В настоящее время первое название села, то есть «Никольское», совсем оставлено, и село известно под одним только названием – «Южа».

Расположено село Южа на невысокой горе вдоль прежде бывшей большой так называемой Балахонской (из Москвы чрез Владимир и Балахну в Нижний) дороге. Место положения довольно красивое. Кругом села большие леса, отчего воздух в селе легкий и здоровый, благодаря которому никакая пока эпидемическая болезнь не посещала села.

Жаль только что в близи села нет ни одной порядочной реки, а протекают на южной и западной сторонах небольшие ручейки – Кожевино и Вазаль. Ручейки эти никогда не пересыхают и есть основания думать, что они были когда-то [3] большими реками, так как ручейки эти и до сих пор носят названия речек и берега их заставляют думать о прежде текущих в них больших реках. Старожилы рассказывали, что в древности, на месте, где построено село, были сплошные непроходимые леса. Леса эти истреблены, и вероятно по причине истребления их и вода в реках иссякла. На Западной стороне, в пол версте от села, на протоке речки Вазаля, в недавнее время устроен огромный красивый пруд с двумя плотинами для снабжение водою бумаго-прядильной фабрики.

Южа построена в глухом месте, нет в близи ея ни городов, ни значительных селений. Владимир, губернский город в 120 верстах; уездный город Вязники в 40 верстах. Единственное, порядочное торговое село [3об.] вблизи Южи – Холуйская слобода, – в 12-ти верстах. Есть и другие села неподалеку от Южи, но небольшие, например на северо-восток в 7-ми верстах две Ламны – Большая и Малая. На восток два Мугреева – Спасское и Никольское, – в 12-ти верстах.

Наружный вид села самый обыкновенный, непривлекательный: дома деревянные, низменные, бедной крестьянской постройки, расположены в два порядка, просторною, широкою и довольно красивою улицею. В прежнее время постройка села была до безобразия тесная и улица узкая и грязная; настоящий же планный вид приняло село только с 1832 года, после пожара, истребившего дотла всё селение. Позади домов отведены большие гуменники, в которых вы не встретите ни садов, ни огородов. Причин отсутствия этих [4] садов и огородов в Юже две: первая та, что жители села коренные офени, всю, почти, свою жизнь таскающиеся с коробками по дальним местам, не имеют ни времени, ни охоты, ни уменья разводить сады и огороды; а вторая та, что самый грунт земли, сырой и холодный, не благоприятствует разведению садов.

Домов в селе Юже считается 42; в них жителей мужского пола 85 и 104 женского пола. Жители в нравственном отношении, вообще народ хороший, особенно женщины – нет в них ни раскола, ни распутства, ни воровства; все добрые христиане, к церкви усердные, к духовенству почтительные, на исповедь ходят и Св. Тайн приобщаются. К сожалению, в последнее время, с открытием повсеместно кабаков и с умножением фабричного производства, начало [4 об.] распространяться и в Юже, как и везде, пьянство и другие пороки.

Коренной промысел жителей Южи издавна офенство. С молодых годов мужчины приучаются таскаться с коробами на плечах, с так называемым, на их языке, мелким товаром: крестиками, поясками и пр. по губерниям Самарской,

Саратовской и Астраханской. Промысел этот в прежнее время давал офеням возможность жить порядочно, но в настоящее время это офенство только разоряет крестьян, потому что, не давая хорошей выручки, приучает их к бродяжничеству и заставляет бросать дом и хлебопашество. С устройством бумаго-прядильной фабрики жители Южи понемногу начинают приучаться к фабричному производству, но и оно, к несчастию, не столько обеспечивает благосостояние народа, сколько портит добрую нравственность его.

[5] II .
О Храме.

«История построения храма. Строители его. Внешний вид. Церковные строения. Колокола. Внутреннее расположение. Главный престол. Приделы. Иконостасы. Иконы. Церковная утварь. Книги. Кто содействовал украшению храма.»

Храм в селе Юже перестраивался несколько раз. Когда построен был первый храм – неизвестно, но думать надобно, что в очень давнее время; достоверно известно только то, что первый храм был деревянный, во имя Святителя и Чудотворца Николая. Предание говорит, что в древнее время на месте села была небольшая деревушка, окруженная [5 об.] густым непроходимым лесом, и что проехать благополучно эту деревушку считалось за особенную милость Божию, потому что нередко в ней производились грабежи и разбои. Но вот в одно время жители этой деревушки на срубленном толстом пне находят медную небольшую икону Смоленской Божией Матери. Считая эту икону явленною, они надумали на этом месте построить храм и тотчас же приступили к делу, вырубивши кругом лес, очистили место и испросивши разрешения начальства на месте явления иконы, из нарубленного кругом лесу, построили деревянный храм. Новопостроенный храм посвятили имени Святителя и Чудотворца Николая, а в честь Смоленской Божией Матери устроили придел. Найденная икона хранится в храме и в настоящее [6] время. С течением времени деревянный храм пришел в ветхость и прихожане этого храма решились, на собственные средства, вместо деревянного построить новый, каменный, вблизи ветхого деревянного. Долго ли строили каменный храм неизвестно, только по записям видно, что новопостроенный храм в 1795 году освящен с благословения Преосвященного Виктора; главный престол посвящен Смоленской Божией Матери, а во имя Святителя и Чудотворца Николая устроен теплый придел. Ветхий же деревянный храм, по построению каменного, в 1819 г перенесен на кладбище и освящен во имя Святой Троицы, а потом лет сорок назад, именно 1837 года, с разрешения епархиального начальства упразднен, сломан и продан в какое-то небогатое село. [Примеч. на полях др. почерком – «в село Сакулино»] Каменный храм разделялся на две половины – теплую и холодную, и был [6 об.] очень непоместителен, особенно в зимнее время, а потому, когда построилась вблизи села бумаго-прядильная фабрика и таким образом увеличилось число богомольцев, храм понадобилось распространить. В 1862 году Святое дело это

из усердия, принял на себя строитель фабрики и владелец Южи с деревнями помещик Иван Александрович Пратасьев. На свои деньги, своими мастерами, из своего материала в продолжение трех с половиною лет он распространил храм, устроил его весь теплым, построил новую колокольню, сломавши прежнюю, и обвел кругом всего храма широкую, толстую каменную ограду. Вся постройка церковная обошлась строителю около 50-ти тысяч рублей серебром.

Каменный храм и в прежнем виде был хорош; но в настоящем, переделанном виде он стал великолепен, особенно хороша новая [7] колокольня, построенная по плану и под наблюдением Архитектора Рейма. В переднем углу ограды, на южной стороне построена еще в 1855 году каменная обширная сторожка. Большая часть денег на постройку этой сторожки пожертвована местными прихожанами Балабановым и Желаевым. Звон церковный весьма хорош, колокола невелики, но приятны, большой весом немного более 200 пудов, слит на средства прихожан в 1837 в самом селе Юже. Средний, полиелейный колокол в 113 пудов сооружен в 1802 году.

Если южский храм хорош с наружи, то внутри он еще лучше: светел и просторен. Весь храм сделан теплым и имеет два престола, – первый главный престол посвящен имени Смоленской Божией Матери. Южный, придельный, устроен в честь [7 об.] Святителя и Чудотворца Николая. На северной стороне, против Никольского придела устроен тоже придел, но в нем не имеется престола, а помещается ризница и библиотека. Иконостасы в храме не богаты, но красивы. Передний, большой иконостас устроен в одно время с построением каменного храма в 1795 году, украшен золоченою на полимент резьбою рококо и покрыт кармином; в прежнее время он был покрыт зеленым кроном. Придельные иконостасы украшены тоже золоченою резьбою и покрыты – южный зеленым кроном, а северный голубым (кроном) кобальтом.

Иконы в храме не имеют роскошных, дорогих украшений, но писаны искусной кистью, особенно иконы большого переднего иконостаса; писаны они Холуйским Живописцем Иваном Петровым Путиловым в [8] первых годах настоящего столетия. В Южном приделе иконы писаны Холуйским же Иконописцем Бессемьянниковым в 1860 году, а северный иконостас составлен из различных икон. По древности замечательные в храме иконы: 1. Смоленской Божией Матери, медная, небольшая, по преданию, найденная на срубленном пне и считающаяся явленною; 2. Икона Святителя и Чуд. Николая с житием Его, храмовая; 3. Икона Святой Троицы из древнего деревянного храма. Надобно думать, что в древности в деревянном храме во имя Св. Троицы устроен был престол; потому что праздник Св. Троицы и доныне считается храмовым праздником в Юже, и самая икона храмовою. Есть и другие иконы из прежнего деревянного храма, но они, кроме своей древности, ничем особенно не замечательны.

[8 об.] Церковная утварь в храме в достаточном количестве, но не отличается ни богатством, ни древностию. Есть только две вещи, сохраняющиеся теперь в ризнице, – потир и маленькая дароносица, которые, по всем признакам, принадлежат далекой старине. Потир деревянный, неискусной работы, с наружи и внутри выкрашен грубой красной краской с изображением, – на одной стороне деисуса, а на противоположной животворящего креста; краска

и писание наполовину слиняли. Дароносица оловянная, ветхая, в виде креста; на верхней доске вычерчено распятие Господа; внутри сделаны перегородки, – в одной находится круглая чашечка, для Св. даров, в другой дискос, в средней полагается лжица, всё это тоже неискусной простой работы. Если эти вещи принадлежали Южскому храму, то они доказывают, что храм Южский, а след. и само [9] Село Южа существовали в глубокой древности. Облачений Священнических и Диаконских достаточно, и все они приличны и разнообразны. Книг Богослужебных в довольном количестве, хотя некоторые из них уже ветхи. Книг для чтения в церковной библиотеке довольно много разного содержания; в этом отношении Церковная библиотека, благодаря охоте к чтению церковного причта и некоторых прихожан, с каждым годом более и более увеличивается.

К чести прихожан Южского храма надобно сказать, что всё почти украшение храма сделано и большая часть его предметов приобретена на доброхотные их пожертвования. В этом отношении заслуживают благодарности крестьяне: Балабанов и Желаев, особенно последний: его усердием устроено металлическое, [9об.] посребренное облачение на престол, сделаны многие ризы на св. иконы, приобретены прекрасные священнические облачения. Но самый великий и щедрый благодетель Южского храма владелец села, покойный, Иван Александрович Пратасьев; большие суммы затратил он на устройство и украшение Южского храма, за что по всей справедливости, заслуживает он вечной памяти и теплых молитв в устроенном им храме.

III.
О Прихожанах.

«Приход самостоятельный. Какого звания прихожане. Число приходских людей. Почему приход самостоятельный. Число дворов. Название деревень. Местоположение их и расстояние от села. Постройка [10] *деревянных домов. Экономическое состояние прихожан. Нравственность. Занятия. Расположение к храму Божию и духовенству. Речь. Грамотность. Суеверия и предрассудки.»*

Приход в селе Юже, по реформе 1876 года назначен самостоятельным; прихожане в настоящее время все крестьяне – Собственники, а прежде, при существовании крепостного права, были барскими. Владельцами их были в древности Г.г. Опочинины, Нарышкины и наконец Пратасьев. Коренных прихожан, в настоящее время, по церковным документам считается 436 душ мужского пола и 440 душ женского пола, всего 876 душ. В прежнее время, лет 25 назад, приход, по количеству душ, был значительно больше, – именно 664 души мужского пола и ж. п., но с уничтожением крепостного права многие зажиточные крестьяне-[10об.]офени, получивши свободу, бросили хозяйства, продали дома и со всеми семействами переселились в места своей торговли, каковое переселение продолжается и доныне. Переселение это некоторым офеням принесло пользу, но большинству их положительный вред, потому что разорило их до нищенства.

Смотря на небольшое количество приходских душ может показаться странным, что Южский храм не сделан приписным, а оставлен самостоятельным. Причина этому та, что ко времени церковно-приходской реформы, вблизи села Южи построилась бумаго-прядильная фабрика, которая приходом причислена к Южской Смоленской Церкви. Хотя рабочие на этой фабрике большею частью набирается из окружных мест, и след. к Южским [11] прихожанам не причисляются; но все-таки фабрика дает некоторый доход и Церкви, и Причту, – этим-то доходом и восполнилось недостающее в норму, для самостоятельных приходов, количество душ.

Весь Южский приход состоит из села и семи деревень, в которых насчитывается 160 дворов, – именно: в селе 42 двора, в деревне Омелове 18 дворов, в деревне Нефедове 17, в деревне Тарантаеве – 11, Реброве 12, в дер. Костяеве 11, в деревне Сойне 20, в дер. Русинове 33 двора. Деревни расположены не очень в дальнем расстоянии от села, самая дальняя Русиново 8 ½ верст, ближайшая Омелово в 2-х верстах. Деревни все расположены в одну сторону на запад от села к Холуйской слободе, по большой Балахонской дороге и сообщение с селом имеют очень удобное; препятствий [11 об.] в сообщении никаких нет, – нет ни рек, ни значительных оврагов. Постройка домов, экономическое состояние, нравственность, занятия, расположение к храму и духовенству, всё это во всём Южском приходе совершенно такое же, как и в самом селе Юже. В этом отношении все, что сказано о селе, до малейших подробностей, приложимо и к каждой деревне.

В обращении Южские прихожане довольно вежливы, в домах чистоплотны, в одежде довольно приличны, чему вероятно научились они ходя по чужим сторонам; речь их приятная и язык довольно правильный. Встречаются правда в речах слова и выражения неуместные, но не часто; для выражения напр. будущего времени они употребляют слово вось, – Я вось сделаю, Я вось приду к вам, или вместо [12] трижды, дважды говорят: трои, двои. Уху называют щербой; ходебщики часто, не к месту, употребляют слова: значит, стало быть и т.п. Болезни имеют названия: озепище, лихоманища, кровища, банный брызг. Впрочем с каждым годом речь крестьян делается правильнее; и можно надеяться, что в недалеком будущем она совершенно исправится. У коренных офень-ходебщиков существует свой офенский жаргон, на котором они очень бойко между собою объясняются, но со сторонними людьми его не употребляют. Многие крестьяне ходя по немецким колониям в Сибирской губернии научились понимать и даже говорить по-немецки.

К прискорбию, грамотность в Южских прихожанах распространена очень мало, так что во всем приходе до сих пор нет правильного организованного училища, несмотря на [12 об.] то, что многие лица, понимающие нужды в грамотности, долго хлопотали об открытии в селе училища. Причина этого грустного явления заключается не в том, чтобы крестьяне не имели возможности открыть училища, или не понимали важности образования и не считали нужным учиться, а в каком-то глупом, старинном большинства прихожан упрямстве, которого до сих пор никому из благомыслящих людей не удается победить в них: боятся расходов, лишних сборов на училище, не смотря на то, что напрасно

выходит у них денег каждодневно столько, что ими покрылись бы нужны училища. В настоящее время устраивается училище при фабричном корпусе, в которое, вместе с фабричными детьми, может быть, не будут ли допущены учиться и дети местных жителей; что конечно же было бы великим благодеянием для прихода. Особенных [13] суеверий, предрассудков и грубых обычаев, к счастью, в приходе нет, кроме так сказать, общих всему народу русскому; но и те заметно по-немногу уничтожаются.

IV.
О праздниках.

«Какие праздники в приходе. Как празднуются праздники храмовые и праздники приходские гости. Угощение. Окропление домов святой водою. Молебствия в домах в храмовые праздники.»

В Южском приходе, кроме храмовых, общих всему приходу праздников, есть еще праздники особые в каждой приходской деревне. День святителя и чудотворца Николая [13 об.] 6 декабря и день Смоленской иконы Божией матери. Особенные праздники: в селе Юже – день Святой Троицы; в деревнях: Омелове и Нефедове – день Вознесения Господня; в Тарантаеве, Реброве и Костяеве, – первое Воскресенье после недели всех Святых, в Петровки; в деревнях: Сойне и Русинове – день Святителя и Чудотворца Николая 9 мая.

Храмовые праздники, в настоящее время, не особенно празднуются приходом, хотя прежде, когда к этим праздникам возвращались из дорог офени-прихожане, с значительною выручкою, праздники эти проводились очень широко и весело. Бывало, прибывши домой, хозяева-офени созывают всех своих приказчиков, которых у иного хозяина было человек до десяти и более, и начинают делать «дуван» (слово офенское), то есть производить раздел барышей от торговли и выдачу жалованья. Раздувшись, начинают [14] широкое празднование и попойки. В настоящее же время празднуются только праздники местные, деревенские. Проводят эти праздники так: После обедни поднимаются из храма Св. Иконы и в сопровождение всего, почти, приходского народа относятся в праздничную деревню. Здесь прежде всего на конце деревни совершается водосвятный молебен, после которого Св. Иконы обносятся вокруг деревни в сопровождении Священно-церковно-служителей с пением духов. песней и окроплением Св. водою полей. Молебны служатся во время обхода и в других местах: на полях, на перекрестках дорог и наконец один общий молебен служится Празднику с водоосвящением среди деревни. По окончании общего молебна священно-церковно-служители, после небольшого отдыха обходят со Св. Иконами все дома деревенских жителей и служат молебны на дворах. Этим оканчивается духовное торжество в деревне, и иконы [14 об.] переносятся в другую деревню тем же порядком, и совершаются такие же Богослужения, а народ оставшийся в первой деревне принимается за угощение.

Гостей собирается на Праздник со всего прихода, иногда очень много, и каждый гость по порядку ходит из дома в дом, не разбирая родственники ли его

живут в доме, или нет. На угощение народ приходский очень добр и при приеме гостей приветлив. Угощают обыкновенно вином, чаем, брагою и разного рода закусками. На другой, или на третий день Праздника причт опять является в деревню и обходит все дома жителей, окропляя их, при пении праздничного тропаря, Св. водою. В праздники Св. Троицы и Смоленской Иконы Б. Матери, в прежнее время Священно-церковно- служители утром, до обедни, обходили со Святыми Иконами все дома в селе и служили в каждом доме [15] молебны, но с недавнего времени, лет 10 назад обычай этот, по причине чрезвычайной трудности служения причту, с согласия жителей села, изменен и обходить с Иконами дома и служить в них Праздничные молебны установили за несколько дней до Праздника.

V.
О бумаго – прядильной фабрике.

«Место, время и история построения фабрики. Строитель. Во что обошлась постройка фабрики. Рабочий народ. Управление. Взгляды народа на фабрику. Влияние фабрики на физическое, нравственное и материальное состояние народа. Отношение фабричного народа к храму. Хозяин и его доходы [15 об.] *от фабрики. Фабричный праздник.»*

Ко приходу Южского Смоленского храма принадлежит бумаго- прядильная фабрика, находящаяся в полутора верстах от храма. На месте, где построена фабрика, был сплошной, высокий лес, одна только узенькая тропинка извивалась поперек его и вела к маленькому ручейку. Проезжая, большая дорога лежала в полуверсте от этого места. В пятидесятых годах настоящего столетия, когда еще существовало крепостное право, помещик Иван Александрович Пратасьев, купив с аукциона Южскую вотчину, по совету понимающих дело людей решился в этой вотчине устроить бумаго-прядильную фабрику, находя благоприятствующими тому все местные условия. Обладая большим капиталом и твердым, [16] решительным характером, он не отложил этого дела на долго, а в тотчас же, пригласив директора Англичанина и Архитектора Рейма, избрал место, очистил его и приступил к постройке. Постройка производилась очень спешно, так что через два с небольшим года со времени закладки фабрика была готова, машины были установлены и 1861 году началась работа. Фабрика построена очень красиво и так прочно, что для настоящего времени, то есть в продолжении 16 лет не потребовало еще никакой капитальной поправки. Постройка фабрики обошлась И. Пратасьеву в семьсот тысяч рублей.

Народу на фабрике, всякого – служащего и рабочего находится до 1000 человек и все они получают жалованье от фабрики и имеют фабричное помещение. Народ рабочий набирается, большею частию, из недальных, [16 об.] окрестных мест, и только немного семей пришло издалека и живут на фабрике безвыездно. Управляется фабрика – в фабричном деле – директором, в хозяйственном – главным управляющим, хозяин только наблюдает за всем.

В первое время существования фабрики местные жители смотрели на нее с предубеждением. Не понимая дела они думали, что фабрика не только не доставит никаких выгод, но будет им в тягость; в настоящее же время все они убедились, что фабрика для них великое благодеяние: целые семейства от нее только и кормятся, и благомыслящие люди поминают строителя Г. Пратасьева.

Впрочем безусловно хвалить фабрику нельзя, она имеет и дурные [17] стороны, именно: оказывает вредное влияние на физическое и нравственное состояние народа, действует гибельно и на здоровье фабричного народа. Вы с первого взгляда узнаете фабричного человека: он томный, бледный и худой, особенно дети много теряют здоровья на фабрике. Постоянная и днем и ночью усиленная работа, сон и пища безвременные и недостаточные, изнуряют и обессиливают рабочего человека, а воздух спертый, вонючий, наполненный газами и гарью от нефти, которою освещается фабрика, и тонкими волокнами от хлопка засаривает легкие и производит чахотку. В былое время в Южском приходе не имели и понятия о чахотке, но с устройством фабрики чахоткой стали умирать многие.

В нравственном отношении фабричный народ тоже нельзя похвалить, – много в нем [17 об.] господствует больших пороков. Живут фабричные люди довольно бедно, оттого, что заработанная их плата мала, и не вовремя выдаётся она, что зависит от скупости купца хозяина. В Церковь к Богослужениям, в воскресные и праздничные дни, фабричные люди ходят, но не все, не потому впрочем, чтобы они чуждались православного храма, – раскольников и отщепенцев среди них почти нет, – но единственно по своей лености и беспечности. Церковь и духовенство конечно получает от фабричного народа доход, но не большой, – 1, потому, что набирается этот народ как было сказано выше, по большей части, из окрестных селений, а потому в праздники и для исправления треб уходит в свои приходы, – и 2, что получая небольшое жалованье и притом не вовремя, они сами во всем нуждаются. Хозяин фабрики, в настоящее время купец Балин, о котором худого говорить [18] не приходится, а хорошего сказать нечего; фабрика дает ему чистого барыша около 200 000 рублей ежегодно. Праздником фабричным избран день Вознесения Господня, хотя такое избрание не совсем приятно фабричному народу и не удобно Священно-церковно-служителям, по невозможности в этот день обходить с молебнами помещения фабричного народа; но такова была фантазия управляющего фабрикою.

VI.
О церковной земле.

«Количество церковной земли. В каких местах находится церковная земля. Качество. Кем дополнена церковная земля. Какие строения на церковной земле.»

Земля при Южском Смоленском [18 об.] храме усадебная, пахотная и сенокосная, в полной пропорции 33 десятины; именно усадебная 1 десятина и 915 сажень, пахотной 18 десятин 159 сажень, сенокосной 14 десятин и 5 сажень. Плана и межевой книги на эту землю нет, а обозначена пахотная земля на общем

плане с крестьянами, а сенокосная на плане землевладельца Пратасьева. Земля нарезана возможно близко к селению в местах и хорошего качества, особенно хороша земля сенокосная.

До 1860 года земли церковной при Южском храме было меньше законной пропорции, около десяти десятин не доставало в полях и лугах; кроме того луговая земля отведена была в разных местах небольшими полосами и дурного качества. Когда же Г. Пратасьев приобрел Южу со всеми ея угодьями, церковный причт обратился к нему [19] с прошением дополнить церкви недостающее количество земли; что он исполнил очень охотно и дополнил в полях 5 десятин, а в лугах 4 десятины. Кроме того видя, что луговою землею владеть церкви, небольшими полосами в разных местах, неудобно, и что самая луговая земля недоброкачественная, он переменил места покоса, нарезал всё количество сенокосной земли в одном месте, избравши для того самую лучшую полосу из всех своих угодий. В настоящее время сена накашивается на церковной земле около 2000 пудов.

Зданий на церковной земле, кроме домов Священно-церковно-служителей, никаких нет. Священно-церковно-служительских домов на церковной земле четыре: один дом Священника, один дом Диакона и два дома Причетников. [19 об.]

VII.
О Церковном Причте.

«Состав причта. Дома и хозяйственные постройки. Содержание причта, занятия. Кто известен из Священно-церковно-служителей Южского храма и чем отличается.»

Состав причта при Южском храме изменялся несколько раз. По сказанию старожилов в прежнее время при Южском храме было два Священника и два причетника, а Диакона не было; потом до 1870 г. было: Священник, Диакон и два причетника; с этого же года по настоящее время церковный причт составляют: Священник, Диакон и Причетник. По реформе 1876 г. при Южском храме положено быть Настоятелю Священнику и [20] Псаломщику.

Живут Священно-церковно-служители Южского храма в собственных домах; дома их деревянные, построены на церковной земле, вблизи храма, дома посредственные, – нельзя назвать их бедными, но никто не назовет и богатыми, мало чем отличаются от крестьянских домов. Вблизи домов устроены скотные дворы, за ними огороды с грядами для овощей и наконец гуменники, с кое-какими хозяйственными постройками. Садов при домах нет, потому что сады на Южской земле принимаются плохо и требуют для своего разведения и поддержания хлопот и расходов, непосильных для Южского причта.

Содержание причт получает от прихожан и частию от земледелия; содержится он посредственно, – нужды особенной не видит, но не видит также [20 об.] ни в чем и довольства. Приход доставляет причту деньги и небольшое количество хлеба; земля родит хлеб очень посредственно, одни только луга дают достаточное количество сена. К облегчению содержания причта служит частью то, что он, пока, не покупает дров для отопления себя, а, по местным условиям, приобретает их почти задаром.

С давних пор Священно-церковно-служители занимаются земледелием, – сами обрабатывают свою землю пахотную и сенокосную. С недавнего только времени Священники не стали сами заниматься земледелием, не имя к тому свободного времени; они отдают свою землю крестьянам из половины. Причт имеет у себя лошадей и всякого рода домашний скот, который, конечно доставляет ему некоторую помощь в пропитании.

[21] Священно-церковно-служители Южского храма, известны по церковным записям и старинным указам с 1739 года, и надобно заметить, что с этого времени до 1833 года, т.е. в продолжение целого столетия, священническое место в селе Юже преемственно переходило от отца к сыну, и только в 1833 преемство это прекратилось, и Священническое место стали занимать лица посторонние.

Первый из Священников села Южи известен Дмитрий, родоначальник целого поколения Южских церковнослужителей. Об нем упоминается в одном старинном указе 1737 г., хранящемся в Южском храме.

Второй Священник Михаил Дмитриев, сын Дмитрия, – о нем упоминается в указе 1763 г. [21 об.]

Третий Священник Аверкий Михайлов, сын Михаила, известен по рукоприкладству в старых Метрических книгах.

Четвертый Священник Петр Люстров, сын Аверкия, помер в 1833 году.

Сын же Священника Аверкия Михайлова Никанор Аверкиев был долгое время дьячком в Юже, помер в 1860 г., около 90 лет от роду. Никанор Аверкиев нигде не учился, но читал и пел в храме прекрасно, устав церковный знал хорошо и был вообще человек любознательный, он вёл даже записки с выходящими из ряда обыкновенных событиями, к сожалению, записки эти были писаны им то на книгах, то на клочках бумаги, и после его смерти почти всё утратилось. От него между прочим узнали мы [22] много преданий о селе Юже и о Южском храме. Диаконами в это время были: Дмитрий Михайлов и сын его Алексей Дмитриев. Дмитрий Михайлов был человек любознательный и, по тогдашнему времени, довольно начитанный, уступивши место сыну своему Алексею, он долгое время находился в заштате и умер в 1832 г.

Пятый священник – Василий Федоров Шепелев, студент Владимирской семинарии, первоначально был Диаконом в селе Верхнем Ландехе, в 1833 г. определен Преосвященным Парфением во Священника в село Южу; помер в 1847 г. – 47 лет от роду.

В причте его были: Диакон Гавриил Смирнов, исключенный из философского класса и поступивший на место Алексея Дмитриева со взятием его дочери; дьячок Никанор Аверкиев и пономари: Иван Васильев, Петр [22 об.] Борисоглебский и Иван Святоезерский, последовательно один за другим.

Шестой священник Андрей Васильев Миртов студент Владимирской семинарии, окончивший курс семинарских наук в 1846 году. В 1847 году Преосвященным Парфением определен во Священника на настоящее место. Со времени поступления своего на место до сего 1877 года он проходил должности: Законоучителя, Духовного Депутата, Земского Гласного, Члена училищного Совета, Члена Цензурного комитета, Духовника, присутствовал в Комиссиях: по сокращению

благочиний, по уравнению приходов, и получил награды: в 1860 г. наперстный Крест, в память Крымской войны, в том же году, Набедренник; в 1866 г. Скуфью; в 1875 году Камилавку; в 1876 году определен Настоятелем Церкви.

[23] Причт его составляют: Диакон Александр Покровский, зять Диакона Смирнова, из философского класса Владимирской семинарии, хороший чтец, и особенно хороший письмоводитель и певец. Пению научился он во Владимире, бывши долгое время певчим в Архиерейском хоре. В Южу поступил во Диакона в 1861 году; по реформе 1876 года определен он в Южу Псаломщиком.

Дьячок Николай Смиренский из низшего отделения Владимирской семинарии, первоначально исправлял должность Пономаря во Владимире, при Семинарской Богородицкой Церкви; в село Южу поступил в 1860 году. По реформе 1876 года зачислен в Юже Причетником сверхштатным.

[23 об.] VIII.

«Принесение в село Южу Чудотворных икон. Посещение Архипастырей.»

Село Южа имело благодатное утешение несколько раз принимать у себя Чудотворную Икону Боголюбивыя Божия Матери, из Боголюбского монастыря. В каждый раз принесение иконы в Южском приходе составлялся в честь Ея Праздник и Богомолье и Св. Икону обносили по многим домам прихожан для освящения их и служения молебнов. Несколько также раз приносилась в Южу Чудотворная Икона Успения Божией Матери из Флорищевой пустыни. Святой иконе також учреждались Праздники и обносили Ея по домам. [24] Посещали Южу и ея храм по нескольку раз Архипастыри Владимирские во время управления своею Владимирскою Епархиею. Преосвященные: Виктор, Ксенофонт, Парфений, Иустин, Феофан и Антоний все были в Юже и обозревали здание и документы церковные. Преосвященный Парфений был даже много раз; а Преосвященный Виктор один раз совершал служение в Юже, и при этом рассказывают, что имея надобность, по этому случаю, ночевать в Юже, не благоволил остановиться ни в одном доме, но ночевал в палатке, которую приказал раскинуть неподалеку за селом на восточной стороне. Преосвященные: Иустин, Феофан и Антоний осчастливили своим посещением и освятили Своим Архипастырским благословением дом и семейство Священника Миртова и благоволили кушать в нем чай.

[24 об., позднейшая вставка, др. почерком] Седьмой священник Евгений Павлович Алеев окончил курс Владимирской Дух. Семинарии по 1-му разряду в 1883 году и определен 6 сент. 1883 года законоучителем и учителем в Южское фабричное училище; а в 1884 г. 29 авг. рукоположен во священника Архиепископом Феогностом к Смоленской, села Южи, церкви. Проходил должность уездного Наблюдателя церковно-приходской школы по Вязниковскому уезду по 4 окт. 1900 года – в продолжение 12 лет состоял членом Благочиннического Совета, – имеет награды: Набедренник, Скуфью, Камилавку, Наперсный золотой Крест. Наперстный крест и Крест с украшениями, а в 1921 году Святейшим патриархом Тихоном и Священным Синодом был награжден

«Саном Протоиерея». В причте его были: Диакон Александр Спиридонович Покровский, который умер от рака желудка – 56 лет – в 1895 году 9 марта. Со смертию его штатное диаконское место закрылось ввиду открытия фабричной Асигкритской церкви в 1895 году 8 июля. Означенная Асигкритская церковь просуществовала до 1923 года (около 30 лет), в настоящее время она закрыта, в это время Южа стала городом. Псаломщики: Павел Петрович Никольский из Духовного училища, поступил на должность 7 декабря 1887 года, на место умершего тестя своего Николая Ивановича Смиренского, который умер от разрыва сердца 23 окт. 1887 года.

Петр Павлович Никольский окончивший курс Владимирской Д. Семинарии поступил в псаломщики на место умершего своего отца (в 1915 году) Павла Петровича Никольского и псаломщиком был до 1928 года 6 декабря.

1917 года 6 мая умерла жена диакона Александра Спиридон. Покровского Мария Гаврииловна Покровская 79 лет от роду, урожденная Смирнова Гавриила Иоанновича, который умер заштатным диаконом в с. Юже 1876 года 27 октября; жена Гавр. Ив. Смир. Анисия Алексеевна дочь Диакона с. Южи Алексея Дмитриевича умерла в 1891 г. 29 октября 78 лет от роду; все погребены в церковной ограде.

[Там же, более мелким почерком] Восьмой священник Виктор Александрович Покровский окончивший курс Владимирской Духовной Семинарии в 1895 году, проходил должность учителя в Ярцевском фабричном училище в г. Вязниках. 1900 г. 15 августа рукоположен во священника к Николаевской церкви села Шумилово, Суздальского уезда, Епископом Платоном Муромским при Архиепископе Сергие Владимирск. и Суздальск., где и жил почти 29 лет. В 1929 г. 17 января перешел в Южу, на свою родину, где 4 месяца испр. должность псаломщика. В 1929 г. 14 мая Архиепископом Севастианом Управляющим Ив.-Вознесенской епархией определен при Смоленской [25] церкви с. Южа на второе священническое место. 1930 года 9 марта назначен Настоятелем Смоленской церкви с. Южи Архиепископом Павлом Ив.-Вознесенским, а 20 марта 1931 года за № 309-м назначен Благочинным 5-го Шуйского округа Им же. Прапрадед его Дмитрий Михайлович, прадед Алексий Дмитриевич, дед Гавриил Иванович и отец Александр Спиридонович, все четверо последовательно один за другим были диаконами при Смоленской церкви с. Южа, прапрадед Дмитрий Михайлович начал службу церкви Божией около 1770 г.]

[Лист 25 оборван на нижние 2/3 части (очевидно, до написания на нём текста). Оборот пуст.]

[26] ЗАПИСЬ СОВРЕМЕННЫХ СОБЫТИЙ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ

В 1876 году в Июне месяце прислано в Южскую Церковь прекрасное гарусное зеленого цвета полное облачение Священническое и Диаконское. Пожертвовал таковое облачение, проживающий в г. Николаевске Самарской губернии, прежде бывший прихожанин нашего храма Пантелеимон Иванович Желаев.

В 1877 году от неосторожного обращения с огнем, произошли в деревне Омелове два пожара. Небольшая деревня выгорела почти вся.

В 1878 году проносили Селом Чудотворную Икону Успения Б.Матери из Флорищевой пустыни. В храме пред Чудотворною Иконою отслужен был молебен Божией Матери с чтением Акафиста Честному [26 об.] Ея Успению.

20 Сентября месяца того же года открыто при фабрике одноклассное Народное Училище. Училище устроил и снабдил всем необходимым владелец фабрики купец А.Я.Балин, на собственные средства. От него же выдаётся и жалованье учителю 300 рублей и за Законоучительство 60 рублей. Дирекцией народных училищ учителем, с правом Законоучительства, назначен студент Владимирской семинарии, сын Священника Иван Смирнов.

В 1879 году Января 19 дня сгорела фабрика Балина. Пожар произошел от трения плохо смазанных машин и продолжался всего три часа с 8 до 11 утра. Сгорел один только фабричный корпус, а жилые корпуса, паровая, газовая и дымовая труба остались целы.

[27] В том же году Апреля 24 числа во вторник в 4 часа вечера была закладка фабрики на месте сгоревшей. Впрочем фабричный корпус только распространен и исправлен. В Корпусе сделана одна восточная стена новая, а все прочие стороны оставлены прежние. В ширину корпус прибавлен противу прежнего на 9 аршин. Машины сделаны все новые.

1880-й год, в нашей местности, можно назвать вообще годом довольно благополучным, погода в продолжение года стояла сносная; кроме нескольких летних и осенних недель, в которые дожди шли, в отношении крестьянских работ, не совсем благовременно; с 14 июля по 31 были сильные жары, доходившие до 30°. Урожай хлебов был посредственный и урожай трав в лугах тоже. Осенью только цены на хлеб поднялись до невероятной[27об.] цифры – 1 р. 80 к. ржаная мука за пуд. В такой же пропорции поднялись цены и на другие продукты. Это однако было несчастьем целой почти России, вследствие того, что во многих Губерниях прежде плодородных, напр., Самарской, Саратовской и друг. совершенно хлеб не родился.

Апреля 30 дня фабрика, переделанная после пожара, пущена в ход, Мая же 15 в 7 часов утра была закладка новой фабрики, составляющей продолжение прежней на северную сторону.

Июля 13 дня Южский приход имел благодатное утешение принимать в своем храме Чудотворную Икону Успения Божия Матери из Флорищевой пустыни, по какому случаю было совершено торжественное богослужение. При этом нельзя не упомянуть о ненасытной жадности к наживе Русского Купца. По случаю принесения Чудотв. Иконы работающему на фабрике народу хотелось сходить в Церковь к Литургии и помолиться. Для этого следовало только остановить фабрику на время совершения Богослужения; но владелец фабрики Балин Священнику, ходатайствовавшему у него за фабричный [28] народ, решительно сказал, что он этого сделать не позволит, потому что остановка фабрики принесет ему убыток. Так-то почти и все Русские купцы заботятся о религиозности своих рабочих.

Октября 31 дня в 9 часов утра скончалась от чахотки жена местного Священника Глафира Васильевна Миртова на 48-м году от рождения. Болезнь продолжалась долгое время, но больная, как все чахоточные, в постели не лежала, а понемногу занималась хозяйством. Кончина была тихая и спокойная;

народу при погребении было очень много. Покойная была дочь Священника Шепелева, на место которого поступил муж ея.

[Продолжение др. почерком, там же] 1884 года 20 августа священник Андрей Васильевич Миртов Преосвященнейшим Епископом Феогностом перемещен к единоверческой церкви села Дубасово Судогодского уезда. Того же числа на праздное священническое место в Юже определен студент Владимирской Духовной Семинарии Евгений Павлович Алеев.

[На этом же листе внизу на полях приписка, сделанная, видимо, о. Виктором Покровским] 1930 года 27 января Протоиерей Смоленской церкви села Южи Евгений Павлович Алеев ушел в заштат, прослужив в приходе почти 46 лет на одном месте. 1931 года 18 июня жена его Вера Андреевна Алеева, урожд. Миртова, умерла от паралича 71 года от роду и погр. в церковной ограде.

[28 об.] [Сверху мелким почерком надпись на полях]

Священник села Южа Андрей Васильевич Миртов умер в 1890-х годах в гор. Муроме в сане Архимандрита и погребен в Благовещенском монастыре – восьмидесяти с лишком лет.

[Основной текст] 1885 года 18 мая в 7 часов утра в г. Иванове-Вознесенске от апоплексического удара скончался владелец Южской фабрики Асигкрит Яковлевич Балин. Погребен он в селе Дунилове.

1888 год. На церковные средства и доброхотодателей в настоящем храме устроен Палеховским иконописцем Василием Евграфовым Белоусовым живопись за 950 руб.

В 1889 году на средства потомственного почетного гражданина Леонида Асигкритова Балина в настоящем храме по Западной стороне устроены чугунные хоры с таковой же лестницей. Стоимость хор – 1183 рубля.

В том же году настоящий и трапезный храмы на средства Л.А.Балина возобновлены. Иконостас настоящего храма перезолочен по аполименту золотом 11 золотникового достоинства и выкрашен белилами вместо кармина за 2650 рублей. Иконы настоящего иконостаса все переписаны Палеховским живописцем Василием Евграф. Белоусовым по-новому, более удовлетворительному после прежнего, рисунку, в греческом стиле и по золотому фону за 1750 р.

1889 года 24 декабря в храм села Южи Леонидом Асигк. Балиным [29] пожертвована икона великомученика Пантелеимона в сребропозолоченной ризе. Икона писана в русском Пантелеимоновском монастыре на Афоне и там же освящена. Стоимость иконы 150 рублей. Стоимость ризы 950 рублей, за каждый золотник веса в работе плачено 55 коп. К освящению храма Леонидом Асигрит. Балиным полное Священническое и Диаконское золотой парчи облачение, стоящее 750 рублей.

1890 года Апреля 17 дня в 8 часов дня скончался от чахотки Леонид Асигкритович Балин, отпевание совершено Дуниловским единоверческим причтом в храме села Южа, погребен в селе Дунилове при единоверческой церкви.

1890 года 4 Августа в селе был сильный пожар, истребивший 30 домов, верхний этаж колокольни обгорел. Причина пожара неизвестна.

[Другим почерком]

Смотрел Благочинный священник Иоанн Алявдин

Краткие сведения об авторах публикаций

Володихин Дмитрий Михайлович, д-р исторических наук, МГУ; доцент кафедры отеч.истории. Г. Москва.

Краева (Жиркова) Татьяна Юрьевна, быв. работник Управления образования Нижнего Новгорода, в наст. время пенсионер. Проживает в г. Южа.

Кривцов Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук, преподаватель Центра изучения Библии при Культурно-просветительском центре «Свято-Никольский» (Автозаводское благочиние Нижего-родской епархии). Г. Дзержинск Нижегородской области.

Крюковская Елизавета Владимировна, учащаяся средней школы №1. Г. Южа.

Купцов Иван Владимирович, Государственный музей-заповедник Ростовский кремль, хранитель фондов. Г. Ростов Великий Ярославской области.

Лихачёв Алексей Евгеньевич, священник, кандидат богословия, храм Смоленской иконы Божией Матери в г. Юже, настоятель. Г. Южа.

Макарьянц Борис Леонидович, врач-кардиолог. Краевед-любитель, автор книги по истории прославления Шуйской иконы. Г. Иваново.

Тихомиров Александр Михайлович, кандидат биологических наук, доцент каф. биологии ИвГУ. Консультант Ивановской митрополии по истории церковной архитектуры. Г.Иваново.

Фролов Николай Владимирович, журналист, автор многих историко-краеведческих публикаций. Г.Ковров Владимирской области.

Содержание

Раздел I. Род князя Д.М.Пожарского и другие вопросы историографии Смуты

Н.В. Фролов. Из жизни древнейших землевладельцев на землях Южского района, князей Ряполовских 3

Д.М. Володихин. Патриарх Гермоген как политик-консерватор 7

Раздел II. История южской земли и сопредельных с ней

Д.Ю. Кривцов. К церковной истории окрестностей Ламенского озера. 13

Б.Л. Макарьянц. Близ камней вековых, покрытых жёлтым мохом... 35

Раздел III. Духовная жизнь и культура южской земли

Священник А.Е. Лихачев. Церковно-приходская летопись (нач. 1876 г.) Смоленской церкви в с. Южа как источник по локальной истории Южской земли. 39

А.М. Тихомиров. История Святоезерского монастыря после 1917 года. 49

Б.Л. Макарьянц. Страницы локальной истории иконы Одигитрии Шуйской 54

Раздел IV. Персоналии, значимые для истории Южи

Составитель Д.Ю. Кривцов. О выходце из Холуя архиепископе Астраханском Мефодие 63

Священник А.Е. Лихачёв, И.В. Купцов. О южском краеведе Иване Васильевиче Гусеве 69

Раздел V. Семейный фотоархив

Т.Ю. Краева, священник А.Е. Лихачев. Из фотоархива семьи церковнослужителей Смоленской церкви в Юже Никольских и их потомков. 71

Е.В. Крюковская, священник А.Е. Лихачев, Фотоархив: из истории одного крепкого крестьянского рода – Араповых из дер. Горки Груздевской волости 75

Раздел VI. Наши публикации

Церковно-приходская летопись Смоленской церкви в Юже, начатая иер. Андреем Миртовым . . . 79

Научно-популярное издание

Пожарский юбилейный альманах

Выпуск № 9

К 20-летию открытия Смоленского прихода в Старой Юже и 320-летию со дня рождения нашего земляка епископа Астраханского Мефодия

Редактор-составитель – А.Е.Лихачёв
Художники – Н.А.Сафаров, И.А.Лихачёв
Дизайн – А.А.Сурков
Компьютерная вёрстка – Н.А.Лабунская
Фотографии – авторов, Ж.А.Паличевой и архивного отдела
администрации Южского муниципального района

Материалы для настоящего сборника, в связи с ситуацией карантина, получены в электронном виде, через объявление рассылки Ивановским областным краеведческим обществом. В дальнейшем интересные исследовательские работы будут публиковаться по мере поступления.

Ознакомиться с выпусками Пожарского альманаха №№1-8
можно на сайте Прихода Смоленской иконы Божией Матери в Юже
в разделе «Историческая Память»: http://www.old-yuzha.ru/almanah.html
Желающие предложить свои публикации в следующие выпуски альманаха
могут присылать их на отзыв по э/почте: yuzha-church@yandex.ru.

Подписано в печать 09.12.2020. Формат 60x84 1/16. Печ. л. 6,72.
Тираж 500 экз. Заказ № 38.